

Максудов Рустем Рамзиевич

После окончания Казанского государственного университета в 1982 г. в течение 5 лет занимался изучением криминальных группировок молодежи.

С 1987 г. участвует в методологическом движении, развивающем идеи Московского методологического кружка (основатель Г.П. Щедровицкий).

С 1994 по 1996 гг. участвовал в мероприятиях отдела по судебной реформе и судопроизводству Государственного правового управления Администрации Президента России, связанных с продвижением судебной реформы в России.

В 1997 г. инициировал продвижение идеи и технологии восстановительного правосудия в России. Изучал опыт восстановительного правосудия и ювенальной юстиции в Великобритании, Бельгии, Канаде, Новой Зеландии, Польше и Чехии.

Сертифицированный тренер в области медиации, разработчик восстановительного подхода в работе с конфликтами и криминальными ситуациями в России. Практикующий медиатор в программах восстановительной медиации, кругов сообществ, семейных конференций. Стаж работы в области медиации – 15 лет.

В настоящее время председатель Всероссийской ассоциации восстановительной медиации, президент общественного центра «Судебно-правовая реформа», член Европейского форума по восстановительному правосудию.

Автор 6 книг и более 100 статей в области медиации, восстановительного правосудия, ювенальной юстиции, криминологии и судебной реформы.

Рустем МАКСУДОВ Программы восстановительного разрешения конфликтов

Рустем Максудов

Программы восстановительного разрешения конфликтов и криминальных ситуаций: от уникальных эпизодов к заживлению социальной ткани

Москва-2012

Межрегиональный общественный центр
«Судебно-правовая реформа»

Рустем Максудов

**Программы
восстановительного
разрешения конфликтов и
криминальных ситуаций:
от уникальных эпизодов
к заживлению социальной ткани**

Москва-2012

УДК 316.28:340.01(082)
ББК 67.4+60.5

Общественный центр «Судебно-правовая реформа»
Издательская лицензия ЛР № 030828 от 3 июня 1998 г.
Сайт общественного центра «Судебно-правовая реформа»: www.sprc.ru

Издание осуществлено в рамках программы
«Россия – территория примирения»,
при реализации которой используется государственная субсидия.

Фото на обложку любезно предоставлено
Анной Миллер, профессиональным фотографом
<http://digital-dreams.ru>

Максудов Р.Р.

Программы восстановительного разрешения конфликтов и криминальных ситуаций: от уникальных эпизодов к заживлению социальной ткани. – М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2012. – 256 с.

ISBN 978-5-901075-32-6

В книге раскрываются теоретические и практические аспекты восстановительного разрешения конфликтов и криминальных ситуаций. Представлена оригинальная российская модель восстановительной медиации. Дается описание особенностей проведения медиации с участием несовершеннолетних. Работа будет полезна практикующим медиаторам, специалистам социальных служб, комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав, учреждений образования, психологам, судьям, сотрудникам правоохранительных органов и другим специалистам в области работы с конфликтами и криминальными ситуациями.

ISBN 978-5-901075-32-6

© МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2012

Содержание

Предисловие	5
1. Почва	7
2. Корни.....	13
3. Ветви и крона	28
4. Соки.....	122
5. Семена.....	131
Приложение 1. Укрепляя доверие между людьми: что может правосудие.....	169
Приложение 2. Примерное положение о службе примирения в образовательном учреждении.....	182
Приложение 3. Форма примирительного договора (договора о заглаживании вреда)	189
Приложение 4. Форма регистрационной карточки	190
Приложение 5. Основные фазы работы медиатора.....	191
Приложение 6. Восстановительная медиация: организация и навыки работы медиатора (практическое руководство для тренеров)	194
Приложение 7. Рустем Максудов. Лекция о семейных конференциях	218
Публикации автора.....	241

Предисловие

Omnia vincit amor et nos cedamus amori

Посвящается Галечке

С 1997 года по настоящее время общественный центр «Судебно-правовая реформа» распространяет в России и странах постсоветского пространства идею и технологию восстановительного разрешения конфликтов и криминальных ситуаций. Концепция восстановительного разрешения конфликтов и криминальных ситуаций (и шире – восстановительного подхода) разрабатывается сегодня в мире как система теоретических представлений и набор способов, процедур и приемов работы, используемых в ситуации преступления, всплеска насилия, конфликта, в обстоятельствах эскалации взаимонепонимания, отчуждения и напряженности в отношениях между людьми. Использование восстановительного подхода необходимо тогда, когда межчеловеческие отношения насыщаются ненавистью и мстительностью, что обрывает возможность протекания нормальной человеческой жизни.

Восстановительное разрешение конфликтов и криминальных ситуаций помогает людям самим исправить зло, причиненное конфликтами и преступлениями. Восстановительный подход в разрешении конфликтов и криминальных ситуаций с помощью медиаторов помогает реализовать важные для общества ценности: исцеление жертв преступлений, заглаживание вреда силами обидчиков, участие в этом процессе ближайшего социального окружения.

В России идет интенсивный процесс освоения и развития восстановительных практик через создание территориальных и школьных служб примирения. К нему присоединя-

ются новые регионы, создаются ассоциации специалистов, складываются местные модели межведомственного взаимодействия разных структур, работающих с несовершеннолетними и их семьями, куда включаются и службы примирения, развивается инструментарий восстановительных программ. По инициативе центра «Судебно-правовая реформа» в различных регионах России (Москве, Пермском крае, Тюмени, Волгоградской области, Красноярске, Урае, Казани, Новосибирске, Великом Новгороде, Петрозаводске, Самарской области, Чебоксарах, Липецке, Кирове, Якутске, Ростовской области, Ставрополе, Череповце, Махачкале, Барнауле, Сахалинской области) происходит оформление групп ответственности, а также представителей муниципальных учреждений социальной сферы и сферы образования. Данные группы реализуют восстановительную практику по уголовным делам и конфликтам с участием несовершеннолетних во взаимодействии с судами, комиссиями по делам несовершеннолетних и защите их прав, содействуют созданию школьных служб примирения в образовательных учреждениях. Цель данной книги – выделить основные вехи этого пути, важные концептуальные и технологические элементы практики, обозначить перспективы деятельности в области продвижения восстановительного подхода при разрешении конфликтов и криминальных ситуаций.¹

¹ В книге данный подход раскрыт при работе с подростками и молодежью, но он может быть применен и к взрослым.

1. Почва

Начало. Временем начала работы по реализации восстановительного разрешения конфликтов и криминальных ситуаций в России можно считать лето 1997 года, когда я познакомился с помощью преподавателя Эрика Шенка из Юго-Восточного университета штата Флорида (США) с идеей и практикой восстановительного правосудия. Идея сразу же меня захватила, и мое стремление двигаться в данном направлении поддержали Михаил Флямер и Людмила Карнозова, без участия которых невозможно было начать эту работу (в дальнейшем к нашей деятельности присоединился Антон Коновалов). В Москве Эрик провел семинар-тренинг для ведущих программ примирения, в котором приняли участие Михаил Флямер и Анна Грасенкова. С осени 1997 года, когда я перешел на работу в центр «Судебно-правовая реформа», мы совместно с Михаилом Флямером стали работать над созданием условий для запуска первой программы примирения жертвы и правонарушителя.

Увлечение идеями восстановительного правосудия не было случайным:

во-первых, по базовому образованию мы были не юристами, а гуманитариями другого профиля (психология, история, системная методология), имевшими контакты с юристами и получившими за предшествующее время глубокие знания по вопросам российского уголовного правосудия и его реформ;

во-вторых, до перехода на работу в центр «Судебно-правовая реформа» я работал в правозащитной организации – общественном центре «Содействие реформе уголовного пра-

восудия», где познакомился со спецификой правозащитной деятельности и вопросами кризиса института наказания;

в-третьих, Михаил Флямер с 1993 по 1996 год был участником ряда проектов, нацеленных на становление в России сектора неправительственных организаций, и хотел продолжать работать с ними в контексте вопросов судебной реформы;

в-четвертых, будущие члены центра «Судебно-правовая реформа» участвовали (Людмила Карнозова с 1992, Михаил Флямер с 1993, я с 1995 года) в семинарах по проблемам преобразования судебной системы РФ в рамках работы отдела Судебной реформы и судопроизводства Государственно-правового управления Президента РФ под руководством С.А.Пашина. В 1996 году, после ликвидации этого отдела, встал вопрос о нашем самоопределении. Центр «Судебно-правовая реформа» стал преемником постоянно действующего семинара по проблемам права и судебной реформы, организованного при отделе С. Пашина. Возникла необходимость найти направление деятельности, которое наиболее полно раскрывало бы наш потенциал как специалистов, работающих в общественной организации, не интегрированной в официальное правосудие.

Идеи и практика восстановительного правосудия отвечали нашей ситуации и устремлениям. Они высветили для нас комплекс проблем уголовной юстиции, который соответствовал нашему потенциалу как специалистов, иницирующих глубокую реформу правосудия, но при этом работающих в общественной организации. В этот момент и была создана некоммерческая организация – общественный центр «Судебно-правовая реформа». Постепенно сложилась группа из пяти человек: я, Михаил Флямер, Людмила Карнозова, Антон Коновалов и Анна Грасенкова².

² В дальнейшем Михаил Флямер и Анна Грасенкова прекратили свою деятельность в группе.

Самоопределение. Мы с самого начала не рассматривали себя в качестве организации, оказывающей услуги по типу приемной или службы. Хотя такая работа является важнейшей для закрепления общих результатов движения за восстановительную юстицию, для нас главными были другие приоритеты. Прежде всего, это ориентация на инициирование новой практики. Основная трудность нашей ситуации заключалась в том, что инициировать новую практику пришлось вне тех или иных функционирующих служб, в которых можно было бы апробировать и кристаллизовать опыт и инициативы, и в то же время мы хотели прочувствовать и прожить опыт проведения программ восстановительного правосудия. Тем самым мы «выращивали» эту практику на себе. И здесь исключительно важной являлась методическая работа по анализу, конструированию процедур и юридических алгоритмов, закреплению прецедентов партнерства и постоянному отслеживанию и аккумуляции опыта в довольно узких масштабах небольшой группы вне постоянного финансирования, необходимых организационных условий, с дефицитом профессионализма.

В то же время мы видели себя в качестве группы, иницирующей достаточно глубокие преобразования в российском обществе и государстве. Эта ценность задавала общую направленность усилий центра и наше отношение как к фундаментальным, так и более частным вопросам права и судопроизводства. Мы понимали, что поставленные нами цели не могли быть вмещены в рамки какого-либо одного проекта. Речь идет о широкой и длительной программе деятельности, включающей практическое изменение характера функционирования правоохранительных институтов, отношения сообществ и граждан к вопросам преступления и наказания. Это заставляло нас постоянно обращаться к опыту реформирования, размышлять о путях такой работы, сохранять связь и вести дискуссии с представителями мощного интеллекту-

ального движения России, известного под названием Московский методологический кружок. Социокультурная основательность этого кружка стала возможна благодаря более чем 40-летним разработкам его членов и, прежде всего, его руководителя – Георгия Петровича Щедровицкого.

Первый опыт. Тогда же, в конце 1997 года, мы начали искать выход в практику, и по инициативе Виктора Николаевича Волохова, сотрудника Администрации Президента Российской Федерации, и при поддержке Таганского отдела милиции осенью следующего года прошла первая программа примирения жертвы и правонарушителя. Важную роль в создании условий для проведения программ примирения сыграла позиция Евгения Викторовича Кретьева, который в то время был заместителем начальника следственного отдела Таганского РУВД по делам несовершеннолетних. Помогли нам в этом также представители Министерства внутренних дел РФ Татьяна Петровна Папкова и Управления внутренних дел Москвы Татьяна Ильинична Максимова.

Итак, первую программу примирения жертвы и правонарушителя по уголовному делу мы провели с Анной Грасенковой в октябре 1998 года. Учащийся одной из московских средних специальных школ выстрелил из духового пистолета в проезжавший мимо трамвай. По стечению обстоятельств в этом трамвае оказалась девушка из группы, где учился обидчик. Жертва в этой ситуации потерпела двойной ущерб. Первым неприятным инцидентом был сам выстрел и осколки стекла, которые слегка ее задели. Затем, поскольку, по мнению друзей правонарушителя, девушка была повинна в том, что указала его фамилию, она еще терпела и негативное отношение к себе со стороны сокурсников. Примирительная встреча дала сторонам возможность понять друг друга. Обидчик принес извинения, жертва их приняла.

Опыт первых примирительных программ показал исключительную важность такой работы. Выражение чувств,

неформальный диалог, получение ответов на свои вопросы в значительной степени содействовали изменению отношения участников друг к другу, к самим себе и к ситуации. Например, встреча с обидчиком в рамках примирительной программы помогла вновь обрести чувство безопасности 11-летнему ограбленному мальчику, который, пережив сильное душевное волнение, боялся выходить на улицу. Получив возможность выразить свои эмоции и чувства, многие потерпевшие перестали испытывать злобу, их ненависть сменилась желанием участвовать в диалоге с обидчиками. Услышав рассказы потерпевших об их чувствах и переживаниях, подростки-правонарушители стали более серьезно воспринимать последствия своих действий. Заинтересованное и внимательное обсуждение вопроса, как сделать, чтобы правонарушение не повторилось, заставило многих ребят глубже осознать собственные проблемы и наметить пути к их разрешению.

Мы все больше убеждались, что тяга людей к нормализации отношений и примирению после криминальных ситуаций во многих случаях довольно велика; необходимость поддержки этих устремлений осознается многими представителями юридического сообщества: судьями, адвокатами, работниками милиции и прокурорами; сами представители органов уголовной юстиции и адвокаты ограничены: они не могут, в силу своих функциональных обязанностей и юридического статуса, помочь людям нормализовать отношения или примириться. Следовательно заинтересован в создании доказательной базы и скорейшем отправлении дела в суд, адвокату мешает адвокатская этика и защита интересов обвиняемого. Судья не может выйти за жестко установленные рамки ведения процесса и обеспечения надлежащей процедуры. Прокурор занимает позицию государственного обвинителя.

Создается парадоксальная ситуация: многие адвокаты, судьи, прокуроры, следователи чувствуют, что в том или

ином случае людям хочется неформально поговорить, снять злобу, возместить ущерб, но... в лучшем случае следователь или адвокат могут посоветовать обвиняемому (а судья, связанный принципом независимости, только желать этого) обратиться к потерпевшему и выплатить ущерб. А если обвиняемый опасается агрессии со стороны потерпевшего, чувствует, что сам может эмоционально не сдержаться при разговоре «с глазу на глаз»? Часто ли мы первыми подходим извиниться к человеку, которому причинили душевную боль? При непосредственном обращении правонарушителя к жертве последняя также может из-за страха отвергнуть все предложения обидчика. Вот здесь и нужен нейтральный медиатор, который организует процесс, где потерпевший имеет возможность освободиться от негативных переживаний, а обвиняемый – сформулировать предложение по исправлению вреда. Медиатор не занимает сторону обвиняемого или потерпевшего и способствует возможности договора сторон, что помогает установить доверие и создает для примирения благоприятную обстановку.

2. Корни

Важнейшим этапом нашей работы стало освоение концепции восстановительного правосудия, изложенной, прежде всего, в работах Ховарда Зера³. Основными для нас стали понятие «потребности жертв преступлений», оппозиционное уголовному правосудию и юридическому мышлению; понятие «ответственность правонарушителя»; цели программ восстановительного правосудия. Существенными элементами нашей практики являются идеи кризиса современного правосудия, изложенные в работах Ховарда Зера и Гарольда Бермана⁴. Глубокий криминологический анализ ситуации в современном уголовном правосудии и варианты выхода из него изложены также в работах Нильса Кристи⁵, которые во многом определили направления наших размышлений и разработок.

Разработка восстановительного способа реагирования на преступление стала реакцией на преимущественно карательную направленность уголовного правосудия. Прежде всего, существующее правосудие отличается невниманием к нуждам жертв преступлений. Многие жертвы нуждаются в восстановлении чувства безопасности, доверии к людям, компенсации материального ущерба, а также в получении ответов на вопросы: «Почему я?», «Повторится ли это со мной?», «Не я ли виноват в этом?», «Что я ему сделал?»

³ См.: *Зер Х.* Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание. М.: Центр «Судебно-правовая реформа», 1998.

⁴ См.: *Берман Дж.* Западная традиция права: эпоха формирования. М.: МГУ, 1994.

⁵ См.: *Кристи Н.* Конфликты как собственность // Правосудие по делам несовершеннолетних. Перспективы развития. Вып. 1. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 1999.

Болезненные переживания: страх, горе, незащищенность, недоверие к людям, самообвинение – могут много лет беспокоить потерпевшего. Для некоторых жертв преступлений очень важна возможность поделиться личной историей и получить ответы на вопросы непосредственно от правонарушителей.

По мнению многих специалистов, жертвам преступлений наносится двойной ущерб: во-первых, от преступления и, во-вторых, от карательного способа организации правосудия, не позволяющего комплексно решать проблемы жертв. Карательная направленность уголовного правосудия обусловлена трактовкой события преступления как нарушения законов государства, а не причинения вреда конкретным людям и отношениям, а также нацеленностью уголовного процесса на доказывание виновности и определение наказания виновному. Потерпевшие чаще всего не знают о судьбе своего обидчика, поскольку не всегда являются на судебные заседания из-за нежелания дополнительно испытывать переживания.

Для правонарушителя уголовный процесс носит характер клеймения и затрудняет его возвращение в сообщество людей, которые не используют насилие и агрессию в повседневной жизни, а также криминальные способы разрешения конфликтных ситуаций. Места лишения свободы существенно влияют на отчуждение правонарушителей от законопослушного общества. Ужесточение наказаний, объединяющее все большее число правонарушителей в колониях и тюрьмах, содействует воспроизводству криминальной субкультуры. Чем больше населения проходит через места лишения свободы, тем больше это способствует распространению терпимости к преступному поведению, усилению враждебности к работникам правоохранительных органов и судов, закреплению ориентации населения на криминальные авторитеты как образцы поведения, а также на силовое

разрешение конфликтов и агрессивность в отношениях как норму поведения. Приведу пример из рассказа социального работника Дины Йошпа о встрече с заключенным воспитательной колонии.

Во время одной из моих поездок в воспитательную колонию мы беседовали с 15-летним подростком, осужденным за убийство. Втроем с друзьями они заживо сожгли бомжа. К моменту нашего разговора подросток находился в колонии уже около года. Я спросила: «Это, наверно, было страшно. Смог ли ты простить себя?» Он ответил: «Сначала мне действительно снились кошмары. Хотелось все исправить, вернуть назад, чтобы этого всего не было. Прошло время, я попал в колонию. А здесь все нормально. Моя статья престижная. Меня здесь уважают».

Что же служит такому положению дел в уголовном правосудии? Какие институционально закреплённые понятия обеспечивают его карательную направленность?

Прежде всего, понятие *преступления*. Согласно ч. 1 ст. 14 Уголовного кодекса Российской Федерации, «преступлением признается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное настоящим Кодексом под угрозой наказания». Фактически преступление – это акт, совершенный против правил, принятых государством. В свое время такое понимание преступления было, безусловно, прогрессивным и служило для защиты прав граждан. В позднем средневековье, когда позорящие и калечащие меры наказания были заменены тюремным заключением, нужно было регламентировать процедуры лишения свободы. В результате именно нарушение нормы закона стало важнейшим основанием применения санкций. Уже в XIV веке в Англии существовала практика доставления арестованного к судье, который решал, оставить обвиняемого под стражей или отпустить под залог. В XVII веке там же был принят Акт, запрещающий подвергать лицо аресту без решения судьи («*Habeas Corpus Act*»).

Юридические основания наказания предполагали классификацию преступлений и систему соответствующих им мер наказания. Решению этих задач (классификации и ранжированию преступлений) посвящали свои труды выдающиеся юристы XVII–XVIII веков.

Когда эта работа была проделана, возникли новые проблемы. Первая заключалась в регламентации деятельности тех, кто применял законы⁶. С постановки этого вопроса зародилась дисциплина уголовно-процессуального права. Вторая проблема: как учитывать в процессуальном смысле специфику деяний? Уголовно наказуемые деяния стали делить на проступки и преступления. Разным деяниям придавался разный процессуальный статус, и появились исследования в области дифференциации уголовного процесса. Третья проблема: определение критериев криминализации деяний.

Преступление, с точки зрения ряда криминологов, – это определенная юридическая конструкция. То что подпадает под признаки преступления, исторически меняется. Более того, есть действия, которые ни один человек, будучи в здравом уме и твердой памяти, никогда не будет квалифицировать как преступные, хотя формально они могут содержать все признаки преступления.

Интересную точку зрения на преступление как юридическую конструкцию выразил Н. Кристи:

«Возьмем детей. Своих и чужих. С большинством из них бывают случаи, когда их поведение с точки зрения закона можно назвать преступным. Скажем, из кошелька пропали деньги. Сын не говорит правду, по крайней мере – всю правду, где он провел вечер. Он колотит своего брата. Однако в таких случаях мы не применяем категории уголовного права. Мы не называем детей преступниками, равно

⁶ Исполнение надлежащей правовой процедуры считается основным признаком функционирования правовой системы.

как не называем их действия преступлениями. Почему? Просто потому, что это кажется несправедливым. Почему несправедливым? Потому, что мы слишком много знаем. Мы знаем ситуацию в целом – сыну отчаянно нужны были деньги, он влюбился первый раз в жизни, брат дразнил его так, что невозможно было терпеть, – т. е. его поступки объяснимы, и тут нечего добавить с точки зрения уголовного права. И своего сына мы прекрасно знаем по тысячам его поступков. При условии исчерпывающего знания юридические категории слишком узки. Сын действительно взял эти деньги, но мы помним множество случаев, когда он щедро делился деньгами или сладостями, мы помним о его сердечности. Он действительно стукнул своего брата, но куда чаще утешал его. Он действительно солгал, но по своей натуре он глубоко правдив. Таков он. Но это не обязательно верно в отношении мальчика, который вот сейчас переходит улицу.

Действия не являются, а становятся теми или иными. То же и с преступностью. Преступлений как таковых не существует. Некоторые действия становятся преступлениями в результате долгого процесса придания смысла этим действиям»⁷.

Но если преступление является только юридической конструкцией, существуют ли у нас иные, чем меняющийся закон, основания для понимания, что преступление есть зло и что люди должны воспитываться в идеологии нетерпимости к совершению преступления?

Интерпретация преступления как вреда, который нанесен личности и отношениям, имеет корни в обычном праве. Была также попытка узнать, что сами люди считают преступлением. Приведем точку зрения известного австралийского

⁷ Кристи Н. Борьба с преступностью как индустрия. Вперед к ГУЛАГу западного образца? М., 1999. С. 20–21.

криминолога Дж. Брэйтуэйта. Опираясь на данные многочисленных эмпирических исследований, он утверждает, что у многих людей совпадает оценка тяжести большого количества самых разнообразных преступлений. Эта оценка касается таких криминальных действий, где преступник, как хищник, «охотится» на жертву (Брейтуэйт называет их «насилственно-хищническими» преступлениями)⁸.

Но даже если мы признаем действия, которые квалифицируются как преступные, остается вопрос о способе реагирования на них. Когда виновность установлена, виновному назначают наказание, далее следует его исполнение. Но в этом случае правонарушитель чаще всего уходит от осознания своей ответственности, а чувства и переживания жертвы игнорируются. Установление виновности и назначение наказания фактически происходят в стратегии отождествления преступления и человека, его совершившего.

Как пишет Ховард Зер, когда официальное правосудие имеет дело с преступлением, оно исходит из ряда предположений. Считается, что:

- «1) виновность должна быть установлена;
- 2) виновный должен “получить по заслугам”;
- 3) справедливое возмездие предполагает страдания;
- 4) критерием правосудия является надлежащая правовая процедура;
- 5) действие подпадает под категорию преступления только в том случае, когда имеет место формальное нарушение закона...

В юриспруденции понятия преступления и виновности облакаются в особые формы и трактуются иначе, чем их переживают пострадавший и преступник»⁹.

⁸ См.: *Брэйтуэйт Дж.* Преступление, стыд и воссоединение / Под общ. ред. М.Г. Флямера. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2002. С. 72.

⁹ *Зер Х.* Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание: пер. с англ. / Общ. ред. Л.М. Карнозовой. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2002. С. 78, 80.

В официальном российском правосудии, даже если подсудимый не приговаривается к лишению свободы, вся процедура построена на его отвержении (клеймении). Формальный язык судебного процесса: клетка, где находится подсудимый, форма обращения с ним – все это демонстрирует, что человек, оказавшийся на скамье подсудимых, попал в особое пространство, специфику которого задают *знаки клеймения, отвержения и позора*, создающие непроходимую границу между ним и законопослушными гражданами. Этому способствуют СМИ, которые показывают лицо человека до вынесения приговора судом, что зачастую приводит к тому, что подсудимый ищет референтную группу, где может найти понимание и сочувствие. Если он избирает группу криминальной направленности, она помогает ему оправдать свои действия. Тем самым процедуры уголовной юстиции, выталкивая из общества тех, кто нарушил уголовный закон, помещая их в тюрьмы, где объединяются отверженные и заклеянные, содействуют устойчивости криминальных сообществ. Задача тюрьмы – организовать и привести к единому знаменателю неоднородную массу людей¹⁰.

Способ, который практикуется в официальном российском правосудии, хотя и может изолировать правонарушителя, в конечном счете, действует разрушительно на взаимоотношения людей и не помогает исцелению жертв преступлений. Россия представляет сегодня такое образование, где на уровне учреждений, действующих от имени государства, фактически объявляются незаконными многие инициативы, ориентированные на социальную реабилитацию правонарушителей и помощь жертвам преступлений¹¹.

¹⁰ Роль тюрем в воспроизводстве преступности как института. См.: *Фуко М.* Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., 1999.

¹¹ Яркое проявление этого можно найти, например, в указаниях заместителя Генерального прокурора А.Г. Звягинцева, изложенных им в письме от 02.09.2003 № 21/2-118-03, разосланном во все прокуратуры России.

Отсутствие государственной политики, направленной на институциональную поддержку инициатив восстановительной направленности, и противодействие их распространению можно интерпретировать как *институциональную необеспеченность практики восстановительного правосудия в России*. Представление об институциональной необеспеченности распространения конструктивных и важных для общества способов разрешения конфликтов и криминальных ситуаций является важнейшей характеристикой ситуации, в которую попадают те, кто продвигает идеи и технологию восстановительного правосудия.

При этом, конечно, нельзя не принимать во внимание необходимость реагирования на криминальные действия, которые мы называем преступлениями. Однако, по мнению С.А. Пашина, одного из лидеров преобразований в области судебной системы и уголовного судопроизводства, учет неотвратимых последствий, которые влечет за собой квалификация деяния как преступление, должен привести к тому, что деяние может объявляться преступным лишь после анализа судом всех обстоятельств дела, показывающих необходимость применения к данному лицу *мер уголовной репрессии*¹².

Урбанизация и сегментация социальной жизни (когда люди знают друг друга только исходя из выполняемых ими функций) содействуют повышению роли государственных ведомств и юридических корпораций в разрешении конфликтов и криминальных ситуаций. Как утверждает судья из Юкона (Канада) Б. Стюарт, сопоставляя современное и прошлое состояние правосудия:

¹² «Речь идет не о том, чтобы даровать суду право признавать деяние преступным исходя из принципа “революционной целесообразности”, а, напротив, о том, чтобы разрешить ему объявлять нарушение уголовного закона непроступным, если суд не видит смысла в применении наказания, ущерб возмещен и т. п.». См.: *Пашин С.А. Понятие преступления для системы ювенальной юстиции // Правосудие по делам несовершеннолетних. Перспективы развития. Вып. 1. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 1999. С. 143.*

*«Лишь за последние два столетия наше общество переместило ответственность за решение конфликтов из местных сообществ в руки профессионалов и государства. Это официальная система правосудия является “новым” экспериментом в решении конфликтов. Эксперимент частично неудавшийся, так как претендовал на слишком многое. Взяв на себя чрезмерную ответственность за урегулирование конфликтов в местных сообществах, профессиональная система правосудия опустошает местные сообщества, подрывает их способности в разрешении местных конфликтов и отбирает у них бесценный для любого сообщества строительный материал – активное участие в позитивном урегулировании конфликтов»*¹³.

Правоохранительные органы и суды в России сегодня представляют огромный бюрократический аппарат, нацеленный на осуществление и расширение репрессивных практик. Так называемые «силовые органы» в России обрели такую мощь, что занялись своим воспроизводством без всякого понимания нужд и потребностей людей. Например, у полиции и прокуратуры есть своя статистика, нормы и планы, которые им надо выполнять. Основная цель подобных учреждений – воспроизведение самих себя, увеличение своего аппарата и размеров финансирования.

Устройство официального правосудия и правоохранительных органов, мышление чиновников, работающих в этих системах, за исключением судей, участвующих в отработке элементов ювенальной юстиции в России в инновационных регионах (Пермский край, Ростовская область, Санкт-Петербург, Тюмень, Липецк, Новосибирск, Казань и др.), не допускает взаимодействия социальными службами.

¹³ *Стюарт Б. Круги правосудия: медиация и консенсус «Смена мечей на орала» // Восстановительный подход в работе с несовершеннолетними правонарушителями (зарубежный опыт). Методическое пособие. М., 2005. С. 147.*

Мышление представителей правоохранительных органов и судей построено на связке «правосудие-наказание». Ее функционирование подчинено задаче органов исполнительной власти, поскольку именно она определяет направление уголовной политики, количество тюрем, стратегию ужесточения или смягчения наказания и направленность деятельности институтов функционирования наказания.

В рамках господствующей парадигмы уголовного процесса почти невозможно добиться ответственного поведения правонарушителя, хотя принято говорить, что тот, кто совершил преступление, должен нести ответственность. Нести ответственность в официальном правосудии – значит быть наказанным. Но часто бывает так, что если правонарушителю назначается наказание (особенно в виде лишения свободы), он, скорее, считает себя *жертвой* обстоятельств и уголовного правосудия, нежели осознает причиненное им зло другому человеку. И практически ничего не делает для устранения негативных последствий содеянного. Причинами многих преступлений становятся отсутствие взаимопонимания, черствость и неумение сопереживать, а также отсутствие навыков позитивной самореализации и стремление к получению статуса в референтной группе, личная неустроенность и неспособность избавиться в одиночку от тех или иных зависимостей. Именно с этими факторами в существующем уголовном процессе работа не ведется.

Понимание, что есть немало примеров, когда применение уголовной репрессии не только бессмысленно, но и вредно, приводит к иному содержанию понятия преступления. Преступление как нарушение закона связывается с различными аспектами криминальной ситуации. За преступлением мы видим не обезличенных жертву и преступника, а живых людей, которые имеют возможность загладить вред и перестроить свою жизнь при поддержке других людей. Такой взгляд присущ восстановительному правосудию.

Преступление здесь понимается как причинение вреда конкретному человеку (группе), как насилие, часто ведущее к травматическим последствиям. Приоритетом и одновременно принципом восстановительной юстиции является признание несправедливости, совершенной по отношению к жертве, и возникновение у обидчика обязательств по возмещению нанесенного им ущерба.

В доктринальном смысле восстановительное правосудие ставит вопрос для российской уголовной юстиции, частично решаемый в правосудии других стран. Это вопрос автономного рассмотрения процедур доказывания совершения уголовно наказуемого деяния, установления виновности в юридическом смысле и вынесения приговора как функционально различных деятельностей, требующих качественно разных способов процессуальной регламентации и допускающих вариант некарательного развития процесса.

Во многих западных странах стадии доказывания вины и назначения наказания отдалены друг от друга по времени. После установления виновности суд рассматривает ситуацию подсудимого для назначения адекватного наказания. В связи с этим выносится решение, связанное не с лишением свободы, а с необходимостью пройти нарушителем те или иные социальные и психотерапевтические программы. Это свидетельствует о концептуальном сдвиге в вопросе о виновности и возмездии. Виновность здесь понимается не как точечное явление, фиксирующее прошлое и замещенное юридической квалификацией. Если не «разрывать» стадию доказывания вины и назначения наказания, деяние и человек «склеены» в интерпретации, накладываемой за счет уголовного закона. «Склеивание» деяния и личности нередко приводит к клеймению и стремлению подсудимого всеми путями избежать наказания и ответственности.

При разделении данных стадий возникает представление преступления как процесса. Преступление интерпретиру-

ется в совокупности трех составляющих: прошлого, настоящего и будущего.

Прошлое фиксирует событие, требующее доказанности. Одним из базовых принципов современного судопроизводства является состязательность. Этот принцип предполагает равенство сторон перед законом, их стремление доказать свою правоту, а также делегирование полномочий по защите и обвинению профессиональным юристам. Этот принцип необходим, чтобы каждое обвинение было доказано. Но важно учитывать и будущее. Будущее, с точки зрения общества, требует исцеления жертвы, заглаживания вреда правонарушителем, нормализации отношений между людьми, затронутыми ситуацией преступления. Очевидно, что во многих случаях (например, так называемой бытовой преступности) последовательно реализованный принцип состязательности может углубить раскол между людьми, посеять недоверие и страх, содействовать нанесению дополнительных травм жертве и принудить правонарушителя к стремлению всеми средствами «выгородить» себя. Это не значит, что мы отрицаем принцип состязательности, он необходим при юридическом доказывании вины. Но если обвиняемый признает свою вину, необходимо, прежде всего, решать вопросы, важные с точки зрения общества. Именно будущее должно задавать ценностные рамки механизму реагирования на преступление. Поэтому в настоящем мы можем видеть и поддерживать ростки будущего, а не замечать его клеймением и тем самым исключать человека из общества.

В концепции восстановительного правосудия осмысляется вопрос о реакции на преступление как вопрос о *заглаживании вреда, нанесенного жертве*. По мнению Х. Зера,

«жертвы проходят через три кризиса, три цикла, накладывающихся друг на друга. Существует кризис личности: что я за человек? хозяин ли я своей жизни? в состоянии ли

я любить, если я так зол? Есть кризис взаимоотношений: кому я могу доверять, могу ли я доверять своим друзьям, могу ли я доверять своим соседям, могу ли я доверять своему партнеру в жизни?.. И третий кризис – это кризис понимания: что это за мир, в котором мы живем? Состояние жертвы характеризуется очень глубоким кризисом.

...У жертв преступлений есть потребности, которые должны быть удовлетворены системой правосудия...

Одной из них является чувство безопасности. Пострадавшие хотят знать, какие шаги будут предприняты, чтобы преступление не повторилось. Это еще и эмоциональная безопасность, когда жертвы могут излить свое горе и гнев и рассказать о своих потребностях.

Вторая потребность жертв во всем мире, удовлетворение которой они ждут от системы правосудия, это возмещение ущерба, компенсация потерь. Часто они понимают, что потери невозможны, но иногда важна символическая компенсация, сознание того, что кто-то взял на себя ответственность, возместив ущерб.

Третья потребность жертвы, и исследования в ряде стран ставят ее на первое место, состоит в необходимости получить ответы на вопросы о том, что же произошло на самом деле. Жертвы хотят знать, почему был выбран именно их дом, имеет ли преступник что-то против них лично...

Четвертая потребность жертвы – рассказать о случившемся, излить свои чувства...

Пятая потребность состоит в необходимости вернуть власть над собственной жизнью. Правонарушитель отнял у пострадавшего эту власть, совершив преступление. Он забрал эту власть физически, ворвавшись в его дом или взяв его в заложники. Он забрал эту власть эмоционально, когда пострадавший настолько зол, что не может справиться

с собой, не может контролировать себя. Жертве нужно вернуть эту власть, хотя бы символически»¹⁴.

Восстановительный подход трактует понятие ответственности иначе, чем официальное правосудие. Ответственность правонарушителя в восстановительном правосудии включает:

- осознание последствий причиненного вреда;
- определение такой стратегии дальнейшей жизни, которая исключала бы криминальные способы решения;
- принятие обязательств по заглаживанию вреда потерпевшему.

Конструктивное обсуждение проблем правонарушителя и помощь ближайшего окружения в их решении создают условия для нормального возвращения человека в общество.

В правосудии, имеющем целью восстановление людей и отношений, действует другой принцип организации процесса. В отличие от существующих моделей официального уголовного правосудия восстановительное правосудие строится на *принципе самоопределения сторон, то есть передачи самим сторонам полномочий для поиска и принятия взаимоприемлемого решения*. Передача полномочий базируется на таком важнейшем ресурсе, как стремление людей договориться. Это стремление часто оказывается неактуализированным: барьеры взаимной подозрительности, агрессивные и властные привычки, нагнетание криминальной истерии со стороны масс-медиа и некоторых руководителей ведомств уголовной юстиции мешают людям самостоятельно и конструктивно разрешать конфликты, в том числе криминальные. Следовательно, данный ресурс нужно специально задействовать. В программах восстановительного правосудия

это становится возможным благодаря участию специально подготовленного *посредника (медиатора)*, который создает условия, чтобы люди нормализовали свои отношения и сами нашли выход из сложившейся ситуации.

Еще один *принцип* восстановительного правосудия – это *привлечение ближайшего социального окружения и представителей местного сообщества* для восстановления жертвы и поддержки правонарушителя в действиях по заглаживанию вреда и изменению своего поведения.

¹⁴ Зер Х. Введение в восстановительное правосудие // Правосудие по делам несовершеннолетних. Перспективы развития. Вып. 1. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 1999. С. 117–118.

3. Ветви и крона

Типы программ восстановительного разрешения конфликтов и криминальных ситуаций

Основной тип данных программ – *восстановительная медиация*. В 70-е годы XX века, после того как успешно прошли первые программы в Канаде и США, такие специально организованные встречи получили название: «Программы примирения жертв и правонарушителей», или коротко – «Программы примирения». В настоящее время во многих странах их называют «Медиация жертвы и правонарушителя».

В первую очередь, встречи, проходящие в рамках программ восстановительного разрешения конфликтов и криминальных ситуаций, ориентированы на достижение взаимопонимания сторон и разрешение конфликтной ситуации. В случае криминальной ситуации такая программа ориентирована на удовлетворение законных интересов жертвы: возмещение ущерба, восстановление чувства безопасности, возможность поделиться личной историей и быть услышанным, получить ответы на волнующие вопросы. Вторая задача встреч – создать условия для принятия ответственности правонарушителем: он должен совместно с жертвой принять решение о размере и форме возмещения ущерба. Третья задача – привлечь ближайшее социальное окружение для помощи и поддержки в этих процессах. Гуманитарный эффект встречи состоит в осознании правонарушителем последствий содеянного, нормализации состояния жертвы, в возвращении людям возможности самостоятельно решать свои конфликты. Прагматический результат состоит в до-

стижении договоренности участников о способе выхода из ситуации и возмещении ущерба.

Встречи основаны на *персонально ориентированном диалоге*, где важная роль отводится сочувствию и сопереживанию, выслушиванию и поддержке. Непременным условием является нейтральность медиатора, которая в программах восстановительного правосудия трактуется особым образом¹⁵.

Медиатор устанавливает правила (не допускать оскорбительных выражений, слушать друг друга, высказываться по очереди), соблюдение которых позволит сохранить доброжелательную атмосферу. Его задача – облегчить переговоры и перевести поток взаимных обвинений в признание несправедливости произошедшей ситуации. За счет коммуникативных техник, умения работать с сильными эмоциями и других навыков медиатор помогает сторонам выразить свои чувства и одновременно способствует снижению агрессивности. Преодоление стереотипов, возможность увидеть друг в друге переживающих и сочувствующих людей являются главными условиями душевного исцеления жертвы, достижения взаимоприемлемого соглашения, а также принятия и реализации правонарушителем плана по заглаживанию вреда и изменению своего поведения.

Встречи жертвы и правонарушителя исключают клеймение, как это обычно происходит в официальном уголовном процессе, где обвиняемому внушают, что порочно не только

¹⁵ Вот как раскрывает эту специфику М. Прайс: «Необходимость внимательно относиться к нуждам жертвы требует прямого признания той несправедливости, которая была совершена по отношению к ней. Нужно говорить жертвам следующее: “Да, Вам причинили зло”, “это не должно было произойти с Вами”, “в этом нет Вашей вины”, “Вы этого не заслуживаете”. Под процессом оказания помощи правонарушителю в осознании своей ответственности часто подразумевается, что мы должны способствовать признанию им своего преступления, а также что он за это преступление в ответе. Мы беспристрастны относительно людей: мы работаем равно как для жертвы, так и для правонарушителя. Но что касается самого правонарушения, мы не нейтральны. Вот в чем заключается совершенно иная, особая форма нейтральности» (Прайс М. Образец нейтральности для медиации жертвы и правонарушителя // Архив Центра «Судебно-правовая реформа»).

его поведение – порочен он сам (клетка, отношение судьи, прокурора). Осужденному чрезвычайно сложно вернуться в общество: на нем поставили клеймо преступника. Если где-то рядом с его местом жительства совершается преступление, чаще всего сотрудники полиции приходят к нему.

Стыд, который может переживать правонарушитель, дополняется чувством отверженности, что затрудняет понимание обидчиком последствий своих действий, содействует его самооправданию и тяготению к группам, как правило, криминально ориентированным, где будет признаваться ценность его как личности.

В противоположность этому программы восстановительного правосудия создают условия, в которых чувство стыда, переживаемого правонарушителем, может поддерживаться *реинтегрирующим (воссоединяющим) способом*. Согласно концепции Дж. Брэйтуэйта, *воссоединяющая работа со стыдом* – это такое донесение до обидчика боли жертвы, которое предполагает, не оправдывая негативных действий обидчика, создание условий для прощения правонарушителя и интеграции его в сообщество. Это предусматривает также помощь близких людей и сообщества в компенсации нанесенного ущерба, понимание окружающими проблем правонарушителя и помощь в их разрешении¹⁶. «Работа со стыдом по воссоединяющей модели – это такое выражение общественного неодобрения (от мягкого упрека до церемоний снижения статуса), за которым непременно следуют жесты обратного принятия нарушителя в общину законопослушных граждан»¹⁷.

¹⁶ В уже упомянутой работе Дж. Брэйтуэйта «Преступление, стыд и воссоединение» термин «reintegration shaming» переведен как внушение чувства воссоединяющего стыда. В ходе консультаций с Дж. Брэйтуэйтом мы поняли, что он в своей книге в данный термин вкладывал другой смысл. Мы предлагаем переводить термин «reintegration shaming» как «воссоединяющая работа со стыдом» или «работа со стыдом по воссоединяющей модели». Важная роль в прояснении этого вопроса принадлежит А. Тихомировой и В. Москвичеву.

¹⁷ *Брэйтуэйт Дж.* Преступление, стыд и воссоединение. С. 92.

Обсуждение криминальных ситуаций на встречах жертвы и правонарушителя обнажает также проблемы бедственного положения тех или иных групп населения, пробелы в социализации молодежи, которые можно восполнить, привлекая к разрешению данных проблем эти группы, власть и позитивных лидеров местных сообществ¹⁸.

Содержание принимаемого на встрече соглашения не навязывается со стороны, а формулируется на основе предложений участников, что порождает в дальнейшем заинтересованность в выполнении решения. Ход встречи и план по разрешению ситуации (в том числе шаги, направленные на изменение образа жизни правонарушителя) отражаются в договоре.

Идея и технология восстановительного правосудия позволяют сформулировать концепцию восстановительной медиации и в то же время дополнить идею медиации фундаментальными положениями. Суть процесса медиации в том, что медиатор трансформирует ситуацию столкновения людей в коммуникацию. Такого рода коммуникация предполагает поиск взаимоприемлемых решений в ситуации разности позиций и оснований людей, находящихся в конфликтном взаимодействии. Здесь необходимо определить понятие «конфликт» с позиции медиатора. Обычно люди не любят конфликты. Конфликт в бытовом смысле – это плохо. Почему? Потому что люди дерутся, ссорятся, потом не разговаривают друг с другом и т. д. Бытовое представление предполагает, что конфликт разрушающе действует на людей. Поэтому многие учителя, с которыми мы часто обсуждаем школьные службы примирения, говорят: «А у нас нет конфликтов! Нам не нужна школьная служба примирения».

У медиатора совсем другое представление о конфликте. Действительно, когда происходят симметричные взаимные

¹⁸ См.: *Пранис К.* Восстановительное правосудие, социальная справедливость и возвращение полномочий маргинальным группам населения // Вестник восстановительной юстиции. Вып. 5. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2003. С. 79–90.

оскорбления и люди расходятся или начинают драться, это может привести к довольно плачевным обоюдным последствиям. Это – столкновение. Но для медиатора конфликт – точка, с которой может начаться нормальный диалог и прояснение позиций и оснований, то есть возможность перейти от ситуации столкновения к ситуации взаимопонимания. Способность превратить процесс столкновения в процесс переговоров, обсуждения – основная компетенция медиатора.

Именно на этот процесс – налаживание взаимопонимания – указывают стандарты восстановительной медиации, разработанные в начале 2009 года членами Всероссийской ассоциации восстановительной медиации¹⁹. Стандарты позволили сформулировать основную цель медиатора в программах восстановительной медиации, а именно: поддержка формирования пространства взаимопонимания и восстановительных действий. Такая цель содействует процессу восстановления социально значимых взаимоотношений (которые включают установку на понимание, взаимную поддержку и восстановительные действия), существующих в любом обществе и часто заблокированных в криминальной или конфликтной ситуации. В прошлом местные и профессиональные сообщества содействовали налаживанию человеческих взаимоотношений. Медиаторов можно рассматривать как позицию, появившуюся на фоне распада сообществ, функцию которых заместили ведомственно устроенные организации.

Исходя из этого, восстановительную медиацию можно определить как процесс, в котором медиатор создает условия для восстановления способности людей понимать друг друга и договариваться о приемлемых для них вариантах разрешения проблем (при необходимости – о заглаживании причиненного вреда), возникших в результате конфликтных или криминальных ситуаций.

¹⁹ См.: Стандарты восстановительной медиации. М., 2009. Данный раздел опирается на эти стандарты.

В ходе этих процессов предполагается, что от ситуации столкновения человек придет к другому: обнаружению и пересмотру собственных оснований, к тому, что в классической медиации называется интересы и потребности. К этому списку можно добавить цели и не всегда осознаваемые индивидуальные проблемы, работу с которыми пытаются монополизировать психотерапевты и социальные работники. И главный тезис, на который я здесь опираюсь, заключается в том, что эти основания могут меняться в процессе коммуникации. В процессе прояснения оснований участников ситуации, почему они так поступили и поступают, их состояний, потребностей, интересов с людьми могут происходить сдвиги в сторону принятия социально приемлемых ценностей. И именно такие сдвиги являются базой для принятия решений, потому что в медиации предполагается, что это не просто выяснение тех или иных потребностей и интересов, оно должно привести к решению, устраивающему все стороны. В случае медиации в криминальной ситуации есть такая особенность, как заглаживание вреда, причиненного правонарушителем. И важно, чтобы происходил не просто торг между жертвой и правонарушителем, но и обсуждалась ситуация с жертвой, что она сейчас чувствует и как ей помочь, а также, как говорится в уголовном кодексе, причины и условия, способствующие совершению преступления. Вот этот взгляд за внешнее, часто демонстративное поведение, сближает восстановительную медиацию с различными направлениями психотерапии. Но только сближает, потому что, в отличие от психотерапии, здесь все-таки нужны определенные решения по поводу конкретной ситуации.

Чтобы запустить эти процессы, медиатор проводит работу по «очеловечиванию» взаимоотношений. Конфликт или криминальная ситуация приводит часто к тому, что люди начинают видеть друг в друге исключительно негативные стороны, возрастает чувство страха, ненависти или злобы.

Человек, заражаясь этими чувствами, порой не в состоянии воспринимать адекватно ни свои действия, ни действия оппонента. Восстановительная медиация за счет восстановления способности понимания ситуации, проблем, намерений, целей, норм и установок позволяет снять негативные представления у сторон относительно друг друга. Это особенно актуально в ситуации межэтнических и межнациональных конфликтов. Нередко человек в таких конфликтах действует под влиянием стереотипов и СМИ («понаехали тут» и т. д.). В столкновениях могут использоваться клеюма и оскорбления, задевающие национальность и этническую принадлежность, что нередко ведет к кровавым побоищам.

Основой восстановительной медиации является организация диалога между сторонами, дающего возможность сторонам лучше узнать и понять друг друга. Диалог способствует переходу от конфронтации, предубеждений, подозрительности, агрессивности к позитивным взаимоотношениям. Медиатор помогает выразить и услышать точки зрения, мнения, чувства сторон, что формирует пространство взаимопонимания. Организация диалога позволяет выйти на проблемы, интересы и потребности, признаваемые обществом, которые обычно в ситуации конфликта скрыты за негативным отношением сторон друг к другу. Именно коммуникация и достигнутое взаимопонимание позволяют сформулировать подлинные проблемы во взаимоотношениях, интересы и потребности, которые, на наш взгляд, не определены изначально, а являются результатом совместной деятельности медиатора и сторон.

Важнейшим результатом восстановительной медиации являются восстановительные действия (извинение, прощение, стремление искренне заглаживать причиненный вред), то есть действия, помогающие исправить последствия конфликтной или криминальной ситуации.

Медиатор помогает людям выразить полноту ситуации, в которую они попали из-за конфликта или криминальных действий, и донести её друг до друга. Такое взаимопонимание позволяет прояснить скрытые до этого аспекты человеческого существования, что позволяет преодолеть обезличивание и демонизацию другого и, тем самым, найти силы для обсуждения совместного решения данной проблемы. Образно говоря, медиатор строит лестницу (схема 1), шагая по которой, люди узнают все больше и больше друг о друге, и это знание помогает им справиться с ситуацией. Каждая «ступенька» лестницы помогает сделать шаг в сторону налаживания здоровых отношений друг с другом. Важнейшими ступеньками лестницы являются:

- осознание своих чувств, состояний и оснований действия;
- осознание последствий ситуации для себя и других людей;
- осознание оснований и стратегических приоритетов (потребностей, интересов, ценностей), проблем во взаимоотношениях;
- принятие ответственности за изменение ситуации, совместный поиск решения и его реализация;
- понимание чувств, состояний и оснований действия (интересы, потребности) другого человека (других людей);
- восстановительные действия, позволяющие исправить последствия ситуации (заглаживать причиненный вред) и на этой основе изменить отношение друг к другу.

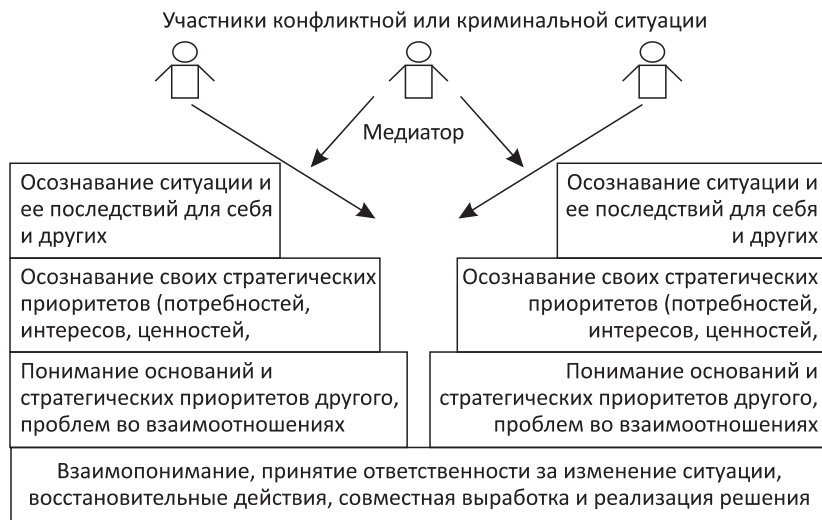

Схема 1. «Лестница» восстановительной медиации

В русле идей, заложенных стандартами восстановительной медиации, мы выяснили, насколько важно ведущему понимать ситуацию, в которой находится человек в результате конфликтной или криминальной ситуации, и насколько уникальной она может быть. В этом плане важнейшим элементом деятельности ведущего является работа с последствиями криминальной или конфликтной ситуации. Сами последствия стали нами пониматься на пересечении различных переменных, влияющих на человека. Помощь в осознании последствий и их преодолении является одним из главных ориентиров работы ведущего (медиатора) в восстановительной медиации²⁰.

²⁰ Например, в медиации, которую мы проводили совместно со специалистами Московского городского психолого-педагогического университета, удалось в ходе понимания ситуации подростка-потерпевшего зафиксировать глубокие изменения в его сознании после случившегося. Восстановительная медиация позволила выявить эти изменения и сделать шаги в направлении освобождения от деструктивных ориентиров, которые появились у подростка.

Предыдущие рассуждения позволяют сконструировать основные блоки деятельности медиатора в процессе восстановительной медиации:

- *коммуникация отдельно со сторонами, осуществляемая медиаторами и имеющая определенное пространство деятельности.* Позволяет медиаторам, с одной стороны, сохранять позицию, с другой – не навязывать определенное диагностическое знание. Пространство деятельности означает, что медиатор использует пустые для знания формы²¹ (понимание ситуации, последствия, условия, способствующие совершению преступления, проблемы во взаимоотношениях, интересы и потребности участников конфликтной ситуации, варианты выхода из ситуации), которые участники наполняют своими представлениями. Одновременно данное пространство позволяет сформировать фокусы рефлексии самих участников. Здесь важным аспектом являются фокусы, на которых концентрируется внимание медиатора:
 - ✓ криминальная ситуация или конфликт и условия, ей способствующие, которые могут восприниматься участниками по-разному и, соответственно, возникает фокус разных представлений о происшедшем;
 - ✓ последствия конфликта или криминальной ситуации и их осмысление участниками;
 - ✓ проблемы во взаимоотношениях, интересы и потребности участников конфликтной ситуации;
 - ✓ варианты выхода из ситуации.

Определенное пространство деятельности, удерживаемое медиатором, и техники, которыми он должен владеть при проведении программы восстановительной медиации, позволяют начать коммуникацию. Медиатор нередко сталкивается

²¹ И в этом, на наш взгляд, принципиальное отличие медиации от диагностики.

с гаммой самых различных отношений и взаимоотношений, которые сопровождали и могут в дальнейшем сопровождать конфликт или криминальную ситуацию. И здесь с помощью данного пространства медиатор не «вываливается» в привычные формы мышления о конфликте как поиске виновного и определения наказания. Медиатор обсуждает, а не обличает, понимает, а не расследует, слушает, а не пытается консультировать. Тем самым он достигает контакта, направленного на углубление взаимопонимания и разотождествления с разрушающими отношения стереотипами и чувствами.

На индивидуальных встречах медиатор с помощью техник активного слушания, удерживая описанное выше пространство коммуникации, помогает участникам осознать собственную ситуацию и роль восстановительной программы для ее изменения. С возможными участниками встречи медиатор обсуждает ситуацию в плане условий, способствующих совершению преступления или происходящего конфликта, его последствий, и выделяет вопросы, необходимые для обсуждения на встрече сторон. Это задает первый такт разотождествления участников криминальной или конфликтной ситуации с обыденными и стереотипными представлениями о ситуации и со своим «знанием» о другом человеке. Роль медиатора, владеющего особыми техниками понимания²² состоит в том, чтобы освободить место для нового знания о ситуации и другом человеке. Этот такт можно назвать потенциальным разотождествлением. Поиск вариантов выхода дает возможность обсудить роль встречи сторон. В случае согласия на встречу с другой стороной медиатор создает условия для осуществления полностью или частично элементов деятельности участников конфликтной или криминальной ситуации в рамках восстановительного подхода:

- *персонально ориентированный диалог.* Он обычно происходит на встрече сторон (но может происходить и в форме челночной медиации). Такой диалог позволяет актуализировать и отделить собственные чувства и переживания от «зацикленности» сознания на ситуации или другом человеке, что обычно сопровождает конфликт или следует после криминальной ситуации. Также здесь должна произойти распаковка новых смыслов о «противоположной» стороне, которая позволяет избавиться от демонизации другого, представления его как врага²³;
- *восстановительные действия.* Это, прежде всего, действия, позволяющие признать «врага», «злодея» и прочее человеком. Это действия, являющиеся, с одной стороны, результатом нового понимания, с дру-

²³ В настоящее время во многих странах в программах восстановительного правосудия происходит использование техник и принципов нарративного подхода (см., например: «Развитие восстановительной культуры школы: слияние личного и профессионального “пути паломника”» (<http://narrlibrus.wordpress.com/2010/05/13/k-lamp1/>). Нарративная практика по своим мировоззренческим основаниям достаточно близка идее и технологии восстановительной медиации. Нарративный подход и восстановительное правосудие сближает представление о людях как носителях тех или иных взглядов, представлений, которые формируются посредством коммуникации и посредством коммуникации же могут меняться. Соответственно, изменение представлений о себе и других людях в процессе коммуникации может привести к изменению поведения. Отдельный человек не является субстанцией, которая живет в соответствии с тем, что натуралистическая психология, ориентированная на каноны научного знания, определила как потребности, то есть то, что движет человеком «изнутри». Это заставило нас по-новому рассмотреть представления о «потребностях» жертв и правонарушителей, на которые отвечала практика восстановительного правосудия. В соответствии с нарративным подходом мы стали смотреть на людей – участников криминальных и конфликтных ситуаций как носителей доминирующих дискурсов, историй, которые сформировали их личности и от которых они могут отказаться и, следовательно, измениться. Нарративный подход сформировал систему понятий, обеспечивающих развивающую коммуникацию, предполагающую рефлексию совместно с человеком представлений, взглядов, ценностей (дискурсов), которые как бы «овладели» человеком. С помощью понятий «конфликтная история», «доминирующий дискурс», «интернализация», «экстернализация», «деконструкция», «негативная и предпочитаемая история» и других нарративный подход позволяет отделить человека от проблемы, разрушительно действующей на него и/или на его окружение. Такое отделение от проблемы и поиск уникальных эпизодов, противостоящих проблемному поведению, позволяет сделать шаги по самоопределению и выбору новых конструктивных стратегий поведения, имеющих в опыте человека (см.: *Уинслейд Дж., Монк Дж.* Нарративная медиация: новый подход к разрешению конфликтов. М.: Центр «Судебно-правовая реформа», 2009).

²² На наш взгляд, это техники активного слушания, включающие отражение, резюмирование, переформулирование, а также техники конкретизации и рефлексивно ориентированной интерпретации.

гой – углубляющие новое понимание и позволяющие состояться медиации. И в этом их «тайна», поскольку восстановительные действия направлены, с одной стороны, на актуализацию «спящих», непроявленных, но признаваемых каждым смыслов добра, любви, примирения и т. д. С другой стороны, такие действия меняют симметричную враждебность во взаимодействии на симметричное взаимопонимание, сближение и примирение. Восстановительные действия могут инициироваться медиатором на встрече сторон, но могут продолжаться и за рамками встречи, что также содействует освобождению от знаков клеймения, помогает обрести и укрепить новые смыслы участников друг о друге;

- *проектирование будущего.* Медиация может инициировать проектирование будущего сторон, что позволяет вовлечь участников в обсуждение и принятие ответственности за собственное будущее и оказать поддержку таким планам со стороны ближайшего социального окружения. Соглашение в этом плане можно рассматривать как важнейший элемент совместного проектирования будущего. В случае криминальных ситуаций такое проектирование необходимо как для правонарушителей, так и для потерпевших, особенно для подростков, которым может быть нанесена сильная травма ситуацией. Без такого самоопределения реабилитационные программы окажут слабое влияние на участников ситуации;
- *реализация проекта будущего.* Чем тяжелее ситуация по своим последствиям, тем больше может быть участие специалистов, которые помогают состояться такому проекту в условиях дефицита поддержки со стороны близкого социального окружения.

Исходя из вышесказанного, изобразим описанную модель восстановительной медиации как перечень элементов деятельности участников конфликтной или криминальной ситуации, поддерживаемой медиаторами и специалистами в виде схемы 2.

Схема 2. Модель восстановительной медиации

Кроме восстановительной медиации сегодня в мире используются и другие программы восстановительного разрешения конфликтов и криминальных ситуаций. Перечислим основные.

Круги сообществ (*Peacemaking Circles*) – многовековой способ разрешения конфликтов, который существует в различных формах в культуре многих народов. В России также сохранились такие формы культуры, в которых семья и участники конфликтной или криминальной ситуации, обращаясь к традициям примирения в кризисные моменты своей жизни, сообща решают, как изменить ситуацию в интересах каждого, чтобы это способствовало реализации нравственных ценностей. Важнейшей особенностью кругов является привлечение к обсуждению проблемы всех заинтересованных людей, что обеспечивает их активное участие в принятии решения и разделении ответственности за его выполнение. Процесс круга позволяет включать в работу с конфликтами

и криминальными ситуациями значительное число участников. Материалом для разработки российских методик кругов послужили традиции русского крестьянского общинного правосудия и опыт североамериканских индейцев.

Семейные конференции (*Family Group Confernces – FGC*) базируются на традициях маори – коренного населения Новой Зеландии. В 1989 году в Новой Зеландии был принят Закон «О детях, подростках и их семьях», согласно которому несовершеннолетние в случае совершения ими преступлений (кроме убийств) направляются на семейные конференции. Кроме представителей ближайшего социального окружения, в них участвуют социальные работники, адвокаты, полицейские. Решения принимаются в результате обсуждений и при достижении консенсуса. Важной составляющей семейной конференции является активизация потенциала семьи и ближайшего социального окружения для выработки самостоятельного решения по поводу кризисной ситуации в семье. В 90-е годы опыт Новой Зеландии распространился и закрепился в Австралии. По нашим сведениям, в настоящее время семейные конференции успешно проводятся в Нидерландах и Великобритании. Существует опыт их проведения и в России (Москва, Республика Коми, Республика Карелия, Архангельская область, Мурманская область, Вологда, Новосибирск).

О терминологии, которая используется в восстановительной медиации. В условиях распространения идеи и способа работы медиаторов в программах восстановительного правосудия по случаям, направляемым из судов и КДНиЗП, а также при организации работы школьных служб примирения получили распространение различные термины. Например, в Пермском крае используется термин «восстановительные технологии». При проведении и описании программ восстановительной медиации, а также кругов сообществ и семейных конференций можно использовать термины:

- *программа восстановительного правосудия*²⁴. В литературе по восстановительному правосудию термин «программа» используется как минимум в двух значениях: как единица типа работы, отражающего социокультурные особенности территории проведения (программа примирения жертв и правонарушителей, семейная конференция, круг сообществ и т. п.), и как работа по конкретному случаю. Сегодня при сохранении базовых принципов формируются разные способы разрешения криминальных и конфликтных ситуаций, ориентированные также на определенную группу и специфику ситуаций. Второе значение используется, когда мы говорим о работе со случаем. Соответственно, в каждом случае значение термина вытекает из контекста. Но сегодня данные программы используются также и вне связи с официальным правосудием – в школах и при разрешении семейных ситуаций. В связи с этим я предлагаю ввести термин:
- *программы восстановительного разрешения конфликтов и криминальных ситуаций*. Данные программы могут применяться для разрешения конфликтов и криминальных ситуаций как в связке с правосудием и деятельностью комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав, так и вне деятельности органов юстиции и органов защиты детства: в школах и при разрешении различного рода конфликтов (трудовых, семейных и т. д.);
- *медиатор*. Данный термин используется в различных моделях медиации. Сегодня известны четыре ее модели: восстановительная, классическая, трансформативная, нарративная. В каждой из них имеется свой круг

²⁴ Здесь слово «правосудие» приобретает не ведомственный смысл как работа во взаимодействии с судом, а скорее в его изначальном смысле (*justice* – справедливость), который в России был утерян, – справедливое вынесение решений в случае конфликтов и криминальных ситуаций.

понятий и техник, свои образовательные программы и соответствующие центры. В России распространены две модели медиации: классическая (медиация, ориентированная на решение проблем), разрабатываемая санкт-петербургским центром разрешения конфликтов, и восстановительная, разрабатываемая центром «Судебно-правовая реформа». В практиках восстановительной медиации можно также использовать термин «ведущий примирительных встреч». Этот термин можно использовать и в школьных службах примирения;

- *хранитель круга сообществ* – термин используется при описании работы ведущего на круге сообществ;
- *координатор семейных конференций* – термин используется при описании работы ведущего семейных конференций.

Особенности проведения медиации, связанной с несовершеннолетними. Восстановительный и реабилитационный подход: принципиальные и понятийные различия

Осмыслению нашей практики, связанной с несовершеннолетними, помогли анализ и критика реабилитационного подхода, продвигаемого в России фондом НАН и Ростовским областным судом в рамках проектов по созданию ювенальной юстиции в России.

*Реабилитационная парадигма и ее критика*²⁵

Современные исследователи (например, американский исследователь Гордон Бэйзмор) отмечают, что в миссии

²⁵ В данном разделе используется статья, написанная автором совместно с Михаилом Флямером: *Рустем Максудов, Михаил Флямер. Ответ государства и общества на правонарушения и отклоняющееся поведение несовершеннолетних (исторический экскурс и методологический анализ ювенальной юстиции // Восстановительное правосудие и социальная работа. Учеб. пособие / Под ред. Л.М. Карнозовой. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2001.*

ювенальной юстиции с самого начала делался акцент на заботе о детях и подростках в смысле ответа на их специфические проблемы и нужды, а не на решении проблем общества и граждан, испытывающих на себе последствия подростковой преступности.

Такую ограниченную ориентацию закрепляла парадигма, характеризующая первый этап истории ювенальной юстиции, известная как **реабилитационная парадигма** (или парадигма «индивидуализации обращения»):

«...обращение в этих судах (для несовершеннолетних – Р.М.) основывалось на медицинской модели, определенным образом объясняющей причины преступного поведения: оно рассматривалось как симптом скрытых нарушений, при этом природа и серьезность преступления были сравнительно менее важны, чем обеспечение терапевтических услуг для исцеления этих предполагаемых нарушений... Преступление не рассматривалось само по себе, оно являлось знаком нарушенных процессов социализации. Вмешательство (компетентных органов) старалось исправить это социальное отклонение, применяя методы, адекватные личностным проблемам и нуждам молодого правонарушителя»²⁶.

В этом контексте в рамках ювенальной юстиции развивались **социальная работа и индивидуализированный подход**. Задача формирования надежного позитивного члена общества зачастую требовала восполнения недополученных ребенком в силу тех или иных причин в семье и школе социальных навыков, коррекции поведения и т. п. Глубине (мере) десоциализации и заброшенности подростка отвечал

²⁶ *Бэйзмор Г. Три парадигмы ювенальной юстиции // Правосудие по делам несовершеннолетних. Перспективы развития. Вып. 1. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 1999. С. 65, 68.*

индивидуально-реабилитационный подход, в рамках которого социальный работник вместе со специалистами по психотерапии с помощью различных тренингов и мероприятий по коррекции поведения создавал для каждого клиента индивидуальную программу реабилитации.

В дальнейшей истории ювенальной юстиции так понимаемый индивидуально-реабилитационный («медицинский») подход привел к тому, что национальные системы ювенальной юстиции постепенно пополнялись разнообразными реабилитационными службами (тренинговыми, психотерапевтическими, социально-психологическими), работающими над «наладкой» психического аппарата подростка, его поведенческими особенностями, помогающими подростку освоить позитивные социальные роли, и т. п.

На этом этапе социальная работа представляла как вовлечение подростков в деятельность этих служб, поддержание необходимой интенсивности и результативности прохождения их подростками. Социальные работники приняли на себя функцию эффективной соорганизации различных служб и подразделений, развития внутренних связей между ними и общей интенсификации деятельности.

Описанная организация работ в ювенальной юстиции не только оставляла за бортом традиционные задачи правосудия, она вообще «выносила за скобки» преступное поведение подростка и была равнодушна к обидам и ущербу, который нанесли поступки несовершеннолетнего другим людям или обществу. И примерно с середины XX века началась критика реабилитационной парадигмы и реабилитационной миссии ювенальной юстиции. Эта критика подчеркивала, что программы дают только выгоды преступникам, снимая с них всякую ответственность.

Гордон Бэйзмор так восстанавливает эту линию критики: *«Несмотря на свою неадекватность, наказание, по мнению общества, по крайней мере хоть как-то связано с пре-*

ступлением. В то время как подход индивидуализации обращения связан исключительно с нуждами преступника. Для большинства граждан программы, обеспечивающие индивидуальное обращение в области ювенальной юстиции, предоставляют только выгоды для преступников и ничего или мало требуют от них взамен. Идея подхода индивидуализации обращения почти не несет в себе попытки донести до преступника, что он (или она) причинил ущерб кому-то, должен предпринять определенные действия для его возмещения, загладить свою вину и отвечать за последствия, связанные с ущербом, нанесенным этим преступлением»²⁷.

Подросток рассматривается здесь как пассивный получатель социальных услуг, но не как субъект разрешения ситуации, которую он создал, субъект, от действий которого зависит нормализация самочувствия жертвы, возмещение ущерба и, в конечном счете, его собственные отношения с обществом.

Таким образом, **один из уроков** истории «детской» юстиции в США состоит в том, что доминирование реабилитационной парадигмы ведет к глубокому разочарованию общества в ювенальной юстиции вообще, поскольку положенная в ее основу парадигма носит ограниченный характер.

Второй урок связан с вопросом о природе контроля, распространяемого на подростков, о роли семьи и окружения несовершеннолетнего в его реабилитации. Органы и специалисты ювенальной юстиции оказались не в состоянии вовлечь в работу по реабилитации нарушителя социальные группы, в которых он живет и действует. Если нарушитель становится частью «спецконтингента» учреждения по работе с несовершеннолетними, он просто превращается в объект манипуляций специалистов по исправлению поведения, далеких от его повседневной жизни, а потому и не значимых для него. Вместо позитивного включения подростка в жизнь местного сообщества и укрепления его связей с родственным кругом он в

²⁷ Там же.

ходе «исправительных» мероприятий чаще всего подвергается клеймению и дополнительному отчуждению.

Формы социального контроля над поведением несовершеннолетних, воплощенные в ювенальной юстиции США, ослабили участие семьи, ближайшего социального окружения и местного сообщества в процессе исправления подростка. Применявшиеся средства – институт пробации и закрытые воспитательные учреждения – не акцентировали причастность молодого человека своему сообществу, где он мог бы добиваться признания в качестве его позитивного члена²⁸. В настоящее время в США происходит возврат к идеям усиления роли сообществ в работе с правонарушителями несовершеннолетних²⁹.

Реабилитационный подход в современной России

Покажем качественное различие восстановительного подхода, разрабатываемого специалистами центра «Судебно-правовая реформа», и реабилитационного подхода, продвигаемого фондом «Нет алкоголизму и наркомании» (фонд НАН). Конституирующим понятием для связи различных ролей в рамках реабилитационного подхода является понятие «индивидуальная реабилитационная программа». Соответственно, специалист «видит» себя и других через это понятие. Разработка, принятие и выполнение реабилитационной программы будут связывать на определенное время специалиста с подростком и его родителями. Для нас было важно разработать систему понятий, которая конституирует деятельность медиаторов, хранителей кругов и координаторов семейных конференций и в то же время не отказывается

от социального сопровождения как важной составляющей работы с правонарушениями и конфликтами.

Сравним понятия в реабилитационном подходе и восстановительном. Принципиально для характеристики деятельности специалиста в рамках реабилитационного подхода следующее. Реабилитационную программу разрабатывает специалист. Даже если он проектирует ее совместно с клиентом, именно он несет ответственность за ее профессиональное содержание, иначе она перестанет быть таковой. Реабилитационная программа основывается на том, что специалист должен иметь представления³⁰, которые помогают ему осуществить маркировку ситуации и человека. В таком подходе происходит наложение нормативных представлений о поведении человека и оценивание степени тяжести ситуации³¹. На базе данного знания разрабатывается диагностический инструмент, с помощью которого «измеряют» людей и ситуации³².

³⁰ Это могут быть, например, знания о рисках и потребностях детей группы риска и их семей, заимствованные из канадского опыта ювенальной юстиции и внедряемые сейчас в различных регионах России.

³¹ Например, с помощью знания о рисках и возможностях детей группы риска и их семей можно измерить, сколько раз мать ребенка посещает детскую поликлинику, и на основе этого осуществить оценку поведения матери (если мало посещает и есть другие неблагоприятные признаки, отнести ее к группе риска). Правда, в эту же группу попадут в России матери, которые не доверяют территориальным органам здравоохранения, и непонятно, какие именно риски покажет эта диагностика.

³² Русские судьи до революции добивались выдающихся успехов при минимальном диагностическом знании. Вот как выглядела работа судьи по делам несовершеннолетних в начале XX века в Санкт-Петербурге: «После чтения протоколов и допросов потерпевших судья предлагает малолетнему объяснить цель и обстоятельства совершения его проступка, затем в беседе с родителями и попечителем выясняет, может ли малолетний чем-нибудь заняться, если будет выпущен на свободу. Если это возможно, то судья, отложив разбор дела, оставляет малолетнего под совместным присмотром родителей и попечителя. При этом малолетнему разъясняется значение такой меры и берется с него обещание исправиться. Если малолетний, по сообщению попечителя, продолжает вести прежний образ жизни, судья изменяет меру пресечения и определяет поместить малолетнего в приют, откуда освобождает его только в том случае, если для него найдено какое-либо занятие и если обещания малолетнего исправиться достаточно заслуживают доверия. Надзор родителей при первом же разборе дела назначается судьей лишь в том случае, когда он убеждается, что этот надзор будет действительным» (Ю. Бочаров. Первые особые суды по делам о малолетних в России // Движение за ювенальную юстицию в современной России. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2003. С. 44).

²⁸ Ситуацию в закрытых американских воспитательных учреждениях для несовершеннолетних 60-х годов можно увидеть в фильме «Спящие». Во время моего пребывания в США в мае 2010 г. представители американских семейных судов подтвердили реальность ситуаций, показанных в этом фильме.

²⁹ См.: <http://www.ojdp.gov/action/intro.htm>

Это знание помогает разработать и реализовать реабилитационную программу. Поскольку именно специалист осуществляет диагностику и разработку реабилитационной программы, он же несет основную ответственность за ее реализацию; он определяет время завершения по ее реализации. Такой специалист может работать в субъект-субъектном подходе, в сотрудничестве с клиентом, быть гуманным (отзывчивым, понимающим, добрым и т. д.), но именно *его* знание будет определять способ решения ситуации, с которой он работает. Представители фонда «НАН» утверждают, что методика «Оценка рисков и возможностей» позволяет специалистам говорить на одном языке. Но какой это язык, – вот в чем главный вопрос. Язык диагноза в методике «Оценка рисков и возможностей», с помощью которой специалисты Фонда хотят ввести единый язык, на наш взгляд, действует разрушительно на достижение контакта и приводит к одному – засилью административных методов, с помощью которых людей пытаются заставить измениться. Идею реабилитационного подхода можно изобразить схемой 3:

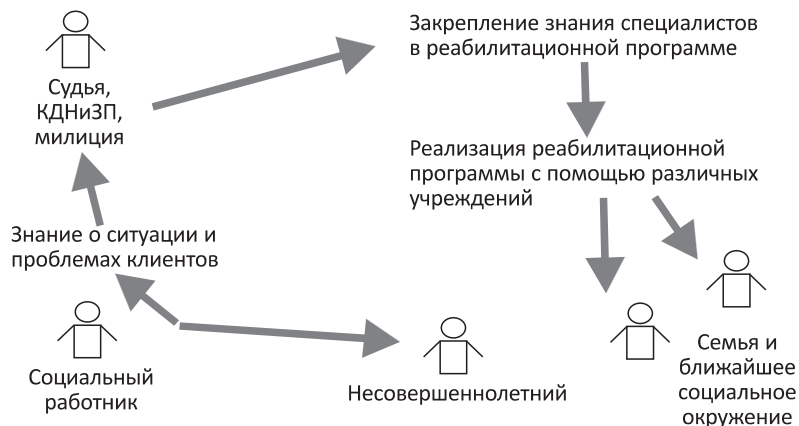

Схема 3. Реабилитационный подход

Основные характеристики восстановительного подхода

В восстановительном подходе связь, через которую «видят» себя специалисты, иная. Здесь конституирующим является не понятие «реабилитационная программа», а понятие «пространство взаимопонимания и восстановительных действий участников криминальной или конфликтной ситуации».

В восстановительном подходе понятие «пространство взаимопонимания и восстановительных действий участников криминальной или конфликтной ситуации» задает иной формат деятельности специалистов. Специалисты (например, медиатор и социальный работник) не определяют и не несут ответственности за восстановительные действия клиентов. Более того, восстановительные действия порой происходят за рамками деятельности специалистов. Функция специалистов заключается не в том, чтобы помочь разработать содержание восстановительных действий, а в том, чтобы создать уникальные и подходящие для данного случая конфигурацию людей и условия для лично окрашенной коммуникации, которая позволяет по-новому увидеть друг друга и принять решение по исправлению ситуации.

Специалисты помогают состояться ценным для человеческого сообщества действиям: заглаживанию вреда, раскачанию, осознанию, прощению, планированию своего будущего, восстановлению отношений и опеки над детьми. Но эти действия в силу определенных обстоятельств (например, травмы, обиды или болезни) люди без посторонней помощи порой сделать не в состоянии. Поэтому в восстановительном подходе медиаторов учат центрироваться, прежде всего, на процессе, а не только на результате. Но поскольку ситуации в области правосудия и затяжных конфликтов могут привести к разрушительным последствиям для людей и отношений, то также существует нацеленность на опреде-

ленный результат в форме конкретных шагов по заглаживанию вреда.

Важнейшей характеристикой восстановительного подхода является возвращение способности разрешить конфликт самим сторонам. Приватизация конфликта государством и потеря способности людей самим искать выход из конфликтных ситуаций явились острием критики правосудия выдающимся норвежским криминологом Нильсом Кристи³³.

Конечно, в правосудии и в гуманитарно-ориентированных практиках должны работать профессионалы (юристы и социальные работники). Но когда мы говорим о возвращении конфликтов самим людям, когда мы утверждаем, что конфликты являются «социальным топливом общества», что без них и их конструктивного разрешения трудно представить существование общества, его эволюцию и развитие, мы ставим границы профессионально-предметному знанию и, соответственно, профессионалам.

Чем значительнее роль профессионалов, тем больше они уверены, что знают, *что именно происходит, что относится к делу, что нет, и как разрешить ситуацию*. Участники конфликтной или криминальной ситуации все меньше и меньше влияют на собственную жизнь. Профессионалы же используют конфликты для воспроизводства предметного

³³ «Современные системы контроля за преступностью – это один из многочисленных случаев потери возможности для вовлечения граждан в решение задач, имеющих для них непосредственную важность. Наше общество – это общество монополистов на решение задач. В этой ситуации больше всего проигрывает жертва. Она не только страдает, несет материальные потери или ущерб физический или какой-либо другой. И не просто государство забирает компенсацию. Но помимо всего прочего она утрачивает право на участие в своем собственном деле. В центре внимания находится государство, а не жертва. Это государство определяет потери, а не жертва. Это государство фигурирует в газетах, и крайне редко жертва. Это государство получает возможность говорить с правонарушителем, но ни государство, ни правонарушитель не заинтересованы в продолжении этого разговора. Обвинитель давно уже сыт по горло. А жертва никогда бы не была. Она могла бы быть напугана до смерти, быть в панике или гнев, но никогда безучастной. Это мог бы быть один из самых важных дней в ее жизни. Что-то, что принадлежит только ей, было отнято у нее (Кристи Н. Конфликты как собственность // Правосудие по делам несовершеннолетних. Перспективы развития. Вып. 1. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 1999. С. 36).

знания и соответствующих организационно-ведомственных форм. В России область уголовно наказуемых деяний приватизирована ведомствами уголовной юстиции (судами, прокуратурой, полицией и учреждениями исполнения наказаний) и адвокатурой, а общество фактически лишается своего «социального топлива» – возможности участия граждан в «оттачивании норм»³⁴.

В российских условиях нередко родственники и знакомые правонарушителя пытаются содействовать заглаживанию вреда и урегулированию криминальной ситуации. Но эти отдельные шаги не всегда обеспечиваются навыками, способствующими освобождению от тяжелых последствий криминальных ситуаций, и наталкиваются в России часто на противодействие представителей органов уголовного правосудия или откровенное мошенничество. Современные условия жизни требуют *институциональной поддержки* важных для общества способов разрешения конфликтов и криминальных ситуаций.

Таким образом, медиатору важно:

- способствовать освобождению участников криминальной ситуации от ее последствий и травматических действий сотрудников правоохранительных органов;

³⁴ «Особенно хорошо воруют конфликты юристы. Их этому учили. Их учили предотвращать и улаживать конфликты. Они объединены в субкультуре с удивительно высокой степенью согласия относительно интерпретации различных норм и того, какую информацию считать относящейся к делу. Многим из нас, не будучи юристами, приходилось переживать грустные моменты истины, когда адвокаты говорили, что наши самые лучшие аргументы в борьбе с соседом не имеют никакой юридической значимости, и мы ни в коем случае не должны упоминать о них в суде. Вместо этого они выбирают аргументы, на наш взгляд, не совсем или вовсе не подходящие... Но мы тоже в проигрыше в той степени, в какой общество – это мы. Эта потеря, в первую очередь и больше всего, – потеря возможности для оттачивания норм. Это – потеря педагогических возможностей. Это – потеря возможностей для продолжения дискуссии о том, что составляет надлежащую правовую процедуру. Насколько был не прав вор и насколько была права жертва. Как мы видели, юристы обучены и знают, что можно считать относящимся к делу. Но это означает неспособность, полученную в результате обучения, позволять сторонам решать, что они считают относящимся к делу» (Кристи Н. Указ. соч. С. 34, 35).

- содействовать налаживанию взаимопонимания между участниками криминальной ситуации: помочь «увидеть» ситуацию с точки зрения другого, а также позитивные личностные особенности друг друга. Для этого самому медиатору важно принимать во внимание особенности людей и уметь превращать их в ресурс для восстановительных действий.

В каком направлении должна быть выстроена деятельность медиатора и социального работника в восстановительном подходе? На наш взгляд, необходимо создать условия для взаимопонимания и восстановительных действий. Условия заключаются в том, что специалист помогает людям перейти от отношений разобщения, конфликтности и взаимной ненависти к лично окрашенному контакту и совместному поиску конструктивного выхода из ситуации. Такой переход и должны помочь осуществить взаимосвязанные деятельности медиатора и социального работника.

Исходя из вышесказанного, можно задать зону ответственности специалистов (социальных работников и медиаторов), работающих в восстановительной парадигме в ювенальной юстиции. Специалисты ответственны за организацию и формирование повестки дня встречи, семейной конференции или круга. Здесь главным является, по видимому, соблюдение баланса вопросов, предложенных специалистами на основании анализа ситуации, и проблем, в разрешении которых заинтересованы участники криминальной или конфликтной ситуации.

Вторая зона ответственности – работа по привлечению возможно большего числа людей, которые могут помочь осуществиться восстановительным действиям. Работа по поиску, отбору и подготовке людей к встрече, конференции или кругу – возможно, самая трудная задача для специалистов в данном подходе.

И третьей зоной ответственности является создание и удержание такого формата встречи, конференции или круга, который создал бы максимальные условия для налаживания взаимопонимания и восстановительных действий.

Важно создавать такой способ взаимодействия специалистов и участников криминальной ситуации, который максимально бы способствовал проявлению позитивной активности людей. Как научиться строить свою деятельность, позволяя участникам самостоятельно определять свои проблемы, интересы и способы выхода из конфликтных и криминальных ситуаций, соблюдая ценностный ориентир, важный для общества?³⁵ Удержание этого вопроса, поиск и методическое оттачивание вариантов его решения составляет суть мастерства ведущего программ восстановительного правосудия. В необходимых случаях поддержку выполнения решения осуществляет социальный работник. Но очень важно, чтобы такой социальный работник участвовал с самого начала в восстановительных программах.

³⁵ «Наша тема – социальный конфликт. Кто не почувствует хоть небольшую неловкость, занимаясь своим собственным социальным конфликтом, узнав, что за тем же столом сидит специалист именно по этой проблеме? У меня нет четкого ответа, лишь сильные ощущения, которые привели к такому неопределенному выводу: пусть у нас будет настолько мало специалистов в области человеческого поведения, насколько мы можем себе это позволить. Но если они все-таки будут, ради всего святого, пусть среди них не будет специалистов по преступности и разрешению конфликтов. Пусть у нас будут специалисты общего характера с солидной базой за пределами системы контроля за преступностью. И последний пункт, касающийся как специалистов в области поведения, так и юристов: если уж мы решим, что в определенных случаях или на определенных стадиях без них никак нельзя обойтись, давайте постараемся объяснить им проблемы, которые они создают для широкого социального участия. Давайте постараемся научить их воспринимать себя в качестве источника информации, отвечающих только тогда, когда их спрашивают, а не тех, кто доминирует, находится в центре. Они могут помочь в воссоздании конфликта, но не должны брать их решение на себя» (Кристи Н. Конфликты как собственность // Правосудие по делам несовершеннолетних. Перспективы развития. Вып. 1. М.: МОУ Центр «Судебно-правовая реформа», 1999. С. 40–41).

Можно следующим образом изобразить идею восстановительного подхода (схема 4).

Схема 4. Восстановительный подход

Организационное устройство деятельности по работе с правонарушениями несовершеннолетних

Если говорить на уровне модели, восстановительный подход не отрицает в отдельных случаях необходимости работы по социальному сопровождению несовершеннолетнего и разработки реабилитационных программ. Но для этого должна быть создана разносторонняя структура, включающая, как минимум, преобразованные три основных и один факультативный способы деятельности: основные – способ деятельности представителя уголовной юстиции, способ деятельности медиатора, способ деятельности участников криминальной ситуации, то есть самих жертв, правонару-

шителей и их ближайшего окружения; факультативный – способ деятельности специалиста по социальной работе.

На наш взгляд, способ деятельности специалиста по социальной работе является факультативным, поскольку используется в исключительных ситуациях, когда ребенок и его семья не в состоянии сами решить собственные проблемы и требуется постоянное социальное и/или психологическое сопровождение.

На уровне организационной модели можно определить восстановительный подход по делам несовершеннолетних как связку четырех деятельностей (схема 5).

Схема 5. Четыре деятельности

При этом важно понимать не только основания работы специалиста в восстановительном подходе, но и какая деятельность является ядерной или ведущей. На наш взгляд, ведущей является деятельность медиатора, поскольку именно она задает существо восстановительного подхода по отношению к работе социального работника, юриста, психолога.

Почему именно эта деятельность задает ядро восстановительного подхода? Сейчас стало модно говорить об отсутствии межведомственного взаимодействия. При этом совершенно упускается из вида, что главным в межведомственном взаимодействии является содержание деятельности. Если в приказном порядке собрать специалистов и приказать им работать на благополучие ребенка, никакого взаимодействия не будет. Главным является понимание, на каких основаниях мы работаем с детьми и семьями. Здесь мы переходим от организационного понимания подхода к содержательному.

В условиях практической работы важно понимать, чем именно будут заниматься специалисты: цели их работы, основные роли, каким образом они будут кооперироваться друг с другом и какие условия, исходя из специфики их деятельности, необходимо для них создавать.

Специалисты, реализующие восстановительный подход к конфликтным и криминальным ситуациям с участием несовершеннолетних, осуществляют деятельность, которая позволяет:

- полноценно участвовать в этом процессе ближайшему социальному окружению, прежде всего, семье и самому ребенку;
- разрешать конфликт и криминальную ситуацию через взаимопонимание и осуществление восстановительных действий;
- заглаживать обидчиком (обвиняемым) вред потерпевшему в случае криминальных ситуаций.

Если принять нацеленность работы медиатора на эти результаты, медиация, семейные конференции и круги сообществ из факультативных процедур превращаются в ядро ювенальной юстиции, поскольку именно эти программы нацелены на участие в разработке, принятии и реализации решения силами семьи, ближайшего социального окружения и самих детей, находящихся в трудной жизненной ситуации.

Роль медиаторов и специалистов по социальной работе заключается в поддержке процесса такой интеграции детей и семей в общество, которая происходила бы при максимальном включении ресурса этих семей и детей в восстановительные процессы. Роль специалистов юстиции заключается в том, чтобы помочь запустить восстановительный процесс с помощью правовых механизмов, предусматривающих защиту прав и интересов семьи и ребенка.

В практике восстановительного правосудия важнейшей фигурой является ведущий (медиатор) программ восстановительного правосудия. Но как только мы говорим о структуре различных типов деятельности (например, медиатор и социальный работник), сразу же встает вопрос об особенностях кооперации, которую могут (а возможно, и должны) осуществлять специалисты. Например, в рамках практики семейных конференций, которые зародились в Новой Зеландии, в подготовке встреч семьи и жертвы участвуют медиаторы и социальные работники³⁶.

Какие новые основания дают возможность объединяться медиаторам и социальным работникам в восстановительном подходе? Прежде всего, это новые понятия, которые позволяют по-иному осуществлять деятельность.

Социокультурный контекст криминальной и конфликтной ситуации, цель и сквозные задачи в работе медиатора³⁷

Приведем трудности, с которыми сталкивается медиатор в своей работе. Во-первых, он взаимодействует не просто

³⁶ Адаптацию практики семейных конференций к европейским условиям осуществляет специалист из Нидерландов Роб ван Паже, который провел обучение российских специалистов.

³⁷ В данном параграфе используются материалы статьи: Максудов Р.Р. и Фляммер М.Г. Городская политика, социализация и восстановительное правосудие // Архив Центра «Судебно-правовая реформа». Частично опубликовано в: Кентавр, 2002. № 23. С. 49–57.

с людьми, а с участниками конфликта, прошедшими через такие отношения, в рамках которых они не смогли договориться и разрешить сложившуюся ситуацию. Поэтому им нужен посредник. Во-вторых, медиатор знает способы разрешения конфликта, которые не используются людьми в ситуациях взаимного озлобления или равнодушия. А в-третьих, медиатор исходит из принципа недопустимости навязывания сторонам совместной встречи, но в то же время для него важно создать такие условия, при которых участники осознанно отнеслись к возможности решить ситуацию восстановительным способом.

Почему стороны конфликта не смогли договориться и разрешить создавшуюся ситуацию? В обычных условиях люди в состоянии наладить конструктивный диалог. Но *криминальная или конфликтная* и поэтому *стрессовая ситуация*, в которую попадает человек, требует поддержки для налаживания диалога. Стремление власти, а также юридических ведомств и корпораций монополизировать конфликты и криминальные ситуации в обществе подрывают способность людей к налаживанию конструктивного диалога. Эту способность нивелируют и *современные урбанизированные формы жизни*, когда значительная часть отношений людей мимолетна и не требует взаимопонимания. Все это подрывает возможность и способность людей к ведению лично-лично окрашенных переговоров. Это удел традиционных форм социальной жизни (деревня и тесно связанные общины). Все труднее справиться с конфликтами и в *силу ограниченности индивидуализированных знаний*, которыми люди располагают друг о друге, когда находятся в ситуациях поверхностного взаимодействия и общения.

Безличностные и ограниченные формы взаимодействия людей приводят к *вытеснению проявления в данный момент того, что заботит людей, в том числе чувства стыда*. У людей формируются установки на проявление и демонстра-

цию силы, они отказываются показывать друг другу различные грани своей личности и собственные проблемы. Выявление и проявление личностного потенциала людей, душевных переживаний и боли является одним из механизмов восстановления нормального состояния пострадавшего и подлинного осознания правонарушителем ситуации, к которой привели его действия³⁸.

Ответом на эту ситуацию станет возрождение существовавших прежде во многих странах неформальных и признанных обществом и государством институтов, помогающих урегулировать конфликты в порядке альтернатив гражданского³⁹ и уголовного судопроизводства⁴⁰. Создаются службы медиации, которые в новых условиях с помощью подготовленных посредников реализуют принципы неформального правосудия⁴¹. В российских условиях нередко родственники и знакомые правонарушителя пытаются содействовать загла-

³⁸ См.: *Брэйтуэйт Дж.* Преступление, стыд и воссоединение. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2002; *Рецинджер С. М., Шефф Т. Дж.* Стратегия для общинных конференций: эмоции и социальные связи // Вестник восстановительной юстиции. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2002. Вып. 3.

³⁹ Например, в регламенте Верховного Суда штата Индиана (США), в разделе «Правила использования альтернативных способов разрешения споров» (*Rules For Alternative Dispute Resolution*), в правилах 1.1 приводятся следующие методы: мировые переговоры (*settlement negotiation*); арбитраж (*arbitration*); переговоры с посредником (*mediation*); примирительная процедура (*conciliation*); налаживание отношений (*facilitation*); «мини-суд» (*mini-trials*); сокращенное («аннотационное») судебное разбирательство (*summary jury trials*); частное судейство (*private judges and judging*); коллективная оценка конфликта (*convening or conflict assessment*); незаинтересованная оценка конфликта (*neutral evaluation and fact-finding*); подбор вариантов прецедентов (*multi-door case allocations*); согласованное установление правил (*negotiated rulemaking*) // Indiana Rules of Court. Rules For Alternative Dispute Resolution (доступно по адресу: www.in.gov/judiciary/rules/adr/).

⁴⁰ Посредничество в уголовных делах. См.: Рекомендация № R (99) 19 и пояснительные заметки.

⁴¹ Сегодня многие специалисты обращают внимание на такие институты, как ресурс самого правосудия. Во многих регионах Кавказа в сфере разрешения криминальных и конфликтных ситуаций существуют многовековые традиции примирения: наряду с имеющимся российским законодательством функционируют институты традиционного (адатского) права. В соответствии с традициями адатов выбираются судьи из общины, уважаемые люди, старейшины, которым поручается разбирательство дел. Стороны могут прийти к необходимости запуска процедуры примирения – «маслиата». Решение о том, как именно будет происходить заглаживание вреда, принимают родственники потерпевших и обидчиков, а также уважаемые люди, то есть представители общины.

живанию вреда и урегулированию криминальной ситуации. Но эти отдельные шаги наталкиваются на институциональную необеспеченность важных для общества способов разрешения конфликтов и криминальных ситуаций. И часто (как правило, это происходит из-за ведомственных интересов) представители правоохранительных органов пытаются прямо запретить общение сторон друг с другом (хотя иногда это и необходимо, чтобы не разжигать эскалацию конфликта).

Рассмотрим данную институциональную необеспеченность применительно к работе медиатора в криминальных ситуациях. Помимо того, что преступление является деструкцией по отношению к жертве (нарушение личностного пространства, потеря собственности, нарушение чувства безопасности и т. д.), травмирующим для многих жертв является также столкновение с системой уголовного правосудия. Система уголовной юстиции ограждает правонарушителя от понимания переживаний жертвы, не создает условий для персонального участия в заглаживании вреда. Безличная машина по производству наказаний, которой сегодня служит система уголовного правосудия, в конечном счете, содействует стремлениям правонарушителя всеми средствами оправдать, выгородить себя.

Медиатор в процессе общения с участниками возникшей криминальной ситуации сталкивается с ее последствиями, которые испытали люди (жертва, правонарушитель и другие). Эти последствия могут проявиться в еще не пережитой эмоциональной и физической боли, утрате душевного равновесия, состоянии стресса, страха, чувстве вины и т. п. Важной составляющей может быть и материальный ущерб. В результате преступления и участия в уголовном процессе у жертвы и правонарушителя возникает собственное видение способов разрешения ситуации, которое несет следы неисцеленных травм и воздействия на них системы уголовного правосудия (схема 6):

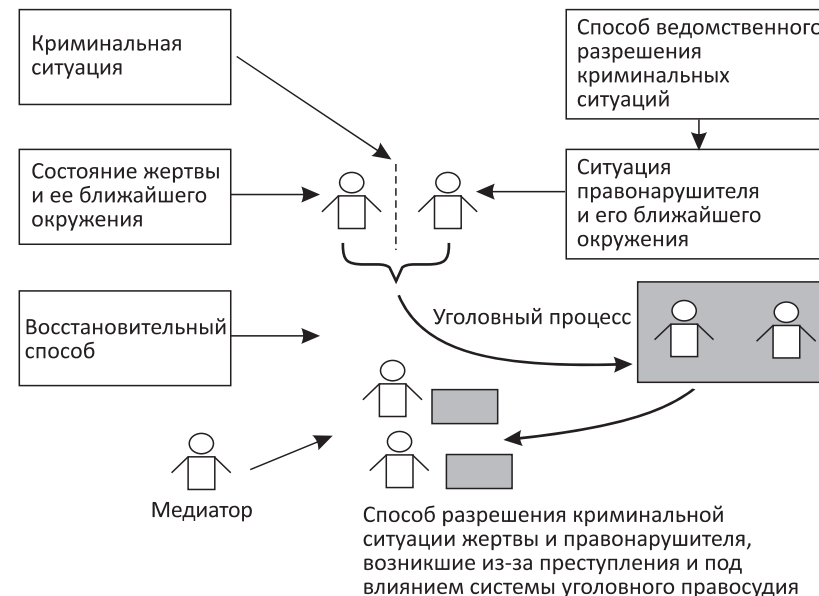

Схема 6. Ситуации, с которыми сталкивается медиатор во время проведения встреч жертвы и правонарушителя

Случаи затяжных конфликтов бывают не менее, а часто более сложными для работы, чем криминальные. Здесь уже оба участника считают себя жертвами. До того как со сложившейся ситуацией начнет работать медиатор, люди, находящиеся в конфликте, как правило, уже какое-то время «обливали грязью» друг друга, часто публично, и тем самым затруднили, если не отрезали, путь для достижения согласия по той или иной проблеме. Современная ситуация позволяет выделить дополнительный фактор, затрудняющий работу медиаторов. Это различные ток-шоу, на которых ведущими подогреваются низменные инстинкты публики для достижения рейтинга телепередач. На данных ток-шоу участников конфликта буквально заставляют оскорблять друг друга, подсовывают тексты, которые нужно зачитывать так называемым «экспертам». Такие мероприятия просто «вывали-

ваются» из пространства элементарных нравственных норм, что, на мой взгляд, способствует массовому одичанию⁴¹.

В то же время усталость от таких конфликтных ситуаций, травмы, которые не уступают порой травмам из-за криминальных действий, приводят к тому, что одна из сторон ищет возможности для примирения или достижения соглашения. Это благоприятствует проведению медиации. Но здесь уже вторая сторона часто не хочет договариваться. В такой ситуации медиатор может использовать описанные ниже варианты действий.

Рассмотрим порядок работы медиатора в программах восстановительной медиации⁴².

Этап 1. Подготовительный

Задачи работы ведущего (медиатора)

1. Получив информацию о случае, определить, подходит ли он по критериям для работы с использованием восстановительных программ.

Критерии, по которым случай может быть принят в работу:

стороны конфликта (криминальной ситуации) известны;

в случаях где есть обидчик и пострадавший, обидчик признает свою вину (или, как минимум, свое участие) в содеянном.

⁴¹ В ходе одной из проводившихся медиаций по случаю, когда в результате действий подростка погиб человек, участие одной из сторон в ток-шоу привело к срыву попыток медиаторов наладить диалог между людьми.

⁴² В данном разделе использован «Порядок работы медиатора», разработанный автором, Людмилой Карнозовой и Антоном Коноваловым для участников всероссийской конференции «Восстановительная медиация: концепция, практика, перспектива», а также материалы статьи: *Рустем Максудов, Антон Коновалов. Этапы работы ведущего программ восстановительного правосудия: контексты и действия // Организация и проведение программ восстановительного правосудия. Методическое пособие / Под ред. Л.М. Карнозовой и Р.Р. Максудова. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2006.*

2. Если дело разбирается в официальных органах (милиция, суд или КДНиЗП), выяснить, на какой стадии разбирательства находится дело и каковы юридические последствия успешного проведения программы.
3. Связаться со сторонами по телефону и договориться о проведении индивидуальной встречи. Если участниками конфликта являются несовершеннолетние (обидчик и/или пострадавший) и данный случай рассматривается компетентными органами, медиатор обязательно связывается с законными представителями несовершеннолетнего.

Медиатору нередко приходится преодолевать возникшую из-за конфликта или криминальной ситуации стену подозрительности, непонимания, эмоционального напряжения (в том числе зачастую действий представителей государственных органов и учреждений), чтобы предложить участникам конфликта восстановительный способ разрешения ситуации. В ходе проведения программы восстановительной медиации на протяжении всей работы медиатору необходимо также удерживать сквозные задачи, реализация которых помогает сторонам переключиться на будущее и найти конструктивный выход из сложившейся ситуации, а именно:

- достижение и удержание контакта со сторонами;
- создание условий для конструктивного выражения эмоций;
- создание безопасной атмосферы во время работы;
- создание условий для взаимопонимания.

Комментарии к работе на этапе 1

Прежде всего, возникает вопрос, где работают медиаторы. Поскольку мы считаем, что медиация по уголовным делам и случаям конфликтов с участием несовершеннолетних – это не коммерческая деятельность, а навык, которым

должны владеть максимально большее число специалистов и граждан-волонтеров, медиаторы в нашей практике – это, как правило, специалисты различного рода психологических и социальных центров, подростковых клубов, педагоги, а также добровольцы: школьники и взрослые. Руководители данных учреждений осознают необходимость использования восстановительного подхода в форме медиации, кругов сообществ и семейных конференций и создают условия в своих учреждениях для их проведения. В настоящее время модель восстановительной медиации реализуется в двух вариантах:

- службы, работающие с правонарушениями несовершеннолетних (муниципальные службы примирения) на базе муниципальных центров, оказывающих социальные и психологические услуги населению;
- школьные службы примирения на базе образовательных учреждений.

Часто у специалистов возникает мнение, что это еще одна нагрузка, за которую хотелось бы получать дополнительную оплату. Мы считаем, что программы восстановительного правосудия дают возможность более эффективной работы с ситуациями несовершеннолетних и их семей в рамках существующего функционала деятельности специалистов. Эффективность здесь понимается как существенно низкий процент количества повторного совершения преступлений у несовершеннолетних, прошедших полные программы восстановительного правосудия, по сравнению с теми, кто не прошел данные программы. Но и в случаях конфликтов программы восстановительного правосудия дают возможность остановить эскалацию, вовлекая всех участников конфликтной ситуации в диалог. Одна из самых важных характеристик программ восстановительного правосудия – они несут характер «гуманитарной интервенции», что присуще и социальной работе. В то же время, в отличие от реабили-

литационных способов социальной работы, где часто выносятся диагноз людям, что может являться основанием для карательных и административных санкций (например, по лишению родительских прав), восстановительный подход построен принципиально на антидиагностических основаниях и предполагает, что сами люди формируют знание о своей ситуации и способах выхода из нее.

Руководитель учреждения может создать подразделение (или службу) в условиях существующего финансирования, в которой будут работать медиаторы. В России медиаторы работают, совмещая свою работу с другими видами деятельности (специалиста по социальной работе, психолога, педагога) и как медиаторы-волонтеры (как правило, это подростки в школьных службах примирения). Поэтому мы говорим не столько о медиации как профессии, сколько о медиации как навыке.

Медиаторам могут направляться случаи от администрации школы и от педагогов, из судов, КДНиЗП, от специалистов учреждений социальной защиты и помощи семье и детям. В практике нашей работы часто возникали случаи, когда руководители и специалисты, которые слышали о медиации лишь из книг или коротких лекций, определяли возможность ее проведения и затем пытались привлечь медиаторов к разрешению ситуаций, где подозреваемые в совершении преступления подростки категорически отрицали свое участие, – тем самым навязывая медиаторам роль дознавателя. Такое использование возможностей медиаторов недопустимо. Бывает также, что при наличии школьных служб примирения педагоги разрешают конфликты привычным административным путем. Это, как правило, происходит в школах, где доверие к школьникам лишь декларируется, а школьную службу примирения создают из политических соображений.

Если позволяют условия, со случаем лучше работать двум медиаторам. Работа вдвоем помогает анализировать

ситуацию (что не заметил один, заметит второй), получать обратную связь после программы, дает больше возможностей учитывать настроение конфликтующих. Перед проведением программы ведущим лучше договориться о распределении ролей. Один ведет процесс, другой помогает. Можно также договориться, кто будет лидировать на той или иной фазе встречи. Если стороны разного пола или из разных культурных слоев, желательно, чтобы медиаторы также были разного пола и хорошо знали культурные особенности участников.

Перед встречей медиаторам надо договориться об общей стратегии и способах возможной коммуникации друг с другом во время программы. Это поможет избежать недоразумений и споров между ними. После встречи необходимо обсудить проведенную работу.

Если медиация проводится по случаям, имеющим ярко выраженных обидчиков и пострадавших (не всегда потерпевших и обвиняемых, обладающих юридическим статусом), то, за редким исключением, начинать лучше со встречи с обидчиком (правонарушителем), поскольку если вы уже договорились с пострадавшим, а обидчик откажется от встречи, пострадавший может получить дополнительную психологическую травму. Кроме того, обычно пострадавшему важно знать, что обидчик хочет встретиться для разрешения конфликта, что подтверждает его желание разрешить ситуацию. Перед индивидуальной встречей ведущему необходимо определить, сколько времени осталось до судебного разбирательства, каковы возможные перспективы судебного решения в случае заключения договора о заглаживании вреда. Медиатор должен договориться с обидчиком о встрече. Обычно это звонок по телефону.

Особенности телефонного разговора. Если правонарушителем является несовершеннолетний, необходимо одному из родителей (законному представителю) объяснить суть

медиации, получить одобрение на беседу с ними и их сыном или дочерью. После этого можно назначить время для индивидуальной встречи. Здесь и далее мы предлагаем некоторые подсказки ведущему. Подчеркнем, что это ориентир, но не план или шаблон.

Подсказка ведущему для начала телефонного разговора с обидчиком (правонарушителем)

«Добрый день! Меня зовут (представиться). Я представляю организацию (название) и звоню по поводу случая (фабула случая). Я – медиатор программ по заглаживанию вреда. Социальный работник передал мне информацию о вашем согласии обсудить обстоятельства, связанные с заглаживанием вреда (примирением). Когда и где вам удобно встретиться?»

Как ведущему изложить фабулу случая? Лучше – в нейтральных выражениях, то есть постараться минимизировать оценку совершенного действия. Нельзя называть кого-либо преступником или жертвой. Лучше сказать, в чем человек сам признался. Например, что Сергей отобрал у Андрея мобильный телефон. Или что Света ударила Катю.

Поскольку беседа по телефону значительно усложняет коммуникацию, необходимо избегать превращения телефонного разговора в подобие индивидуальной встречи. Как правило, если речь идет о несовершеннолетнем обидчике, телефонный разговор начинается с его родителями. Естественно, у них возникает желание подробнее узнать, что предлагается. Но если по телефону предоставить слишком много информации, людям может показаться, что личная встреча не так уж и необходима. Здесь лучше проявить вежливую твердость и предложить обсудить все, что может заинтересовать родителей и самого подростка, на индивидуальной встрече.

Этап 2. Встреча со стороной

Первая фаза. Создание основы для диалога со стороной

Задача: представить себя и программу.

Различные роли сторон в ситуации противоправного деяния и, соответственно, принципиальные различия ее последствий для правонарушителя и жертвы диктуют специфику предварительных встреч ведущего с каждым из них. В то же время должна быть выполнена одна из наиболее важных задач ведущего по отношению к сторонам – безопасная атмосфера во время работы. Встречаясь со сторонами, медиатор должен позаботиться об этом и четко уяснить для себя, как он будет представляться, то есть:

- кто он и его роль в деле;
- роль и функции организации, которую он представляет;
- его взаимоотношения со сторонами.

Вариант представления

Добрый день! Меня зовут (представиться). Я встречаюсь с вами по поводу ситуации (...). Информацию о ней нам передал (называете человека или организацию). Я – ведущий программ восстановительной медиации (медиатор) (...) (называете организацию или службу). Я не представляю ни одну из сторон, то есть я не адвокат и не советчик. Наша организация (служба) помогает участникам конфликта организовать диалог друг с другом и самим найти выход из конфликта без применения насилия. Участие в наших программах добровольное, поэтому в конце разговора вы сами примете решение, будете ли в ней участвовать. Наш разговор конфиденциален, то есть я не буду разглашать никакую информацию кроме вашего решения участвовать или не участвовать в наших программах. Исключение составляет ситуация, если мне станет известно о готовящемся преступлении, я обязан сообщить в компетентные органы.

Вторая фаза. Понимание ситуации

Задача: помочь обозначить различные аспекты конфликтной ситуации, важные с точки зрения участников и принципов восстановительной медиации.

Возможные действия медиатора

1. Обсуждение ситуации

- помочь человеку (вопросами, переформулированием, уточнением и пр.) рассказать, что произошло (до ситуации, сейчас, после, о других участниках, о потерпевшем, о друзьях, о своих состояниях и чувствах, об отношении к произошедшему и его последствиям);
- внимательно слушать и фиксировать, что беспокоит человека;
- в случае необходимости помочь пережить сильные чувства;
- обсудить ценности относительно различных способов реагирования на ситуацию, рассказать о ценностях восстановительной медиации.

2. Обсуждение последствий

- обсудить, к каким последствиям привела ситуация (или еще может привести), что человеку в этом не нравится. Если о последствиях уже упоминалось при обсуждении ситуации, резюмировать, чтобы перейти к поиску вариантов выхода;
- обсудить и помочь сформулировать стратегически важные приоритеты (цели, интересы), которые важно достичь (сохранить) в этой ситуации.

Комментарии к работе на второй фазе.

Особенности работы со стороной обидчика

Помните, что конфликтующие стороны или обидчик и пострадавший могут быть озлоблены или расстроены (пострадавшие нередко испытывают злость в связи с преступлением и разочарованием после общения с системой уго-

ловного правосудия). Обидчик может также считать себя жертвой, винить потерпевшего, считать несправедливым возбуждение уголовного дела. Не удивляйтесь, если он сразу не пойдет на контакт. Помните о важности удержания рамок, цели, сквозных задач и средств их реализации (активного слушания, применения приема отражения и т. д.).

Если, например, подросток, совершивший преступление, начинает рассказывать о произошедшем событии очень кратко, ему можно помочь «расширить картину» вопросами: что было до того, как произошло событие; что потом; что происходило при задержании; как отнеслись родители к случившемуся; встречался ли он с пострадавшим, если нет, то почему, и т. д., сохраняя при этом доверительный тон и доброжелательное отношение. Наиболее частые ошибки начинающих медиаторов: построение беседы в виде допроса, морализирование или попытка уговорить правонарушителя или пострадавшего и их родителей принять участие во встрече с потерпевшим. Важнее всего в этой ситуации добиваться не восстановления объективной картины события, а помочь собеседнику выразить собственное отношение и связанные с этим чувства (например, с помощью вопросов: что он чувствовал в момент происшествия; что после; как сейчас).

Вопрос о проявлении чувств неоднозначный. Иногда человеку не хочется вспоминать, что произошло, так как подобные воспоминания оказывают на него травмирующее действие. Поэтому лучше всего понять, что именно требуется человеку в настоящий момент и чем в этом случае может помочь медиация. Бывает, наоборот, человек готов часами говорить о происшедшем, о своих переживаниях, проявляя злость и агрессию к другой стороне. Часто при этом разговор может перейти на темы, связанные с жизнью человека. Здесь уже медиатору следует уважительно в определенный момент перевести разговор на тему, связанную с его приходом.

Важные правила проведения встречи со стороной

Нельзя	Можно
искать виноватого	фокусироваться на ситуации и на отношении человека к происшедшему
пытаться выяснить все досконально	обсуждать разрешение проблемы

Фокусировка на ситуации и обсуждение способов разрешения проблемы помогает человеку начать анализировать происшедшую ситуацию и выработать к ней свое отношение. Такая фокусировка может осуществляться с помощью вопросов:

- Что вас волнует в этой ситуации?
- Что для вас самое главное в ней?
- Как бы вы хотели ее разрешить?
- Какие шаги вы готовы предпринять для ее разрешения?

В это время может начинаться процесс постепенного пробуждения у обидчика (правонарушителя) чувства ответственности за совершенные им действия. В ходе разговора с ним, используя технику активного слушания, работу с сильными эмоциями и пр., важно позволить ему выразить негативные эмоции, учесть их и помочь освободиться от них.

Обычно у сторон много предубеждений относительно друг друга (например, «пострадавший не будет со мной даже разговаривать» или «да ей этот ущерб ничего не стоил»). Поэтому здесь лучше с помощью вопросов (а не утверждений) посеять сомнение в уверенности своего мнения о другом человеке. Это может происходить, например, через

предложение поставить себя на место другого человека. Таким простым способом довольно трудно это сделать. Только в процессе определенным образом выстроенного диалога человек может начать понимать состояние другой стороны. Гораздо целесообразней задавать вопросы, ставящие под сомнение однозначно выстроенную позицию, например: «А вы уверены, что Петр не захочет ничего с вами обсудить?» Критерием освобождения от сильных эмоций и предубеждений станет более-менее спокойное обсуждение создавшейся ситуации и возможностей ее решения.

Здесь важно прояснить условия, толкнувшие подростка на преступление, и ответить на вопрос, как сделать, чтобы подобное не повторилось. В ситуации конфликта можно также обсудить, как избежать подобных конфликтов в будущем и что для этого предстоит сделать.

Важным переходом от второй к третьей фазе может послужить разговор о последствиях криминальной ситуации, он также является шагом к рефлексии ситуации самим человеком. Часто обвиняемые не понимают, в какую ситуацию для себя и других они попали. Осознанию этого и служит разговор о последствиях. Для этой цели можно использовать схему 7 «Ромашка последствий»⁴⁵:

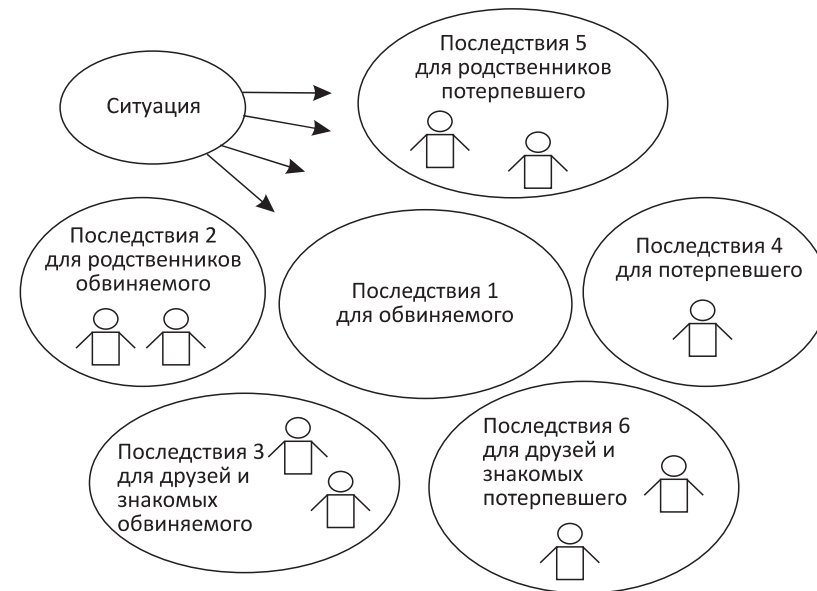

Схема 7. «Ромашка последствий»

Работая с помощью данной схемы, можно спрашивать обвиняемого о последствиях ситуации как для него самого, так и для социального окружения подростка и потерпевшего. Разговор о последствиях помогает реализовать важнейший принцип восстановительного правосудия – заглаживание вреда обидчиком. В ситуации, где есть обидчик и жертва, ответственность обидчика состоит в заглаживании вреда, причиненного жертве. Такую же ромашку можно использовать и в случае конфликтующих сторон.

Вопрос о вреде задается через идею последствий, которые наступили для конкретных людей, в том числе и для самого обвиняемого. При этом последнему предлагается самому выделить последствия с помощью схемы. Тем самым медиатор задает условия для собственной активности правонарушителя. Здесь очень важно, чтобы все основные шаги делал сам человек, а не медиатор. Медиатор лишь по-

⁴⁵ Основа для схемы была разработана на основе методического анализа работы медиатора Елены Женодаровой (см. статьи: *Елена Женодарова*. На пути к созданию методики работы в восстановительном подходе. Анализ случая; *Рустем Максудов*. Методологические и методические комментарии к статье Елены Женодаровой. На пути к созданию методики работы в восстановительном подходе. Анализ случая // Восстановительная ювенальная юстиция в России: модели работы в регионах. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2008.

могает сгруппировать материал (таким материалом является информация о происходящем с различными людьми, втянутыми в ситуацию преступления).

Здесь может произойти освобождение от стереотипов в отношении других людей и, следовательно, принятие на себя ответственности за последствия своего действия. Именно здесь, если не работать с этой ситуацией, может проявиться тенденция свалить всю ответственность на жертву, родителей, ту или иную внешнюю причину, подтолкнувшую к совершению действия.

Такая постановка вопросов позволяет медиатору избежать стандартных вопросов, например: «почему ты это совершил?» и такого же типа ответов: «дурак был». Представляется, что реализация принципа ответственности медиатором происходит через обсуждение вопросов последствий, вреда и осуществление восстановительных действий (о восстановительных действиях см. ниже).

Вопрос о причинах – это фактически вопрос особой реконструкции жизненной истории человека, порой непосильный отдельному индивиду. Но обсуждение вопроса об ответственности не требует обсуждения вопроса о причинах. Если мы говорим о подростке, требуется обсуждение вопроса, кто поможет приобрести навыки ответственного поведения, предполагающего собственную заботу о своем будущем.

В нарративном подходе вопрос ответственности связан с освобождением человека от гнета проблемной или негативной истории, которая часто навязывается ему другими людьми, доминирующими представлениями, позициями и культурными стереотипами⁴⁶. Важнейшей составляющей восстановительного подхода, как и нарративного, является ценность коммуникации, в которой происходит освобожде-

⁴⁶ См.: Нарративная медиация. Новый подход к разрешению конфликтов. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2009.

ние от проблемной истории, вырастающей часто из опыта клеймения и исключения из общества. Часто именно такую историю пытаются представить как объективную различные диагностические методики. Рисками, на мой взгляд, являются не какие-то объективные условия, которые можно измерить, а отношение других людей, которые фактически уже произвели клеймение и отторжение подростка. В основе такого отношения часто лежит реакция на проблемное поведение подростка и неспособность окружающих исправить его. Коммуникация в восстановительном подходе является альтернативой данной диагностике, поскольку диагностический инструмент служит инструментом навязывания власти диагностического знания⁴⁷. Контакт с людьми, которые обнаруживают проблемное поведение, и есть начало освобождения от него. В восстановительном подходе люди в состоянии как обнаружить свои проблемы, так и освободиться от них с помощью особым образом выстроенной коммуникации.

Особенности работы с пострадавшим от преступления

«Человек на этапе, наступившем после совершения в отношении него преступления, чувствует глубокую обиду, моральное оскорбление, травму. В какое-то время происходит отрицание происходящего. Также на этом этапе может быть отрицание того, что произошло, хотя он скоро начинает понимать, что это действительно произошло. Чувство гнева или ярости является вполне естественной реакцией в такой ситуации, а также ощущение бессилия. Насилие как бы впечатывается не только в разум человека, но и во все тело, в каждую клеточку. Это чувство ужаса, мучения, сильного страха. И здесь у нас также происходят разного рода реакции – физиологические, когнитивные, эмоциональные и поведенческие. Это может быть боль

⁴⁷ Типичным примером навязывания власти диагностического знания является методика «Оценка рисков и возможностей».

в груди, головокружение, головная боль – большой спектр различных физиологических проявлений. Некоторые люди испытывают трудности с дыханием, другие могут скрежетать зубами. Это один момент. Другой момент – когнитивный аспект. Люди могут испытывать замешательство и не знать, что делать дальше. Их мучают кошмары, страшные сны. Даже когда они не спят, различные образы вторгаются в их сознание. Нормальная реакция – это замешательство, незнание, что делать дальше. Так вот, это – физиологические и когнитивные реакции. Мы говорим также об эмоциональной реакции. Это – страх, чувство вины, тяжесть, горе, паника, отрицание.

Человек может впасть в злость или ярость и “застревать” в этом. Обычно это происходит потому, что не с кем поговорить, чтобы излить эту злобу или гнев. Эти чувства каким-то образом подавляются внутри. Когда человек не способен поговорить об этом или когда нет собеседника, появляются так называемые “друзья-помощники”, которые хотят подбодрить нас в чувстве злобы, подтолкнуть нас на месть. На самом деле они являются теми, кто не знает, как помочь. Или мы “застреваем” на этом гневе из-за давления общества. В обществе мы не говорим открыто о том, что с нами происходит, нам просто следует продолжать жить своей жизнью.

Когда мы общаемся с жертвами, очень часто они говорят: “Вы первый человек, который выслушал меня”, поскольку обычно люди лишь разговаривают с ними или просто избегают их. Но если мы слушаем с безраздельным вниманием, т. е. ушами, глазами и сердцем, они получают возможность рассказать, что с ними происходит на физическом, эмоциональном, когнитивном уровне и уровне поведения. Таким образом, нам нужно помочь человеку, чтобы слова, слезы, эмоции нашли свой выход.

Всегда важно, чтобы люди, кто бы они ни были, рассказывали свои истории, рассказывали, что с ними произошло, и тогда можно надеяться, что в своей истории они не только изложат факты, но и выразят чувства по поводу произошедшего.

Но мы и сами на эту встречу с жертвой приходим с большим багажом. Мы приносим собственные эмоции, возможно, усталость. Мы приносим свои стереотипы о жертвах: “Она слишком много жалуется. Может быть, она заслужила это?”. Кого-то, возможно, это и смущает, но, по крайней мере, женщины постоянно жалуется на своих плохих мужей. Мы действительно можем придерживаться некоторых стереотипов.

Нам необходимо уделять внимание этому вопросу, прежде чем начать слушать. Действительно, очень трудно слушать, когда устал или думаешь о чем-то другом. Наша первая встреча с человеком налагает на нас большую ответственность, и мы должны постараться присутствовать в полной мере. Важно также и то, каким образом мы слушаем. Кто-то сказал, что слушание – это величайший подарок, который можем сделать другому человеку. Что это означает? В чем сила слушания? Из своего опыта я полагаю, что слушание – ключ к исцелению⁴⁸.

В случае работы по уголовно наказуемым деяниям работа медиатора может быть поддержана специальным письмом потерпевшему, которое содержит информацию о возможном и добровольном участии в программах восстановительного правосудия и об организации, которая этим занимается. Письмо подписывает лицо, представляющее официальный орган, где разбирается данное дело (КДНиЗП, ОВД, суд и пр.), как знак того, что действия медиатора с ним согласо-

⁴⁸ Харп Б. С. Особенности работы с жертвой преступления. Извлечения из выступления на семинаре. Иркутск. 30.10.2000. Архив общественного центра «Судебно-правовая реформа».

ваны. Письмо может быть послано по почте либо передано самим ведущим.

Обычно жертву волнуют вопросы: почему это произошло именно с ней; был ли выбор обидчика преднамерен; как обезопасить себя в дальнейшем; не будет ли обидчик мстить? Как показывает практика, когда есть материальный ущерб или сильные переживания сторон, медиатору легче обсуждать заглаживание вреда. Если материальный ущерб отсутствует или возмещен, а сильных переживаний нет, медиатор обсуждает с человеком другой, возможно, важный для него смысл участия в совместной встрече сторон: обсуждение будущего и правонарушителя и пострадавшего. Как мы отмечали ранее, в ходе понимания ситуации подростка-потерпевшего важно зафиксировать изменения в его сознании после случившегося. Восстановительная медиация позволяет выявить их и сделать шаги в направлении освобождения от деструктивных ориентиров, если они стали зарождаться после случившегося. Такими ориентирами могут быть прекращение сочувствия другим, ориентация лишь на силовые способы разрешения конфликтов, агрессивность в поведении.

У пострадавшего (как и у правонарушителя) часто образуется информационный вакуум: он не в курсе, что сейчас происходит с обидчиком и его семьей, какие действия пострадавшего могут повлиять на процесс. Более того, часто возникает дополнительная агрессия на обидчика и его родителей, что не извинились, не позвонили, не пытались загладить вред. Другая сторона может действовать так под влиянием адвокатов, стереотипов о пострадавшем и отнюдь не всегда осознанно игнорирует потерпевших. Медиатор, по возможности, отвечает на вопросы сторон и предлагает прояснить на совместной встрече то, что привело к непониманию и деструктивным эмоциям. Медиатор также информирует жертву о позиции нарушителя и о его жела-

нии встретиться и загладить причиненный ущерб и (или) принести извинения. В ходе встречи медиатор обсуждает с жертвой, чем программа может помочь в удовлетворении ее нужд, связанных с криминальной ситуацией. Место и время совместной встречи назначаются, в первую очередь, исходя из интересов жертвы.

Каждая из сторон вправе отказаться от встречи, и к этому надо относиться с пониманием и никого не уговаривать. Напомним, что одной из сквозных задач медиатора является создание условий для конструктивного выражения эмоций, то есть он должен уметь работать с сильными негативными эмоциями и, рассмотрев различные варианты выхода из ситуации и их последствия, предложить встречу с другой стороной. После того как человек ознакомлен с форматом и правилами встречи, он решает, принимать в ней участие или нет. Здесь очень важно наладить диалог с родителями пострадавшего подростка, которые часто хотят исключить его из обсуждения и дальнейших действий. И нередко именно они принимают решение об участии в совместной встрече, игнорируя мнение подростка. Здесь медиатору важно обсудить с родителями важность учета интересов подростка в этой ситуации. Предметом обсуждения могут быть также, как мы указывали ранее, различные негативные последствия криминальной ситуации для подростка.

Третья фаза. Поиск вариантов выхода

Задача: поддержать принятие стороной ответственности за восстановительный выход из ситуации.

Обсуждаемые вопросы

- какие выходы возможны из создавшейся ситуации на основе стратегически важных приоритетов (целей, интересов), которых важно достичь (сохранить) в этой ситуации, и к каким последствиям эти выходы могут привести;

- обсудить ценности, лежащие в основании различных способов реагирования на ситуацию, рассказать о ценностях восстановительной медиации;
- пытались ли сами разрешить ситуацию, встретиться со второй стороной;
- варианты заглаживания вреда;
- в случае возмещения ущерба родителями и других трат родителей (например, на адвоката) обсудить, в чем будет конкретный вклад несовершеннолетнего в заглаживании вреда, в частности, как он будет возмещать траты родителей;
- если в ситуации участвовали несовершеннолетние, обсудить их планы на будущее, поддержку этих планов со стороны родителей и ближайшего социального окружения;
- рассказать о встрече со второй стороной (если она была) или о возможности такой встречи;
- обсудить встречу с другой стороной как возможный вариант действия, направленного на выход из ситуации. Подчеркнуть, что главными на встрече являются стороны, а медиатор обеспечивает конструктивность и безопасность;
- предложить сформулировать перечень вопросов, которые сторона хочет обсуждать на встрече (сформировать повестку дня);
- проинформировать о юридических последствиях заключения примирительного соглашения;
- если сторона не согласна на встречу, можно выяснить причины такого несогласия. Можно предложить форму челночной медиации, а также другие программы восстановительного правосудия: круги сообщества или семейные конференции. В случае категорического несогласия на любые формы общения можно предло-

жить не решать вопрос окончательно и оставить памятку и свои координаты;

- независимо от согласия на встречу обсудить, требуется ли помощь каких-то специалистов;
- если сторона согласна на встречу, приступить к четвертой фазе.

Комментарии к работе на третьей фазе

Очень важно не предлагать сразу встречу с другой стороной, а обсудить возможные выходы из ситуации и их последствия. Здесь необходим обстоятельный разговор о плюсах и минусах того или иного способа разрешения конфликта или криминальной ситуации. Конечно, в отдельных случаях, когда заведено уголовное дело, медиатор не вправе обсуждать такие типичные стереотипы людей, как «забрать заявление обратно». Но здесь важно обсудить возможные юридические последствия действий сторон, поскольку при определенной квалификации деяний возможно прекращение уголовного дела за примирением сторон. Попытка смягчить наказание, на наш взгляд, – это нормальная реакция любого человека, тем более родителей по отношению к своим детям. Важно, чтобы это не превращалось в денежную сделку с потерпевшим, когда нередко сами подростки не извлекают никакого урока из собственных действий.

Объяснение сути встречи сторон

Нет необходимости давать исчерпывающие объяснения процесса восстановительного правосудия и представлять его в идеализированном виде. Можно указать, что основной целью встречи сторон является заглаживание вреда, что подразумевает определение характера и размера компенсации, сроки выплат и т. п. В случае конфликта это может быть обсуждение ситуации и возможных путей ее исправления, а также примирения. Важно сказать, что одна из задач

встречи – позволить каждой стороне изложить свою версию события и его последствий, обсудить планы на будущее. В случае наличия обидчика и потерпевшего необходимо подчеркнуть важность процесса прощения: принесения извинений и принятия их потерпевшим. Но это может произойти на самой встрече, поэтому об этом лучше говорить в случае прямого желая со стороны обидчика.

Медиатор может информировать правонарушителя и его семью о возможных юридических последствиях того или иного результата встречи. Обычно люди, впервые столкнувшиеся с судопроизводством, теряются, пытаются понять этапы процесса, терминологию и прочее, при том что их судьба порой зависит именно от понимания и правильной реакции на происходящее в суде. Таким разъяснением должен заниматься адвокат. Но в российских условиях, если у родителей обвиняемого отсутствуют средства, адвокат по назначению (который ведет дела малоимущих) практически не работает с клиентом. Потерпевшие, как правило, не приглашают адвоката и также нуждаются в некоторых разъяснениях, связанных с результатами встречи сторон. Эту ситуацию в отношении подсудимого частично восполняют социальный работник и медиатор, а потерпевшего – медиатор.

Не надо торопить человека с принятием решения. Если он сомневается, следует дать ему время и попросить разрешения встретиться (или позвонить) еще раз. Иногда требуется не одна индивидуальная встреча, а две-три.

Поскольку в описываемой модели правонарушителем является несовершеннолетний, вместе с ним на индивидуальной встрече, как правило, присутствуют его законные представители, чаще всего родители. Их роль не только формальная: вместе с ними обсуждаются способы оказания поддержки подростку, их помощь в разрешении криминальной ситуации (а не только избавление подростка от тюремного заключения, что, безусловно, важно и понятно), вопросы по-

следующей жизни подростка. Хотя часто родители несовершеннолетнего правонарушителя занимают позицию защиты, что вполне естественно, тем не менее вопросы ответственности подростка, его исправления и осознания последствий поведения, его извинения (в том числе перед родителями) также подлежат обсуждению и важны для самих родителей. Часто бывает, что родители всеми силами пытаются спасти ребенка, что в целом понятно, но при этом нередко преступление сводится к детской шалости и обесцениванию его последствий для пострадавших. Такая позиция может передаваться ребенку, который может не испытывать чувство ответственности за совершенное. Медиатор в этом случае может обсудить последствия такой позиции для подростка и его родителей и предъявить ценности восстановительной медиации⁴⁹. Это может помочь членам семьи еще раз осмыслить собственные ценности и принять осознанное решение, которое не продиктовано исключительно стрессовой ситуацией и зависимостью от стереотипов и советов адвокатов. В нашей практике мы встречались с двумя типами адвокатов. Первые были заинтересованы в работе медиатора, поскольку понимали, что заглаживание вреда может повлиять на приговор или решение суда. Вторые воспринимали медиаторов как конкурентов и, пытаясь получить больше денег, обещали клиенту, что адвокатская работа приведет к оправданию подсудимых. В нашей же практике такого не случалось ни разу, и такие обвиняемые оказывались в полном проигрыше, да еще и без значительной суммы денег.

⁴⁹ Нейтральность медиатора не абсолютна, а касается отношения к интересам сторон и состоит в том, что медиатор не является проводником тех или иных интересов. В то же время позиция медиатора предполагает, что он – носитель определенных взглядов и принципов. Их субъективация, способность их отстаивать в различных конфликтных ситуациях приводит к формированию ценностей. Ценности – это персонализированные основания нашей деятельности. Способность предъявлять и отстаивать в необходимые моменты ценности восстановительного правосудия является признаком позиции медиатора, работающего в рамках модели восстановительной медиации.

Возможно, семье также нужно помочь найти какие-то ресурсы для восстановления нормальных отношений с подростком и его поддержки в обретении ответственной позиции. Здесь поможет связь медиатора с психологическими службами и центрами. Мы считаем, что медиатор, закончив медиацию, может сменить позицию и предложить свои услуги в качестве психолога, если имеет для этого необходимую квалификацию и семья готова к этой работе. Но лучше с самого начала работать в паре медиатор и психолог, чтобы не было смешения позиций. В случае явного конфликта родителей и подростка медиатор может провести медиацию в семье для налаживания отношений родителей и детей.

Если обидчик (правонарушитель) согласен на встречу со стороной пострадавшего, он постепенно формулирует, зачем эта встреча нужна именно ему и что он собирается на ней обсуждать. Только при появлении такого понимания медиатор может целенаправленно планировать встречу сторон, обсуждать этапы беседы, правила, возможных участников и т. д. По нашему опыту, нередко отказы возникают не потому, что человек был против программы по заглаживанию вреда, а потому, что не понял ее смысла, то есть ведущему не удалось объяснить суть программы.

Медиатору обязательно нужно подготовить людей к встрече, чтобы не возникло конфликта из-за обесценивания последствий преступного действия. В случае сомнения в безопасности встречи для пострадавших медиатору необходимо продолжить подготовку сторон к встрече или отказаться от проведения медиации.

В случае несогласия на встречу есть четыре варианта действий ведущего. Первый – спросить человека, будет ли он согласен на встречу, если другая сторона этого хочет. Второй – предложить представительство, то есть подростка может заменить его друг, мужа – жена и т. д.⁵⁰ Это особенно

⁵⁰ Мы благодарны Инге Адмиральской за обсуждение этой темы.

важно в случаях, когда конфликтуют два человека. Третий – предложить форму челночной медиации. Часто медиаторы не понимают, что человек не согласен именно на встречу, но согласен на переговоры по заглаживанию вреда, и поэтому считают, что медиация невозможна. Челночная медиация, например, может начинаться словами:

«Правильно ли я вас понял, что вы не хотите встречаться с Игорем и его родителями? Хотели бы вы что-нибудь им передать, например, ваши предложения по заглаживанию вреда?»

Или:

«Можно ли мне передать вам его извинения и предложения по заглаживанию вреда? Можно ли мне с вами встретиться еще раз после того, как я согласую ваши предложения с другой стороной?»

Или:

«Станислав и его родители очень переживают за случившееся и хотели бы донести до вас свое раскаяние. Могут ли они вам написать письмо? Я могу вам его передать, вы можете передать через меня ваш устный или письменный ответ. Вас это устраивает?»

И четвертый вариант – принять отказ как осознанное решение участника (участников). Если люди находятся в спокойном состоянии, осознали свои интересы и приняли решение отказаться от участия в программе, медиатор должен отнестись к этому с пониманием, уважая их выбор. Тогда дело рассматривается в обычном порядке, а официальные органы, направившие информацию об этом случае, извещаются об отказе стороны от участия в программе. Подчеркнем: отказ подсудимого не может служить поводом для ухудшения его правового положения, равно как и участие в программе не является показателем признания вины в последующих судебных разбирательствах (см. Рекомендацию Комитета Министров Совета Европы, п. IV.14 Коммента-

рия)⁵¹. Но и в этом случае медиатор может предложить не решать вопрос окончательно и оставить памятку и свои координаты.

«Усилия ведущего во время первого контакта с потенциальными участниками чрезвычайно важны, тем не менее, некоторые дела, направляемые на программу, так и не доходят до примирительной встречи, и происходит это по причинам, не всегда зависящим от ведущего. Жертва или правонарушитель могут быть слишком напуганы, чтобы согласиться на личную встречу. Время от времени случается так, что медиатор не в состоянии определить местонахождение одного или нескольких потенциальных участников. Иногда одна сторона соглашается на примирение, а другая – нет. Некоторые жертвы полагают, что преступление никак на них не повлияло, или им просто ничего не нужно от правонарушителя. Стороны также могут считать, что ситуация каким-то образом уже разрешилась.

Важно помнить, что решение об участии или неучастии в программе остается в руках клиентов, каковы бы ни были их причины. Задача ведущего заключается в том, чтобы четко объяснить суть процедуры и каждому дать возможность решить, подходит это для него или нет. Ведущие должны убедительно рассказывать о преимуществах и положительных моментах, связанных с программой, но тем не менее им не следует использовать давление. Если не удастся получить согласие людей на участие в программе, это вовсе не означает неудачу человека как ведущего. На самом деле предварительные беседы уже могут помочь жертве определенным образом, даже если впоследствии он решает отказаться от участия в программе. Это особенно важно в тех случаях, когда во время предварительной беседы жертве удалось дать выход своим чувствам и рассказать свою исто-

рию заинтересованному, выказывающему заботу человеку. Как медиатор вы, возможно, окажетесь первым человеком, хоть каким-то образом связанным с системой уголовного правосудия, который потратил свое время и внимательно выслушал рассказ жертвы о том, как преступление повлияло на ее жизнь»⁵².

Четвертая фаза. Подготовка к встрече

Задача: прояснить суть предстоящей процедуры и поддерживать принятие стороной своей роли на встрече.

Возможные действия медиатора

- рассказать о формате примирительной встречи (обсуждаемых вопросах, правилах, роли сторон, медиатора, законных представителей, возможности участия других лиц). Сформировать на основе предыдущих этапов повестку дня встречи. При обсуждении правил встречи спросить, готовы ли участники их соблюдать; предложить внести дополнения;
- если со второй стороной еще не было индивидуальной встречи, пояснить ее право отказаться от участия в программе;
- разъяснить свою роль медиатора на совместной встрече (ответственность за безопасность, координирование действий, поддержка диалога). Подчеркнуть ответственность сторон за принятие решения;
- обсудить состав участников будущей встречи, предпочтительное время и место встречи;
- поблагодарить за беседу, оставить контактный телефон и памятку о программе.

⁵¹ Посредничество в уголовных делах. См.: Рекомендация № R (99) 19 // Вестник восстановительной юстиции. Вып. 2. М., 2001. С. 86–103.

⁵² Гринвуд Ж. Процедура примирения: фазы и задачи / VOM TRAINING MANUAL Center for Restorative Justice & Mediation, School of Social Work, University of Minnesota, 1996. (Архив общественного центра «Судебно-правовая реформа».)

Правила встречи

1. Не перебивать – у каждого есть возможность быть выслушанным до конца.
2. Не оскорблять, чтобы все чувствовали себя в безопасности.
3. Конфиденциальность – не рассказывать окружающим, что происходило на встрече (только результат или подписанный договор).
4. Каждый участник может при необходимости предложить сделать перерыв, перенести продолжение встречи на другой день.
5. Медиатор может поговорить с кем-то из участников наедине или участник с медиатором.
6. Добровольность участия сторон. Стороны вправе отказаться от участия в медиации как до ее начала, так и в ходе самой медиации.

О повестке дня встречи. Обычно на встрече работа медиатора фокусируется вокруг трех основных вопросов:

- организация диалога между сторонами, на которой происходит обмен представлениями и чувствами по поводу конфликтной или криминальной ситуации. На этом этапе роль медиатора – контролировать соблюдение правил и предлагать рассказывать о себе, а не о другом («я-сообщение»);
- поддержка восстановительных действий (извинений, обсуждения вопросов, связанных с возмещением ущерба, будущим участников и с формами поддержки);
- заключение соглашения.

Но при этом каждая ситуация уникальна, и участники могут вынести на обсуждение вопросы, которые волнуют именно их и без обсуждения которых встреча может не достигнуть своих исцеляющих эффектов. Соответственно, мы говорим не просто о формате встречи, а о повестке дня, кото-

рая складывается в процессе фиксации медиаторами вопросов, которые прояснялись на индивидуальных встречах. Не менее важно включить законных представителей в обсуждение повестки дня, поскольку именно они являются основной поддерживающей силой для позитивных процессов в жизни подростка. Повестка дня может включать особые вопросы, которые стороны хотели бы задать друг другу, донесение информации о каких-либо важных обстоятельствах, которые могут разрушить стереотипы друг о друге и т. д.

Этап 3. Встреча сторон

Первая фаза. Создание условий для диалога между сторонами

Возможные действия медиатора

- заранее подготовить место для встречи сторон;
- поприветствовать участников, поблагодарить, что пришли, если необходимо – познакомить их друг с другом;
- объявить цели встречи, огласить правила, обозначить позицию медиатора;
- объявить основные пункты повестки дня.

Комментарии к работе на первой фазе

Подготовка к встрече сторон. Помещение для примирительной встречи должно быть отдельным, чтобы во время встречи никто не мешал. Желательно наличие двух комнат – это даст возможность проводить со сторонами конфиденциальные разговоры. Продолжительность примирительной встречи – от 30 минут до четырех часов (возможно, с перерывом). Желательно, чтобы в помещении были чашки и чайник. Обычно чаепитие в перерыве или после встречи создает дружескую неформальную обстановку, на которой часто и происходит «неформальное примирение».

Если конфликтующие стороны, правонарушитель либо жертва (или тот и другой), являются несовершеннолетними, то в индивидуальной и примирительной встречах обычно принимают участие и их родители (законные представители). Если по каким-либо причинам родители не могут присутствовать, медиатор обязан их известить о предстоящей встрече сторон.

Общее правило: при организации программ необходимо учитывать возрастную специфику участников встреч, возможные статусные различия сторон, специфику мотивов участников и пр. При необходимости более «слабая», менее «статусная» сторона должна быть обеспечена поддержкой (участие родителей, друзей, социального работника, психолога и т. п.).

Встреча начинается с рассаживания. Лучше расположить всех за круглым или овальным столом, что способствует созданию доверительной атмосферы. Если медиатор чувствует, что подростки испытывают неуверенность в присутствии родителей, а родители пытаются подменить своей активностью детей, желательно усадить взрослых позади детей. Могут быть ситуации, когда необходимо те или иные этапы или фрагменты встречи провести отдельно с родителями, отдельно с детьми в разных комнатах.

Медиатор начинает встречу с предисловия, которое дает возможность участникам сосредоточиться и «включиться» в программу.

Подсказка ведущему для вступительного слова на встрече

Добрый день.

Я благодарю всех участников встречи и понимаю, что многим было нелегко прийти сюда. Мы собрались сегодня по поводу ситуации, происшедшей с вами. Хочу начать с представления участников сегодняшней встречи. Сегодня прии-

ли (...), родители (...), социальный работник (...). Я – ведущий встречи, меня зовут (...). Мой помощник/соведущий (...).

Напоминаю, что основными участниками нашей встречи являются непосредственные участники ситуации. Моя задача – не выяснять виновность и не защищать какую-либо сторону, а помочь организовать диалог, который может помочь разрешить возникшую ситуацию.

Я буду поддерживать усилия по заглаживанию вреда и разрешению ситуации, не отдавая кому-либо предпочтения.

Наша встреча является добровольной. Это означает, что вы пришли сюда по собственному желанию. Для того чтобы нам удалось нормально общаться и разрешить ситуацию, предлагаю ввести правила (напоминаю их)⁵³:

- *не перебивать говорящего, давая каждому возможность высказаться до конца;*
- *не оскорблять друг друга;*
- *соблюдать конфиденциальность разговора (не рассказывать окружающим, что было на программе);*
- *в ходе встречи каждый участник (и я в том числе) может попросить отдельной беседы наедине с кем-то из присутствующих;*
- *встреча будет продолжаться столько времени, сколько вы сочтете нужным. По вашему желанию можно сделать перерыв или продолжить встречу в другое время;*
- *участие во встрече добровольно, и при необходимости вы можете покинуть ее;*
- *прошу вас отключить мобильные телефоны.*

Вы согласны с предложенными правилами или хотели бы внести свои предложения и дополнения?⁵⁴ Есть ли ко мне вопросы? Мы можем начать?

⁵³ Желательно записать их на доске или на листе ватмана.

⁵⁴ Иногда предлагается правило: «Не выяснять вопросы вины, а вместе искать выход из создавшейся ситуации».

Итак, прошу вас рассказать о происшедшем, последствиях и вашем отношении к этому.

Вторая фаза. Организация диалога между сторонами

Задача: организовать взаимопонимание в процессе диалога.

Возможные действия медиатора

- предложить сторонам рассказать свою версию случившегося и его последствия;
- предложить сторонам высказать свое отношение к услышанному;
- поддержать диалог между сторонами по поводу ситуации и ее последствий. В ходе встречи необходимо трансформировать негативные высказывания так, чтобы это помогало конструктивному диалогу, и усиливать позитивные идеи и шаги по отношению друг к другу.

Третья фаза. Поддержка восстановительных действий на встрече и фиксация решений сторон

Задачи

- поддержать понимание и признание последствий конфликтной или криминальной ситуации;
- поддержать извинения и прощение;
- инициировать поиск вариантов решений и анализ предложений;
- обсудить и зафиксировать взаимоприемлемые варианты разрешения ситуации;
- обсудить и принять механизм реализации решений.

Комментарии к работе на второй и третьей фазах. Процесс восстановительных действий может быть неявным, стороны могут быть не готовы извиняться, особенно подростки, подверженные влиянию силовых субкультур, где проявление

силы считается основным достижением личности. В этом случае медиатору важно отразить сожаление обидчика, что может быть проявлением стыда и раскаяния последнего.

Встреча может приобрести оборот, когда родители с обеих сторон фактически начинают клеймить подростка-обидчика. Медиатору необходимо на основе идеи воссоединяющего стыда начать работу по проблематизации негативных установок и действий участников⁵⁵. Такая работа может включать вопросы о прошлых действиях обидчика, которые характеризуют его с положительной стороны. Важно обустроить такую направленность диалога, которая смогла бы прервать процесс «демонизации» обидчика со стороны его окружения. Здесь также могли бы пригодиться техники нарративного подхода, когда происходит отделение проблемы от человека, и поиск уникальных эпизодов, где проблема не захватывает человека⁵⁶. В настоящее время в Новой Зеландии активно ведется процесс включения техник нарративного подхода в программы восстановительного правосудия⁵⁷.

Приведем описание восстановительных действий в одной из работ С.М. Рецинджер и Т.Дж. Шефф:

«За достижением соглашения скрывается менее заметный процесс – процесс символического возмещения. В него вовлечены социальные ритуалы уважения, вежливости, извинения и прощения, которые действуют, похоже, независимо от достигнутой словесной договоренности. Символическое возмещение зависит от динамики развития эмоций и состояния социальных связей между участниками встречи. Идеальный результат, с точки зрения символиче-

⁵⁵ См.: Брэйтуэйт Дж. Преступление, стыд и воссоединение. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2002.

⁵⁶ См.: Уинслейд Дж., Монк Дж. Нарративная медиация: новый подход к разрешению конфликтов. М.: Центр «Судебно-правовая реформа», 2009.

⁵⁷ См.: Кэт Кронин-Лэмп и Рон Кронин-Лэмп. Развитие восстановительной культуры школы: слияние личного и профессионального «пути паломника» (<http://narrlibrus.wordpress.com>).

ского возмещения, состоит из двух шагов. Сначала правонарушитель ясно выражает стыд и искреннее раскаяние в своих действиях. Жертва в ответ предпринимает по крайней мере первый шаг на пути к прощению правонарушителя. Эти два шага можно назвать «восстановительными действиями». «Восстановительные действия» способствуют воссозданию разрушенных преступлением отношений между жертвой и правонарушителем. Воссоздание этой связи символизирует более значительное восстановление в сравнении с тем, которое произойдет между правонарушителем и другими участниками, полицией, общиной. Несмотря на то, что эмоциональный обмен, составляющий основу «восстановительных действий», может быть весьма кратким (возможно, несколько секунд), именно он является ключом к примирению, удовлетворению жертвы и снижению количества повторных преступлений.

«Восстановительные действия» оказывают свое влияние также и на соглашение о возмещении ущерба. За примирением на эмоциональном уровне, как правило, следует достижение соглашения, которое удовлетворяет всех участников. Условия такого соглашения являются скорее неизбежными, чем слишком суровыми или слишком легкими для правонарушителя. Без наличия «восстановительных действий» путь к соглашению полон препятствий: какое бы соглашение ни было достигнуто, оно не снижает общего напряжения и оставляет участников с чувством неудовлетворенности. В связи с этим чрезвычайно важно по крайней мере уравнивать в значимости символическое возмещение и соглашение о материальной компенсации»⁵⁸.

⁵⁸ Рецинджер С.М., Шефф Т.Дж. Стратегия для общинных конференций: эмоции и социальные связи // Вестник восстановительной юстиции. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2002. Вып. 3. С. 72.

Четвертая фаза. Обсуждение будущего

Задача: поддержать проектирование будущего участников.

Вопросы для обсуждения

- Что будешь делать, если попадешь в похожую ситуацию?
- Что нужно сделать, чтобы подобное не повторилось?
- Какую профессию (специальность) хочешь получить и кто может поддержать тебя в этом?
- Чем будешь заниматься в свободное время, есть ли желание заниматься в каком-либо кружке, секции, клубе и кто может помочь этому осуществиться?

Пятая фаза. Заключение соглашения

Задача: зафиксировать достигнутые результаты и договоренности.

Возможные действия медиатора

- фиксировать решения и четкий план их реализации;
- обсудить, что делать, если план не будет выполнен;
- зафиксировать устное соглашение или письменный договор.

Комментарии к работе на пятой фазе

Заключение договора

Восстановление справедливости может принимать разные формы. Это может быть денежная компенсация и (или) оказание услуг жертве или сообществу. Бывают случаи, когда пострадавший не требует возмещения ущерба. Для медиатора очень важно обсудить на встрече, каким образом будет определена ответственность правонарушителя, если все затраты взяли на себя его родители. В некоторых ситуациях правонарушитель может компенсировать затраты

на адвоката своим родителям, например, тем, что сделает ремонт в квартире и т. п. Принесенные извинения могут также стать важной частью процесса заглаживания вреда. При подписании договора необходимо убедиться, что в нем отражено то, о чем договорились стороны.

Важно также зафиксировать, что будет происходить при невыполнении договора. Медиатор не может контролировать его выполнение. Но чем сложнее ситуация, тем вернее может возникнуть необходимость в участии специалиста по социальному сопровождению. В этом случае важно пригласить на встречу такого специалиста. Могут также обсуждаться дополнительные встречи с участием медиатора в случае выполнения договора. Такие встречи помогают подросткам и его родителям постепенно выстраивать позитивные отношения. В некоторых случаях невыполнение договора не всегда зависит от обидчика, и это может быть причиной дополнительных встреч для решения, что именно можно сделать в такой ситуации, и это также целесообразно прописать в договоре.

Если согласие не достигнуто, жертва и правонарушитель могут подписать протокол, в котором указано, что на данный момент соглашение невозможно и почему. Если сторонам удалось договориться, они подписывают договор. Мы называем его *примирительный договор* или *договор о заглаживании вреда*. Медиатор проверяет реальность его исполнения (например, выясняет у правонарушителя, где тот возьмет сумму, которую обязался выплатить, и не придется ли для этого совершить новое правонарушение). Медиатор уточняет также сумму ущерба, сроки выполнения зафиксированных условий, кто из близких будет оказывать обидчику поддержку в ходе выполнения договора. Примирительный договор необходим для предоставления дела в суд, ОВД или КДНиЗП, где он может служить основанием для прекращения дела или смягчения наказания правонару-

шителя. Подчеркнем: медиатор не может гарантировать, например, смягчения приговора суда или иного официального решения, поскольку окончательное решение остается за соответствующим органом.

Направляющей инстанции (суд, КДНиЗП, полиция, администрация школы) передаются только результаты договоренностей (примирительный договор), а также информация о готовящемся преступлении, если это вдруг обнаружится на встрече.

Если в ходе программы выясняется, что причиной правонарушения явились поведенческие характеристики человека, на встрече может быть составлена программа, нацеленная на их коррекцию. Например, если выяснилось, что причиной правонарушения было неумение человека контролировать агрессию или он слишком зависит от мнения случайных групп (например, во дворе), ему можно помочь связаться с соответствующими службами или специалистами (обычно это делает социальный работник), которые помогают выработать соответствующие навыки. При выявлении проблем, требующих помощи специалистов, и наличии желания обидчика изменить свое поведение в договор заносятся соответствующие пункты: о прохождении курсов лечения, психотерапии, тех или иных реабилитационных программ. Контроль за выполнением пунктов договора возлагается на членов семьи или социального работника.

Кроме того, помощь может понадобиться и жертве. В этом случае медиатор предоставляет информацию о соответствующих службах помощи жертвам преступлений, социальных и психологических центрах и т. д.

Шестая фаза. Рефлексия встречи**Вопросы для обсуждения**

- обсудить, удовлетворены ли участники встречей, осталось ли что-то недоговоренное;
- спросить, что важного для себя они узнали в результате встречи.

По возможности организовать чаепитие после встречи с рассказами ее участников о себе (кто что любит, чем занимается, в чем чувствует свою успешность).

Роль ведущего на встрече

Медиатор должен уметь концентрироваться на процессе и одновременно учитывать состояния всех участников (включая свое). Или, если выразаться более технологично, в ходе работы ведущему необходимо параллельно удерживать внимание на нескольких аспектах встречи, а именно: цель и сквозные задачи ведущего, состояние сторон (выражаемое, в том числе, невербально), высказывания сторон и переформулирование некорректных высказываний. Если произошло «зацикливание», важно вовремя перефокусировать внимание сторон на необходимость разрешения конфликта. Можно заметить, что в большинстве случаев, если индивидуальные встречи прошли успешно и люди понимают смысл происходящего, они сами начинают искать выход. Это может сопровождаться «восстановительными действиями», направленными на осознание обидчиком причиненной боли, выражением раскаяния и ответным прощением со стороны жертвы.

Следуя задачам и принципам восстановительной медиации, медиатор преобразует диалог таким образом, чтобы стороны начали конструктивно общаться между собой (это может быть достигнуто, например, когда медиатор просит участника обращаться непосредственно к другой стороне). Особенно важно, как мы указывали ранее, предотвратить спиральное возрастание стыда и гнева, когда все участники

предъявляют обвинения только обидчику⁵⁹. Если разговор сводится только к обвинениям, медиатор может прервать его, спросив у родителей обидчика, как мы указывали ранее, какие положительные стороны своего ребенка они видят.

Как только диалог продолжился в нужном русле, задача ведущего – отслеживать препятствия на пути коммуникации, при необходимости включаясь в разговор. Образно говоря, медиатор «убирает камни на пути потока воды, помогая ему протекать свободно». Эти камни представляют собой невысказанные переживания, предубеждения, отсутствие информации, стереотипы восприятия, выражение недоверия и т. д.

По завершении программы

- медиатор пишет отчет в соответствии с принятой формой;
- организует дополнительные встречи при поступлении сигнала о невыполнении договора.

Аналитическая беседа (может проходить через две-три недели)**Задачи**

- провести рефлекссию результатов медиации;
- выяснить, выполнено ли достигнутое соглашение;
- обсудить ценности восстановительного способа разрешения конфликтов и криминальных ситуаций.

Вопросы для обсуждения с подростком и его родителями

- Как развиваются ваши отношения и как выполняется договор?
- Что важного для себя вы поняли в результате встречи?

⁵⁹ См.: Рецинджер С.М., Шефф Т.Дж. Стратегия для общинных конференций: эмоции и социальные связи // Вестник восстановительной юстиции. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2002. Вып. 3.

- Рассказали ли про медиацию друзьям, знакомым, как они к этому отнеслись?
- Бывают ли у них ситуации, где нужен медиатор, посоветовали бы обратиться к медиаторам?

Круги сообществ. С 1998 года, когда началась практика проведения программ восстановительного правосудия в форме медиации жертвы и правонарушителя, мы сталкивались со случаями, где в конфликт было втянуто большое число людей, например, школьный класс или группа родителей и учителей. В отношении численности ситуация меняется. Здесь уже довольно сложно работать по привычным для нас схемам и управлять сильными эмоциями. Несмотря на отсутствие особых методических предписаний для таких случаев, постоянно шла поисковая работа в этом направлении. Например, весной 1998 года мы проводили работу в классе, в котором до этого классным руководителем была активист с 1997 по 2004 год в области восстановительного правосудия в России Анна Грасенкова. Примирительная встреча была посвящена разрешению ситуации, когда три мальчика в течение нескольких месяцев избивали четвертого. И здесь реализовался один из главных принципов восстановительного правосудия – принцип ответственности. Я как медиатор организовал разговор по кругу с вопросом, чувствуют ли свою ответственность ученики класса за постоянные драки. Предоставим слово авторам книги «Круги примирения: от преступления к сообществу»:

«Поскольку круги основываются на предположении, что все взаимосвязано, что мы живем во взаимозависимом мире, они открывают возможность коллективного подхода к ответственности. Этот подход не отрицает индивидуальную ответственность, однако уравнивает ее с ответственностью семьи, общины и общества. Опираясь на глубокую взаимосвязь, круги дают ответ на преступление,

который звучит следующим образом. Как семья или община, мы несем долю ответственности за происшедшее, поэтому мы обязаны содействовать исправлению ситуации и помочь человеку, причинившему вред, признать свою вину и взять на себя ответственность за содеянное. В некотором смысле мы все ответственны друг перед другом»⁶⁰.

В ходе проведения этой встречи, по моему мнению, удалось реализовать именно данный принцип. Ученики взяли ответственность за происходящее в классе и разработали план предотвращения драк.

Впоследствии мы продолжали искать форму и технологическую конструкцию для случаев, не уместяющихся в формат медиации жертвы и правонарушителя: когда в работе задействована семья, конфликтные и криминальные ситуации с большим числом участников (иногда до 50 человек). Были попытки разработки таких форм, которые мы назвали круги заботы и школьные конференции. Эти формы не получили своего развития. Мы в основном разрабатывали концепцию и технологию медиации жертвы и правонарушителя, которая впоследствии была преобразована в концепцию и технологию восстановительной медиации. Несмотря на это, до 2003 года велись поиски различных теоретических и технологических форм, которые, с одной стороны, позволяли бы работать с классом ситуаций, охватывающих значительное число людей, с другой – отвечали бы принципам и ценностям восстановительного правосудия. И ссылки на такого рода программы, как семейные конференции и круги правосудия, уже содержались в основополагающей для восстановительного правосудия работе Ховарда Зера⁶¹.

⁶⁰ *Пранис Кей, Стюарт Барри, Уедж Марк.* Круги примирения: от преступления к сообществу / Пер. с англ. Н.С. Силкиной; под ред. Р.Р. Максудова, Л.М. Карнозовой, Н.В. Путинцевой. М.: Р. Валент, 2009. С. 20.

⁶¹ *Зера Х.* Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание / Пер. с англ. / Общ. ред. Л. М. Карнозовой. Комментарий Л. М. Карнозовой и С. А. Пашина. М.: МОУ Центр «Судебно-правовая реформа», 2002. С. 131–134.

Продолжение образовательно-теоретических разработок в области кругов сообществ в России можно датировать моим участием в тренинге по кругам под руководством Марка Уеджа и его коллег летом 2002 года в Крыму, который был организован украинским центром «Согласие». Впоследствии я выступил на семинаре перед коллегами центра «Судебно-правовая реформа» с докладом о моем участии в данном тренинге. Хотя и после этого обсуждения практика кругов, к моему глубокому сожалению, не получила распространения в России, данный семинар дал возможность обозначить важные теоретические и ценностные основы кругов, а также вопросы для дальнейших разработок. Важным моментом осмысления идеи кругов было, как отметила в свое время Анна Грасенкова, то, что люди на кругах начинают чувствовать взаимосвязь между собой, что не каждый сам по себе достигает своих личных целей, а что они друг на друга влияют и помогают друг другу. На семинаре обсуждались идеи, важные для проведения кругов: осознанная опора на жизненные ценности в ходе проведения кругов, включение ресурса сообществ в работу с конфликтами и преступлениями, особое выстраивание процесса, отличного от медиации жертвы и правонарушителя.

В ходе семинара были выделены ценности, важные для нас как участников этой работы и, на мой взгляд, определяющие практику кругов:

- помощь, взаимная поддержка и сопричастность людей в круге;
- мирное сосуществование участников круга;
- свободное и лично окрашенное высказывание и обсуждение проблем в круге;
- укрепление позитивных связей в сообществе, которое участвует в кругах;

- развитие у членов сообщества способностей к работе с травматическими и болезненными ситуациями за счет участия в кругах;
- принятие участниками ответственности за происходящее на встрече в круге.

Данные ценности позволяют восстановить разрушенные или разрушающиеся связи в человеческом сообществе и преодолеть цивилизованным образом травматические и болезненные ситуации. Идея осознанной опоры на ценности – для проведения кругов нужно обладать не только знанием и навыками, но быть осознанным носителем ценностей, которые позволяют создать атмосферу для преобразующей силы круга. И эти ценности должны быть, во-первых, обсуждены командой, которая проводит круги, во-вторых, должны быть осознаны участниками круга как основание обсуждения проблем и принятия решений кругом. Не случайно, видимо, ведущие такого процесса называются хранителями, то есть теми, кто способствует актуализации и сохранению как ценностного измерения кругов, так и построенному на этой основе каждый раз конкретному и уникальному движению к новым отношениям и проектам будущих действий.

Дискуссия о ценностях началась тогда и продолжается в различных форматах в московском сообществе медиаторов и, видимо, в других сообществах, занимающихся продвижением и организацией практики восстановительного правосудия в России.

В связи с этим для меня важно отойти от представления ценностей как некоторых вещей, которые можно обсуждать в отрыве от человеческого действия. Вместе с тем, на мой взгляд, нельзя определять ценности только как элемент человеческого действия в отрыве от их осознания. Ценности служат опорой, индивидуальной границей для действия и в данном смысле это каждый раз функционально заданный предел, в который мы упираемся, осмысляя значение для

себя и других тех или иных действий и ситуаций. Ценности приобретаются внутри сообществ, прежде всего, в семье и ближайшем социальном окружении и реализуются в конкретном действии и поведенческом акте, а также имеют тенденцию к изменению. Мы можем не осознавать свои ценности и в разговоре заменять их социально приемлемыми терминами (семья, любовь, дружба, преданность и т. д.). Осознание ценностей происходит, когда мы понимаем, как действуем в семье, с любимым человеком, как дружим, то есть *как живем и действуем с точки зрения того, что именно нами движет*. В ходе прохождения человеческой личности через разного рода сложные жизненные ситуации и их осмысление с помощью психотерапии и дискуссий в рабочих коллективах мы в короткие промежутки времени понимаем, что именно нами реально движет и от чего можем или нужно отказаться. И здесь возникает вопрос: каким образом такие ценности актуализируются и передаются в кругах, если предполагать, что ценности являются индивидуализированной границей и чаще всего не осознаются?

Поскольку важной опорой для проведения кругов является участие сообщества, встал вопрос: что значит участие сообщества и как работать в условиях фактического распада сообществ и общностей людей в пространстве городской жизни.

Следующим важным этапом образовательно-теоретической работы в области кругов было участие представителей России в совместном польско-украинско-российском проекте 2007–2008 гг. «Разрешение конфликтов без насилия и повышение уровня знаний о восстановительном правосудии. Медиация в школе как метод построения гражданского общества среди подростков». Участие в нем дало возможность с помощью представителей украинского центра «Согласие» вновь активизировать идею и смысл проведения кругов в

России, а также издать о них книгу⁶². Дискуссии с украинскими коллегами позволили отделить встречу в круге как форму коммуникации (точнее, рассаживание участников и разговор по кругу) от круга как программы восстановительного правосудия⁶³. Книга «Круги примирения: от преступления к сообществу» дала возможность технологически выстроить процедуру проведения кругов. Я назвал такую процедуру круги сообществ, чтобы подчеркнуть роль сообществ в этом процессе.

Первый круг сообществ был проведен мною 1 декабря 2008 года по запросу директора школы совместно с Еленой Женодаровой в одной из московских школ, где обучались в основном грузинские дети. Далее были проведены серии кругов сообществ по запросам представителей системы образования. Проведенные круги касались групповых конфликтов между детьми, между учителями и между учителями и родителями.

Анализ первых кругов позволил выявить проблемы методики проведения кругов. Нам было довольно сложно реализовать идею важности проведения церемоний и ритуалов в круге. Например, первоначально была попытка использовать украинский опыт, когда круг сопровождается взятием участниками круга друг друга за руки и произнесением слова «мир». Такая практика вызвала неприятие многих участников кругов в России, хотя данная церемония, возможно, и может использоваться в работе с учениками школы, особенно в младших классах. Довольно сложно оказалось начинать круг с рассказов личных историй. Хотя в некоторых случаях удается начать встречу в круге с такого рассказа,

⁶² См.: *Пранис Кей, Стюарт Барри, Уедж Марк*. Круги примирения: от преступления к сообществу / Указ. соч., 2009. Мы благодарим украинский центр «Согласие» и Независимый экспертно-правовой совет за помощь в издании книги.

⁶³ Это было связано с тем, что мы в одной из украинских школ столкнулись с представлением, что тематические обсуждения по кругу, например о службе в армии, тоже являются кругами.

сам выбор темы личной истории и выхода к такому рассказу в формате круга, на мой взгляд, еще не отработан в методическом плане. В то же время рассказ личной истории может являться важнейшим инструментом актуализации ценностей в круге.

Также проблемой является подготовка участников к будущему кругу. Если такой подготовки нет или она слабая, проведение круга может привести к эскалации конфликта, ухудшить отношения между участниками и травмировать ведущих круга.

На сегодняшний день круги проводятся, в основном, по запросам представителей системы образования. В связи с этим требует осмысления тот факт, что по ситуациям преступлений сегодня круги не проводятся (во всяком случае, мне об этом неизвестно). Возможно, это происходит из-за того, что нами негласно принята установка, что в ситуациях преступлений используется такая программа, как медиация жертвы и правонарушителя, а в ситуациях групповых конфликтов – круги.

Важным этапом в осмыслении идеи и технологии кругов для меня является разработка концепции восстановительной медиации. Как мы указывали ранее, стандарты, разработанные в начале 2009 года членами Всероссийской ассоциации восстановительной медиации, позволили сформулировать основную цель медиатора в программах восстановительной медиации, а именно: поддержка формирования пространства взаимопонимания и восстановительных действий.

Для кругов цель, выделенная в стандартах, исключительно важна. Именно организация процесса взаимопонимания с помощью выслушивания того, что больше всего заботит людей, их интересов, проблем и переживаний при поддержке команды, состоящей из хранителя и волонтеров круга, и приводит к удивительным результатам, имеющим часто глубокий исцеляющий эффект. Предоставлю слово Маргарет Дж. Вейтли:

«Почему столь целительным оказывается то, что тебя выслушивают? У меня нет исчерпывающего ответа на этот вопрос, но я точно знаю, это связано с тем, что когда вас выслушивают, то у вас начинают образовываться связи... В наших жизненных сплетениях никто никогда не бывает один.

Нам свойственно стремиться быть вместе. Хотя мы и продолжаем отдаляться друг от друга, мы не утратили необходимости создания отношений. У каждого своя история, и все хотят рассказать свою историю, чтобы установить отношения с другими. Если никто не слушает, то мы рассказываем ее только себе, и тогда мы сходим с ума...

Выслушивание сближает нас, оно помогает нам обрести целостность, здоровье, духовность. И напротив, отказ в выслушивании приводит к разобщению, а разобщение часто приводит к страданиям... Невозможно создать здоровую культуру, если мы отказываемся встречаться и если мы отказываемся слушать. Но если мы встречаемся и если мы слушаем, то мы вновь возвращаем целостность миру»⁶⁴.

Но при этом требуется ответить на вопрос: как должен происходить процесс круга, будучи типом программы восстановительного правосудия, как он связан с идеей и принципами восстановительного правосудия, в чем его особенности и роль ведущих круг (хранителя и волонтеров).

Особенностью процесса восстановительного разрешения конфликтов и криминальных ситуаций является то, что он включает четыре элемента:

- столкновение людей в форме конфликта или криминальной ситуации;

⁶⁴ Wheatley Margaret J. "Good Listening," IONS Noetic Sciences Review: Exploring the Frontiers of Consciousness, № 60 (June-August 2002): 14–16, Adapted from Margaret J. Wheatley, Turning to One Another: Simple Conversations to restore Hope to the Future (Los Angeles: Berrett-Koehler Publishers, 2002). Цит. по: *Пранис Кей, Стюарт Барри, Уэдж Марк*. Круги примирения: от преступления к сообществу // Указ. соч. С. 96.

- перевод столкновения в обсуждение участниками конфликтной или криминальной ситуации и ее последствий;
- определение оснований прошлых и будущих действий участников (проблем, интересов, потребностей, ценностей, целей) и содействие изменению данных оснований в направлении общественно значимых ценностей;
- содействие достижению соглашения о выходе из ситуации.

Управление данным процессом базируется на следующих принципах:

- в случае криминальной ситуации важно опираться на интересы жертв преступлений;
- в случае криминальной ситуации необходимо содействовать изменению поведения правонарушителя с целью профилактики будущих преступлений;
- важно содействовать восстановительным действиям участников (взаимопониманию, извинению, прощению и заглаживанию вреда);
- ведущий данного процесса (медиатор, хранитель, волонтер) поддерживает в равной степени все стороны в движении к восстановительным действиям. В связи с этим, обычно в литературе, посвященной медиации, говорится о нейтральности медиатора;
- принятие решений в восстановительных программах опирается на самоопределение сторон, которые сами вырабатывают и исполняют принятое решение. В некоторых сложных и травматических случаях для этого требуется поддержка других участников или специалистов гуманитарного профиля (социальных работников и психологов).

В рамках этих принципов могут ставиться цели и задачи медиаторов.

Как же, опираясь на данные положения, организовать программу восстановительного правосудия в случае групповых конфликтов или криминальных ситуаций? Именно процесс налаживания взаимопонимания является центральным для такого рода программ. И здесь, в первом приближении, мы можем сказать, что именно должно пониматься и что требует в этом плане, с одной стороны, особых навыков и понятий, с другой – особой организации процедуры. На мой взгляд, актуализироваться и пониматься в кругах сообществ должно личностное начало участников, которое проявляется в рассказывании личных историй, их выслушивании и отклике, когда участники делятся своими сокровенными переживаниями и болью, задают смысл человеческой связи в кругах и начинается поиск конструктивного выхода из конфликта или криминальной ситуации. Личностное начало – это такое проживание человеком ситуации, которое выводит его на ценности, созвучные ценностям хранителя и волонтеров.

Каким образом это происходит в кругах? Прежде всего, для их проведения обязательно наличие команды: хранителя и волонтеров. Совместная поддержка хранителем и волонтерами процессов, осуществляющихся в круге, позволяет ему состояться. Если в медиации может работать один медиатор, то в круге на одного ведущего выпадает большая нагрузка, с которой он может не справиться. Управлять взаимодействием участников, переживающих сильные эмоции в связи с конфликтной или криминальной ситуацией, в круге можно, опираясь на осознанные участниками ценности команды хранителя и волонтеров. Обычно эти ценности актуализируются с помощью пробуждения личностного начала в личных историях. Перейдем к порядку работы хранителя и волонтеров⁶⁵.

⁶⁵ Данный порядок составлен на основе этапов кругов, разработанных авторами книги «Круги примирения», см.: *Пранис Кей, Стюарт Барри, Ведж Марк*. Круги примирения: от преступления к сообществу // Указ. соч. С. 124–142.

Этапы	Формы проведения
Предварительная работа: формирование команды хранителя и волонтеров	Обсуждение хранителя и волонтеров

Комментарий к этапу предварительной работы. На этом этапе формируется команда хранителя и волонтеров. Обычно это бывают сотрудники одного учреждения или люди, несколько лет работающие вместе или хорошо знающие друг друга. Здесь важно определить ценностные основания проведения круга, виды ситуаций и источники направления случаев, с которыми будет работать команда.

Этапы	Формы проведения
Первый этап: определение пригодности ситуации для проведения круга	Обсуждение хранителя и волонтеров

Комментарий к первому этапу. Обычно на этом этапе определяется пригодность ситуации для проведения круга. В нашей практике ситуация формулировалась как групповой конфликт или как проблема дисциплины в классе. Активно используется формат кругов для разрешения ситуации «изгоев» в классе. Часто за одной ситуацией скрывается несколько. За проблемой дисциплины в классе могут стоять проблемы отсутствия поддержки и помощи в учительском коллективе, а также разобщенность родителей. Соответственно может потребоваться серия поддерживающих друг друга кругов. При обсуждении ситуации хранителем и волонтерами важно уделить внимание всем контекстам этой ситуации и возможным участникам. Необходимо также обсудить, каким образом и кто будет проводить предваритель-

ные встречи с возможными участниками кругов, будут ли они проходить непосредственно перед самыми кругами или за несколько дней до них и в каком формате.

Этапы	Формы проведения
Второй этап: подготовка участников к встрече в круге	Встречи с возможными участниками круга Круг группы поддержки

Комментарий ко второму этапу. Без этапа предварительных встреч проведение кругов невозможно. Такие встречи могут быть проведены за несколько дней или непосредственно перед самой встречей в круге. В случае криминальных или травматических ситуаций можно проводить отдельные круги, например, в целях исцеления жертв преступлений или урегулирования отношений в семье правонарушителя. Нередко педагоги воспринимают круг как чудодейственное средство изменения детей. Они «сгоняют» детей на встречу в круге, а сами при этом порой пытаются избежать участия в нем. Особенно неприемлемо неучастие классного руководителя в такой встрече. Здесь команде хранителя и волонтеров важно принять решение о целесообразности проведения встречи в круге. Если принято решение о его проведении, необходимо определить проблему и тему, провести предварительные встречи с конфликтующими группами и с ключевыми участниками. На такой встрече можно использовать порядок работы медиатора в программах восстановительной медиации и в конце предварительной встречи подготовить людей к проведению круга. Для меня самым сложным было при проведении кругов с детьми реализовать принцип добровольности. Я всегда спрашивал, хотят ли школьники участвовать в круге. Порой

некоторые специалисты не спрашивают детей, предполагая, что главное – это втянуть участников в круг, а дальше сам процесс позволит осуществиться позитивным процессам в классе. Для меня такой подход неприемлем. Если принципы добровольности и ответственности являются не просто декларируемыми терминами, а нашей ценностью, необходимо начать реализовывать их уже на предварительных встречах.

В моей практике была ситуация, когда в одной школе на круг остались несколько человек, и мы фактически проводили беседу о сложившейся ситуации. Мы провели вторую встречу, и к нам присоединились новые участники. В конечном счете, круг не состоялся, но проблема в классе была решена именно участниками этих бесед.

В ходе подготовки к проведению круга:

- хранитель и волонтеры помогают определить состав его участников;
- объясняют участникам, как действует круг;
- определяют основные проблемы, заботы и потребности участников;
- обсуждают с участниками правила и опрашивают, какие из них создадут безопасность в круге;
- объясняют роль хранителей;
- начинают строить отношения с участниками;
- определяют необходимость проведения предварительных кругов исцеления или поддержки;
- помогают правонарушителям и жертвам определить степень их участия в круге»⁶⁶.

⁶⁶ Кей Пранис, Барри Стюарт, Марк Уедж. Указ соч. С. 87–88.

Этапы	Формы проведения
Этап 3: встреча всех участников в Круге	Круг по налаживанию взаимопонимания Круг по заглаживанию вреда Круг примирения
1. Создание основ для диалога	Приветствие, объяснение цели круга раунд знакомства достижение договоренности по правилам круга (хранитель, волонтеры и/или участники) раунд личных историй благодарность присутствующим за рассказы
2. Обсуждение ситуации, проблем, потребностей и интересов	Рассказы о переживаниях, чувствах, проблемах определение проблем, интересов, намерений, надежд поддержка позитивных высказываний и предложений (хранитель и волонтеры) подведение итогов
3. Рассмотрение возможных вариантов решения ситуации и проблем, выявленных в ходе встречи	Обсуждение возможных решений (раунды) создание условий для достижения консенсуса (хранитель и волонтеры)

Этапы	Формы проведения
4. Достижение соглашения	В круге определяются: пункты соглашения или общей точки зрения (раунды) следующие шаги (хранитель, волонтеры участники)
5. Закрытие	Подведение итогов: соглашение/ следующие шаги (хранители) завершающий обмен мыслями о встрече в круге (раунд)

Комментарий к третьему этапу

Встреча участников может делиться на фазы и по своим результатам напоминает процесс медиации. В то же время такое деление на фазы довольно условно. Оно лишь задает ориентиры и предполагает те или иные раунды в зависимости от целей круга. Некоторые фазы могут опускаться, например, круг взаимопонимания может не предполагать достижение соглашения. Для меня проведение встречи в круге напоминает пульсацию сердца, а иногда даже его кратковременную остановку в случае разрыва круга.

Одна из важнейших задач встречи в круге, как и в медиации, состоит в том, чтобы люди перестали тыкать друг другу, то есть переходили от ты-сообщения к я-сообщениям. Начало этого процесса может быть положено рассказыванием личных историй. И здесь хранитель и волонтеры задают пример. Им нужно начать с себя – поделиться личной историей, связанной с темой круга. И выбор темы личной истории – это творческий акт команды хранитель-волонтеры. Кроме личных историй, рамки для встречи задаются с помощью символа круга (символ слова) и правил. Символ круга и пра-

вила несут определенные ценности и могут сопровождаться их проговариванием в ходе обсуждения символа и правил.

«Поскольку основная идея символа слова проста – говорить можно, только когда он у тебя в руках, – его влияние на диалог круга многогранно и глубоко. Символ слова дает начало диалогу и способствует участию всех. Символ слова дает возможность поделиться тем, что у человека на душе и на уме. Он важен для тех, кто смущается, отмалчивается или не решается высказаться в группе. И напротив, символ слова дает возможность выслушать информацию и обдумать ее тем, кто привык утверждать свое мнение. Символ слова открывает путь к диалогу не только внешне, в круге, но и внутренне, давая каждому участнику возможность для раздумий. Он способствует и внимательному слушанию – ключевой черте кругов. По мере того как символ слова передают по кругу, люди искренне слушают, что также способствует их объединению и исцелению»⁶⁷.

Пульсация возникает тогда, когда люди начинают эмоционально включаться в процесс круга и может происходить распад круга или, точнее, распад атмосферы говорения-слушания. Один говорит одно, другой – другое, один реагирует на слова другого, тот симметрично отвечает и возникает опасность эскалации. Люди могут выражать гнев, злость, агрессию. По форме такое выражение может быть неоскорбительно, то есть человек может и не оскорблять, но он может так высказаться, что другой будет думать: «Так, сейчас я ему отвечу, такому-сякому. Он у меня сейчас попляшет». В этом случае задача хранителя и волонтеров – восстановить круг, то есть пространство говорения-слушания, и опять ввести людей в круг. Волонтер может трансформировать речь предыдущего человека, используя техники отражения и работы с сильными эмоциями, чтобы не дать состояться

⁶⁷ Там же. С. 94.

эскалации. Это может происходить также за счет того, что хранитель и волонтеры поддерживают позитивные высказывания в кругу и перефразируют слова участников таким образом, чтобы восстановить ценности круга. И здесь хранитель и волонтеры регулируют вместе с движением символа круга движение переживаний. Вот, например, что-то сказал первый человек, держащий в руке символ круга, когда доходит до волонтера, он может отнестись к этому, и пока до третьего дойдет, волонтер нейтрализует сказанное первым, и третий не будет так сильно возмущаться по поводу сказанного первым. Но может быть и другая ситуация: если у подростка важные переживания, с точки зрения круга, то пока до него дойдет очередь, момент, актуализирующий его переживания, может уйти. В этом случае хранитель может попросить его высказаться.

Если один человек в группе постоянно перебивает и провоцирует других, хранитель, чтобы сохранить нейтральность и не начать «воспитывать» нарушителя, может остановить круг и обратиться ко всем людям с вопросом, устраивает ли их такая ситуация. Дальше эту ситуацию можно обсуждать совместно или с «нарушителем правил круга» провести отдельную встречу.

В то же время уровень эмоций между двумя конфликтующими на встрече в кругу людьми может так возрасти, что дальнейшее его проведение станет невозможным. В этом случае можно сделать перерыв или провести медиацию. У меня в опыте была ситуация, когда я прямо на встрече в кругу проводил медиацию между двумя участниками.

Может быть и другой эффект: лидер что-то сказал, и все его начали поддерживать – и уже не будут говорить то, что хотели. Поэтому если хранитель почувствовал недостаток в высказываниях, он еще раз запускает символ круга и следит, чтобы все было услышано, чтобы переживания, эмоции приобрели конструктивный характер, чтобы актуализировались

переживания, при этом важно, чтобы они несли отпечаток ценностей круга и за счет этого удерживалась атмосфера на встрече. А если происходит распад, хранитель и волонтеры восстанавливают круг, опираясь на ценности и обсуждая их.

«Диалоги в кругах могут быть напряженными и эмоционально опустошающими, и для каждого раунда требуется время. Хранителям необходимо почувствовать, когда необходимо изменить ход диалога.

Например, если участник, получивший символ слова, говорит слишком долго, другие начинают чувствовать себя неудобно. Естественно, если эта продолжительная речь полна глубоких, личных переживаний от всего сердца, то ее нельзя прерывать. Однако в других случаях хранитель может почувствовать необходимость вмешательства в диалог. Участники круга могут увлечься разговором и с благодарностью отнесутся к напоминанию о правиле, которое касается регламента. Иногда в кругах используют два символа слова: один – для участников, другой – для хранителя. Хранитель поднимает свой символ слова и таким образом показывает, что пора передавать символ слова следующему. Некоторые круги устанавливают особые правила о том, что хранитель может даже прекратить выступление долго говорящего участника. Самый лучший способ предотвратить ненужные долгие выступления – объяснить необходимость сохранения временных рамок.

Если хранитель решает объявить перерыв, чтобы прервать слишком длинную речь, он спрашивает выступающего, хочет он сейчас завершить свою мысль или после перерыва. Во время перерыва хранитель может напомнить участнику о времени, которое необходимо предоставить и другим для выступления. Решению этой проблемы может помочь и установление перерывов через каждый час или полтора. После перерыва хранитель снова задает положительный тон, напоминая кругу о временных рамках и о по-

требности каждого высказаться. Участники могут сами регламентировать выступления, чтобы у каждого была возможность высказаться до завершения круга»⁶⁸.

Этапы	Формы проведения
Четвертый этап: поддержка выполнения соглашения	Круг обсуждения результатов хранителя и волонтеров Круг группы поддержки

Комментарий к четвертому этапу

«Успешное проведение встречи круга ни в коем случае не завершает процесс, а дает каждому участнику новое начало – новые основы для работы над решением проблем. Главная задача всех участников круга на четвертом этапе – претворить свои обещания, закрепленные в соглашении, в жизнь. Очень важно следить за этим процессом, иначе все надежды и планы так и не станут реальностью, и все останется, как было. Кроме этого, люди потеряют веру в процесс круга, в составленное соглашение и друг в друга. Всем нужно знать, что все, произошедшее в круге, – не простые разговоры...

Правонарушители, группы поддержки и специалисты чувствуют большую мотивацию, если знают о том, что круг контроля будет оценивать, что они сделали или не сделали для выполнения своих обязательств перед кругом. Однако не контроль сам по себе делает эту меру столь эффективной. Постоянные круги контроля создают обязательства иного качества. Ответственность перед собой и всей общиной представляет больший стимул для выполнения обязательств, чем простые доклады официальному со-

труднику службы probation или занятому судье. Для большинства правонарушителей и других участников круга на карту поставлена их репутация в глазах не посторонних людей, а тех, кого они знали всю свою жизнь. Они приняли обязательства перед этими людьми, которые лично помогали или будут помогать им на пути перемен»⁶⁹.

⁶⁸ Там же. С. 90–91.

⁶⁹ Там же. С. 188–190.

4. Соки

Формирование на территориях очагов восстановительных практик обусловлено, в большинстве случаев, активной позицией представителей общественных организаций и чиновников, которые понимают важность коммуникации и ценности гражданского общества. Многие специалисты, поддерживающие восстановительные практики, работают в учреждениях социальной сферы. В то же время проблемой развития восстановительного правосудия в России является, на наш взгляд, вертикальная организация учреждений социальной сферы. В отличие от США и многих стран Европы, где социальные услуги населению в основном оказываются негосударственными организациями, в России существует прямое подчинение муниципальных организаций вышестоящим чиновникам.

В этих условиях управление той или иной практикой приобретает нередко политический характер, то есть допускается только такой анализ, который в выгодном для карьерного роста чиновников свете показывает картину той или иной инновации, поэтому зачастую чиновники активно препятствуют получению реальной картины практики. Социальная сфера перегружена огромной и часто избыточной отчетностью, постоянными проверками, большим количеством контролирующих инстанций, труд социальных работников является низкооплачиваемым.

Существование административной вертикали тормозит проведение исследований управленческой деятельности. Реальная картина практики, основанная на качественных методах исследований, подменяется отчетными цифрами.

Поэтому процесс формирования институциональных механизмов восстановительного правосудия наталкивается на ситуацию, когда для чиновников важнейшим результатом практики восстановительного правосудия является отчетность по количеству служб примирения, совершенных преступлений, примирительных встреч. Здесь с самого начала работы закладываются плановые, как при социализме, цифры, которые должны быть достигнуты к концу отчетного периода, тем самым приветствуется «правильная» отчетность.

Административная вертикаль ведет к отсутствию межведомственного взаимодействия в работе с детьми и семьями, находящимися в трудной жизненной ситуации. В работе с конкретными случаями часто отсутствует кооперация специалистов, целевые программы на уровне региона замкнуты на конкретное ведомство, те или иные проекты государственных и муниципальных организаций не учитывают необходимость совместной деятельности и важную роль в этой работе некоммерческих организаций.

Устройство социальной сферы приводит к существованию параллельных действительностей, в которых пребывают специалисты-практики (с ценностями восстановительного правосудия и профессионального осуществления деятельности) и управленцы верхних эшелонов (с ценностями количественных показателей в отчетности). А управленцы среднего звена (руководители учреждений), которые знают работу специалиста и должны выполнять спущенные сверху требования отчетности, оказываются в разрывной ситуации, поскольку отчетные показатели и стилистика управления не соответствуют особенностям работы и направленности деятельности специалистов-практиков.

В соответствии с вышесказанным, напрашивается вопрос: каким образом формируются и удерживаются профессионализм и ценности в работе по проведению программ восстановительного правосудия? Постановка глубоких во-

просов, ориентированных на удержание восстановительного подхода в работе специалистов и их развитие, сегодня невозможна в недрах административных структур. Такая постановка, на наш взгляд, возможна внутри сообществ, ориентированных на удержание принципов деятельности как ценностей индивидуальной работы и установки на развитие собственной оригинальной и учитывающей российскую ситуацию практики.

Специалисты центра «Судебно-правовая реформа» придерживаются такой идеологии создания пилотных площадок по восстановительному правосудию, которая, прежде всего, инициировала бы деятельность сообществ по созданию российских моделей на материале освоения российского и иностранного опыта. В течение 15 лет данный опыт был основанием для создания специалистами общественного центра «Судебно-правовая реформа» (далее – Центр) российских методик восстановительного правосудия.

Таким образом, важнейшим стратегическим ориентиром развития Центра является деятельность по поддержке формирования сообществ специалистов, реализующих восстановительный подход к правонарушениям и конфликтам с участием несовершеннолетних (в том числе, в работе с детьми и семьями в трудной жизненной ситуации).

В перспективе региональные ассоциации медиаторов смогут влиять на проводимую социальную и уголовную политику в регионах и способствовать развитию практик работы с людьми, находящимися в трудной жизненной ситуации в России. В таких ассоциациях встречаются представители различных ведомств и некоммерческих организаций для обсуждения вопросов восстановительного правосудия, что служит основой для подлинного межведомственного взаимодействия. Создаваемые ассоциации медиаторов, несущие ценность переговорного процесса и взаимопонимания (в разных ситуациях – от семейных и криминальных до

политических и общественных) могут стать средой, способствующей диалогу в обществе.

Но для их становления и поддержки необходимы междисциплинарные исследования и разработки на стыке политологии, права, культурологии, социологии и психологии. Поддержка исследований и разработок, обеспечивающих практико-методическую и управленческую деятельность региональных сообществ, составляет важный стратегический ориентир деятельности Центра⁷⁰.

Таким образом работа Центра направлена на поддержку команд, ориентированных на инновации и развитие собственной деятельности (схема 8).

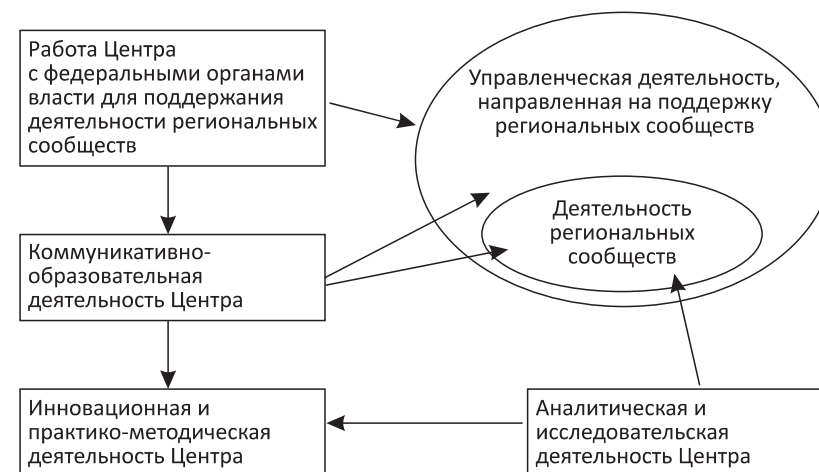

Схема 8. Стратегия деятельности Центра

⁷⁰ Большую работу в направлении поддержки и развития социально ориентированных некоммерческих организаций проводит Министерство экономического развития Российской Федерации.

17 марта 2009 года на заседании представителей регионов при участии Центра была создана Всероссийская ассоциация восстановительной медиации и принят ее устав. Ассоциация создана без образования юридического лица как структура гражданского общества, в которую могут войти не только организации, но и частные лица. Ассоциация представляет собой сообщество медиаторов, кураторов служб примирения и всех, кто развивает в России восстановительную медиацию. Ассоциацией приняты стандарты восстановительной медиации, рекомендованные для применения на территории России при проведении медиации в системе образования, уголовной юстиции, спорта и молодежной политики, социальной защиты и пр.

В 2009–2012 годы при поддержке Центра в Москве, Тюмени, Волгограде, Новосибирске, Перми, Кирове, Красноярске, Казани, Самаре, Липецке, Череповце и Чебоксарах созданы региональные ассоциации медиаторов, которые работают с ситуациями преступлений и уголовно наказуемых деяний несовершеннолетних, а также поддерживают создание школьных служб примирения.

Ежегодно в Москве проводятся всероссийские научно-практические конференции по обмену опытом в области практик восстановительного правосудия. В частности, в 2011 году участники конференции обсудили опыт работы территориальных служб на базе социально-психологических центров, школьных служб примирения, деятельность ассоциаций медиаторов в различных регионах Российской Федерации, вопросы мониторинга и исследований в области восстановительных практик.

Опираясь на стандарты восстановительной медиации и опыт существующих служб примирения, участники конференции выделили в качестве важнейших следующие направления деятельности Всероссийской ассоциации восстановительной медиации.

1. Развитие практик восстановительного правосудия и повышение квалификации специалистов

Для реализации данного направления можно поставить следующие задачи:

- разработка и развитие российских концепций восстановительной медиации, кругов сообществ и семейных конференций. Сегодня создана и может быть представлена мировому сообществу концепция восстановительной медиации;
- анализ препятствий социокультурного плана в развитии восстановительных практик. Это, прежде всего, «культура» репрессивности, закрепившаяся в моделях повседневного поведения населения и представителей силовых ведомств (судов, прокуратуры и полиции)⁷¹;
- изучение и использование элементов традиционных практик примирения. Можно утверждать, что в России живы традиции примирения, опирающиеся на многовековые обычаи примирения различных народов, населяющих страну. Начиная с 2010 года центр «Судебно-правовая реформа» совместно с Институтом государства и права РАН организуют ежегодные семинары по изучению традиций примирения в России. Такие семинары являются важным элементом повышения квалификации активистов в области восстановительных практик в России и способствуют межведомственному и междисциплинарному диалогу;
- изучение и поддержка разработок в области философии и теории права, направленные на новое понимание правосудия как института, обеспечивающего, в первую очередь, нормализацию и развитие человеческих отношений, а не укрепление ведомственных корпораций юристов;

⁷¹ На наш взгляд, данная «культура» и есть основное препятствие в распространении практики восстановительного правосудия в России.

- в условиях практического отсутствия специализированных центров по работе с потерпевшими необходимо углублять теоретические представления и развивать методический инструментарий медиаторов в работе с пострадавшими (потерпевшими) от уголовно наказуемых деяний. Важно также содействовать созданию центров по работе с пострадавшими (потерпевшими) от уголовно наказуемых деяний;
- анализ практики школьной медиации в мире в рамках обустройства нерепрессивного способа разрешения конфликтных и криминальных ситуаций в образовательном учреждении;
- разработка и реализация моделей создания и поддержки школьных служб примирения и восстановительной работы в российских образовательных учреждениях;
- практика примирения, на наш взгляд, помогает переопределить цели воспитания. Взаимоувязыванию воспитательного процесса и школьных служб примирения могла бы помочь разработка понятия «восстановительная культура школы»;
- разработка способа связи восстановительного и нарративного подходов;
- анализ схем взаимодействия программ восстановительного правосудия и социального сопровождения несовершеннолетних, находящихся в трудной жизненной ситуации;
- разработка недиагностического способа понимания ситуации в рамках восстановительного подхода и, соответственно, понятия «анализ ситуации в восстановительных практиках»;
- разработка модели взаимосвязи трех типов программ восстановительного правосудия: медиации, кругов сообществ и семейных конференций;

- поддержка деятельности региональных ассоциаций восстановительной медиации;
- целесообразно создать рабочую группу из членов ассоциации по развитию стандартов восстановительной медиации, в частности, разработки раздела о принципах, методах создания и поддержки служб примирения.

2. Разработка методов мониторинга, оценки и исследований восстановительных практик с привлечением политически и административно независимых субъектов такой деятельности

Задачи данного направления могут быть следующими:

- совершенствование системы показателей и формы для мониторинга восстановительных программ, в том числе организация и проведение мониторинга повторных правонарушений участников восстановительных программ;
- упорядочение системы сбора и обработки данных;
- в целях развития исследовательского сопровождения восстановительных практик необходимо разработать понятийный аппарат для описания и анализа проведенных программ;
- разработка методов качественного анализа программ;
- конструирование методик, позволяющих включать исследовательские процедуры в структуру восстановительных программ;
- анализ практики проведения программ на предмет соответствия ее декларируемым ценностям и принципам восстановительного правосудия;
- в рамках анализа эффектов, результатов и препятствий проведения программ восстановительного правосудия целесообразно привлечение психологов-исследовате-

лей для проведения исследований по темам вины, возрастных особенностей и механизмов ответственности, феноменов и факторов исцеления, взаимопонимания и т. п.

5. Семена

Школа и проблема преодоления криминализации подрастающего поколения⁷²

Во многих школах приняты правила и способы реагирования учителей на конфликты, которые не помогают освоению навыков цивилизованного общения, понимания, обустройства отношений, культурных форм приобретения авторитета, необходимых подросткам для будущей жизни. Этому способствуют и испытываемые учителями перегрузки, недоступность для многих из них квалифицированной психологической помощи, и административная «зарегулированность» школьной жизни (непрерывный поток спускаемых сверху циркуляров, проверок, распоряжений, отчётных документов и т. д.).

Способы разрешения конфликтов, которые практикуются учителями, чаще всего сводятся к административным мерам, манипуляции и клеймению, что в определённой мере затрудняет освоение школьниками цивилизованных подходов и методов урегулирования конфликтных ситуаций.

В ходе многих десятков семинаров и тренингов, которые специалисты общественного центра «Судебно-правовая реформа» проводили в школах с 2000 по 2011 год, учителям предлагалось продемонстрировать, как они разрешают конфликты

⁷² В данном разделе использованы материалы неопубликованной рукописи: *Рустем Максудов, Антон Коновалов*. Школьная служба примирения – форма восстановления со стороны взрослых управления детскими конфликтами. Архив общественного центра «Судебно-правовая реформа». Автор благодарит Нодари Хананашвили и Ирину Маловичко за ценные замечания и предложения, высказанные в ходе подготовки этого раздела к печати.

и криминальные ситуации между учениками. Наблюдения за поведением учителей на данных мероприятиях показали: педагоги чаще всего используют такие способы, как морализаторство, клеймение, формальное разрешение и угроза наказанием. Формальное разрешение конфликтов («оба виноваты – и поэтому нужно мириться») практикуется в младшем школьном возрасте и, действительно, иногда срабатывает.

Но с возрастом ситуации детей становятся все более разнообразными, возрастает количество случаев, не поддающихся стандартным формам реагирования. И в этот период дети чаще всего не получают поддержки средств, обеспечивающих цивилизованный выход из создавшейся ситуации⁷³. Морализаторство разрушает коммуникацию и вызывает отторжение даже тех норм, которые подросток в иной ситуации признал бы справедливыми. Угроза наказанием: отчисление из школы, перевод в спецшколу, вызов родителей к директору вплоть до обращения в полицию и КДНиЗП – также широко используется педагогами. Клеймение применяется в случае, когда дело уже приняло серьезный оборот и о нем стало известно родителям и полиции или когда ребенок постоянно срывает уроки, бьет одноклассников. Часто в данной ситуации от подростка пытаются избавиться путем перевода на домашнее обучение или в другую школу, а то и в специальное учебное заведение открытого или закрытого типа.

Ситуация осложняется и социальным расслоением школьников. Дети, чьи родители не столь благополучны в материальном и социальном плане, отягощенные семейной

⁷³ «Не меньшие затруднения возникают и в системе воспитания. При современной организации трудового процесса и всей социальной жизни человеку приходится устанавливать с другими людьми очень сложные отношения, включающие производственные, личные, эмоционально-волевые и другие компоненты, которые необходимо достаточно тонко дифференцировать и строить, иногда поотдельности, а иногда в сочетании друг с другом. Все это предполагает значительно более широкий набор культурных (эстетических, общественных, этических и эмоциональных) средств, чем тот, который может дать современная система воспитания». (Г.П. Щедровицкий. Система педагогических исследований (Методологический анализ // Педагогика и логика. М.: «Касталь», 1993. С. 20–21).

ситуацией, не всегда могут приобрести значимое место в школьной жизни за счет овладения школьными предметами. Материально необеспеченные дети для поддержания статуса пытаются различными способами получить те или иные вещи. Часть из них приобретают статус «отверженных», а часть становятся школьными «авторитетами», которые испытывают тяготение к криминальной субкультуре и нередко занимаются вымогательством. Но и успевающие дети фактически попадают под влияние такой подростковой субкультуры, поскольку и их возможности самоутвердиться в школе, особенно в подростковом возрасте, ограничены.

В этой ситуации происходит не регулируемое взрослыми расслоение детей и примитивизация отношений. Это выражается в том, что сплетни, манипуляции, насилие и угрозы насилия (выяснение, кто сильнее), с кем и против кого дружить, клеймение изгоев и прочее определяют направление социализации. И причина этого заключается не только в большом числе учащихся в школе и влиянии СМИ и интернета, но и в том, что по мере взросления школьников большинство педагогов все меньше и меньше влияют на жизнь детей в школе и вне образовательного учреждения. Это связано с тем, что современная средняя школа находится в перманентном и затяжном кризисе. Недавно прокатившаяся волна возмущения родителей, связанная с попыткой сократить количество преподаваемых в школе предметов на основе принятия федерального государственного образовательного стандарта для старших классов, – свидетельство этому. Гораздо незаметнее другие, не менее, а может быть, и более деструктивные процессы для современной школы: например, разрушение трансляции методик преподавания от старших педагогов начинающим. На наш взгляд, это приводит к атомизации педагогических сообществ, к еще большей зависимости школьных коллективов от вышестоящих инстанций и разрушению самостоятельности школ.

Описанные процессы вступают в парадоксальное противоречие с государственным нормотворчеством, которое ориентировано на процесс повышения ответственности и самостоятельности учреждений образования⁷⁴.

Поддержка создания и работы творчески работающих педагогических команд, социокультурный, социологический, психологический анализ процессов, происходящих в сфере образования и молодежной среде, и выдвижение на этой основе проектов и программ нового поколения, учитывающих методологические разработки, не являются, на наш взгляд, осознаваемыми задачами органов системы образования. Соответственно, такая тенденция приводит к еще большему снижению авторитета учителей и учительской профессии, недоверию к позиции и мнению педагогов. Сериал «Школа» не стал отправной точкой исследований в области образования. Как обычно, вмешались сильные мира сего, заклеили отход от «правильной линии партии» и «дело» было закрыто. Лишь СМИ иногда бьют тревогу по этому поводу:

«Детский рэкет» шагает по стране
(<http://izvestia.com/news/263480>)

Практически каждый российский подросток хоть раз в жизни сталкивался с вымогательством. Например, «в Иркутске год назад два мальчика 12 и 13 лет требовали от сверстника 13 тысяч рублей и 100 долларов. Родители жертвы обратились в милицию. Провинившихся задержали и отправили в центр временной изоляции подростков, где по решению суда они провели десять суток», – сообщила корреспонденту «Известий» **Татьяне Барановой** начальник подразделения по делам несовершеннолетних Марина Иванова. Как утверждают директора иркутских школ,

⁷⁴ Имеются в виду Федеральный закон от 08.05.2010 N 83-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений», а также современный акцент на расширение сферы участия граждан (прежде всего, родителей) в модели государственно-общественного управления образовательными учреждениями.

случаи, когда ученики отбирают друг у друга деньги, возникают постоянно. «Бывает, что ребята, насмотревшись заграничных фильмов, “ставят на счетчик” своих одноклассников», – рассказала «Известиям» завуч школы № 23 Иркутска Людмила Шаштина. – «Мы приглашаем “террористов” на педсовет и только. Иногда обращаемся в милицию».

«Наши ребята рэкета не боятся, потому что чувствуют силу коллектива», – заявила «Известиям» Лариса Крапивина – лидер подросткового отряда «Каравелла», созданного в Екатеринбурге более 40 лет назад писателем Владиславом Крапивиним. Основатель «Каравеллы» еще в советское время на страницах своих книг поднимал тему вымогательства среди детей и подростков. В городском УВД Екатеринбурга корреспонденту «Известий» **Сергею Авдееву** сообщили, что проблема актуальна и сейчас. Информация о «школьном рэжете» в сводках встречается часто. Ответственность за такие правонарушения наступает с 14 лет, поэтому получается, что дети до 8-го класса не «грешат», а случаи вымогательства только берутся на заметку в райотделах милиции. Правда, родители жертв чаще предпочитают туда не обращаться.

«Мы можем бороться с этим только привлечением виновных к уголовной ответственности», – заявила в Кемерове корреспонденту «Известий» Ирине Сербиной школьный участковый инспектор Ольга Червова. Такие инспектора с 18 февраля 2010 г. работают во всех школах, где число учеников превышает 1000 человек. Считается, что присутствие человека в милицейской форме дисциплинирует учащихся и заставляет думать, прежде чем совершить преступление. Несмотря на то, что вымогательство трудно доказать, в Кемерове по статье «Вымогательство» все же удалось вынести обвинительные приговоры трем подросткам, правда, условные. Майор юстиции в отставке Игорь Сотников по личной инициативе проводит в кемеровских школах юридические беседы со старшеклассниками, на которых рассказывает об уголовной ответственности за преступления.

В Башкирии с проблемой рэкета правоохранительные органы борются радикально. «Инспектора по делам несовершеннолетних ходят по школам, убеждают детей не скрывать факты вымогательства, а сообщать о них взрослым. При обращении в милицию они берут на себя обязанности оперативников и сами выезжают на “стрелки”, на которых должны передаваться день-

ги. Милиционеры дают потерпевшим ребятам меченые купюры и задерживают вымогателей с поличным», – сообщает корреспондент «Известий» **Татьяна Майорова**.

В Татарстане вымогательством занимаются даже девочки. «В Нижнекамске две 15-летние школьницы и их 17-летний приятель вымогали 500 рублей у 13-летней девочки. Для устрашения ее заперли в полутемном подвале, где несчастная провела без еды целых два дня. Нарушителей удалось задержать. Сейчас следователи выясняют, не числятся ли за ними другие подобные преступления», – передает корреспондент «Известий» **Юрий Николаев**. Согласно опросу, проведенному на днях республиканской прокуратурой среди 4719 учащихся в крупнейших городах Татарстана, более половины местных школьников подвергались вымогательству. Каждая вторая жертва не смогла противостоять любителям легкой наживы и распрощалась со своим имуществом или деньгами. Даже если пострадавший подросток рассказал о случившемся родителям, те не обращались с заявлением в милицию.

В Астрахани «школьный рэкет» напрямую связан с детскими амбициями. Например, ученики обычной средней школы № 59 держат в напряжении соседнюю гимназию № 4, где учиться гораздо престижнее. «Наши пацаны ходят в столовую гимназии – она лучше, а деньги “стреляют“ по дороге», – рассказал корреспонденту «Известий» **Галине Годуновой** один из учеников 59-й школы. Президент астраханского правозащитного центра молодежи «Доверие» Зира Укасова говорит, что у местных школьников сейчас в ходу так называемый обмен: могут вынудить обменять роскошный велосипед на зажигалку.

«В Ростове-на-Дону распространен принцип “крышевания“», – сообщает корреспондент «Известий» **Елена Строительева**. – «Старшеклассники “сшибают“ деньги у младших, при этом каждый знает, кому он платит». «Если за данью обратится “левый“ сборщик податей, то ему дадут знать, что сначала надо разобраться с “крышей“», – утверждает отец шестиклассника ростовской школы № 4. – «Иногда разбирательства доходят до рукоприкладства». Сотрудники ростовского молодежного телефона доверия, куда часто обращаются жертвы вымогателей, выяснили, на что уходят отобранные деньги. Оказалось, что стар-

шеклассники обычно тратят их на выпивку и легкие наркотики, которые купить в большинстве местных школ сейчас несложно.

«В Волгограде подростки вымогают друг у друга не только деньги, но и компакт-диски, кассеты, проездные билеты», – передает корреспондент «Известий» **Татьяна Филимонова**. Не так давно семиклассник 122-й школы Волгограда Андрей Харченко нанес несколько ножевых ранений девятикласснику из той же школы Евгению Медведеву. Причина конфликта – вымогательство со стороны старшеклассника.

Некоторые характеристики процессов, происходящих в подростковой среде

Наверное, самое больное звено в современной школе – отсутствие разумных воспитательных стратегий. Фактически воспитание свелось к определенному количеству мероприятий, формально маркируемых как воспитательные. А воспитание если и существует, то за счет внеплановых инициатив отдельных учителей, которые благодаря личностно-ориентированной коммуникации и поступкам могут влиять на формирование нравственных качеств школьников.

При этом довольно резко выделяется на общем фоне проблем школьной жизни неумение взрослых работать с детьми как представителями подросткового сообщества. В учительской среде господствует мнение, что школа должна давать знания, а воспитывать – семья; подавляющее большинство учителей, задавленных школьной рутинной, не интересуются жизнью учеников, не имеет знаний о формах и методах работы с детскими коллективами.

«В сегодняшней воспитательной практике, – отмечают Л.М. Карнозова и Г.И. Александрова, – передаваемые нравственные образцы не являются нравственными регулятивами в жизни самого педагога. Они оформлены в определенное содержание – набор идеологических постулатов – и отчуж-

дены от него. Педагог передает это содержание ребенку (в ходе плановых мероприятий) в функции знания и в этой же самой функции принимается учеником. Отсюда понятно, что никакие планы мероприятий в школе вообще отношения к воспитанию не имеют»⁷⁵.

Не имея поддержки со стороны взрослых, не осваивая навыки конструктивного выхода из конфликтных ситуаций, не участвуя в анализе и нормировке отношений с другими детьми и воспитателями, многие подростки начинают все богатство отношений и разнообразные способы их регулирования подменять одним типом – авторитарными взаимоотношениями и действиями. Более того, замыкаясь в собственной среде и оказываясь выключенными из пространства культурных регуляторов поведения и отношений, они несут свои разрушительные навыки в социум. Стало общепризнанным влияние интернета на подростков. Коммуникация в чатах, сетях стала занимать все больше и больше свободного времени молодежи. Но интернет в условиях отчуждения детей от родителей и учителей является, на наш взгляд, в данном контексте лишь пространством, где воспроизводятся авторитарные отношения и действия.

«Стрелки». Одной из основных форм разрешения конфликтов между школьниками являются встречи, где происходят драки, называемые «стрелками». Фактически именно участие в «стрелках» формирует у детей исходный силовой опыт разрешения конфликтов.

Тема подростковых группировок и «стрелок» как основного феномена существования подростковых криминально-ориентированных группировок молодежи рассматривалась на семинарах Центра, посвященных анализу проблем соз-

⁷⁵ Карнозова Л.М., Александрова Г.И. Двуматематические ОД-игры по проблемам образования: социокультурный, методологический и игротехнический аспекты // Вопросы методологии. 1991. № 2. С. 73.

дания школьных служб примирения. В ходе семинаров выяснилось следующее:

- «стрелки» – достаточно распространенное явление в подростковой среде;
- организация «стрелок» и участие в них – форма самоутверждения и удержания (приобретения) высокого статуса лидеров подростковых группировок;
- «стрелки» – стандартная форма преимущественно насильственного разрешения конфликтов между подростками, форма перераспределения и завоевания власти и статуса, борьбы за влияние и возможность безнаказанно осуществлять криминальные действия;
- «стрелки» являются способом бизнеса для части подростков, которые организуют и провоцируют на «стрелки» других подростков и в дальнейшем продают записанные на мобильные телефоны драки, происходящие на «стрелках», а также организуют денежные ставки на победителя;
- во многих школах дети из благополучных семей (чаще всего девочки) очень мало знают о «стрелках», а педагоги не знают (или не хотят знать) почти ничего;
- чтобы предотвратить насильственное разрешение конфликтов на «стрелках», нужно обладать в подростковой среде высоким статусом и, по мнению самих подростков, такой работой могут заниматься, прежде всего, мальчишки.

Вот как описывает проведение типичной «стрелки» подросток-медиатор, которому удалось предотвратить несколько «стрелок».

Медиатор: *В школу пришел новый мальчик Влад⁷⁶. Он человек конфликтный, сразу захотел власти, и из-за этого у*

⁷⁶ Имена участников изменены.

него было много проблем. Одна из компаний настроилась против Влада. А еще он ударил Сергея (вне пределов школы), а Сергей обратился к авторитету Коле с просьбой наказать Влада за удар. А еще Сергей сказал, что он ездил в травмпункт, где заплатил за лечение, и пообещал Коле за помощь 150 рублей. Естественно, Коля не мог отказаться. Тут к ним подошел Саша, который тоже не любил Влада, и решил тоже участвовать в его наказании. Так круг постепенно расширялся, денег на всех не хватало, и пацаны решили поднять сумму до 500 рублей. Понятно, что Владу было от этого несладко, и он решил «забить стрелу», приведя пару десятков пацанов со стороны. (У него есть старший брат, и с помощью него он бы смог привести 20 человек). А поскольку у нас компания тоже неслабая, много старших, то понятно, что это кончилось бы кровопролитием: сломанные носы, выбитые зубы – это обязательно. И тут об этом узнаю я. Я по стечению обстоятельств опоздал на уроки и пришел в 10 часов (а «стрела» была забита на час).

От второстепенных участников (которые хотели так просто деньги взять), я узнаю о том, что назначена «стрела», мне, естественно, выдают приглашение, поскольку я из их среды. И я решаю разобраться, кто кому должен и в чем дело.

Я подошел поговорить к Владу, но он не склонен был говорить правду, поскольку надеялся на старшего брата (что тот ему поможет). Тогда я подошел к Саше, и тут у меня возникла проблема: мне нужно узнать причину и предотвратить «стрелку», но при этом не встать на чью-то сторону. Но Саша своими действиями заставил меня встать на сторону Влада (поскольку встать на сторону большого количества я не мог – нерентабельно было), и я стал крутиться уже во всем этом. Я сказал Саше, что я плохого не делал. Эти слова его задобрили, и он начал рассказывать, как все было. Но я понял, что его смущает, что поскольку

идет дележка денег, то и я хочу войти в долю. Я сказал, что мне денег не нужно, и я просто хочу понять, что происходит. Тогда он меня вывел на всю компанию, которая всем этим промышляла. Я разговаривал со всеми, кроме Коли, который все это заварил. Он стоял особняком, поскольку понимал, что я постараюсь разрешить это мирно и помешать им взять деньги. И он не стал со мною разговаривать (один из всех). Меня это не устраивало, и я пошел назад к Владу и стал узнавать все до мельчайших подробностей.

А он, естественно, почувствовал, что я за него, и начал откровенно говорить. И тогда Влад упомянул, что Коля хотел сотню взять и втихую все замаять. Этим шагом он бы обидел братву: те деньги вроде бы уже поделили, а тут он братву без денег оставляет. С этой информацией можно уже было идти к Коле. Я к нему подошел, он все это как-то с равнодушием обсуждал. Тогда, в виде шутки, я сказал, что это деньги братвы и надо делиться. Он мне сказал: «Ты же ничего не делал – ты ничего не получишь». Я ответил: «Я-то ладно, и правда, ничего не делал, а те пацаны, что старались и делали, как?» Коля понял, что его раскусили. Он просто опустил глаза и попросил меня не говорить об этом компании.

Потом я попросил у всех участников «стрелы» дополнительное время, чтобы поговорить именно с Сергеем (так как его не было на месте – он был дома). Мы отправились к Сергею, а тот просто сказал: «Да, мне нужны были деньги, и я все это выдумал». Потом формально была проведена со всеми примирительная работа, то есть Влад разговаривал со всеми участниками наедине, и все в принципе уладили.

Влад такой мальчик – короче, мы за ним пристально смотрели. И оказалось, что он влез в еще одну неприятность. Где-то он еще успел обидеть Витю. И они тоже забили «стрелу» друг другу. Нас с другом, как жителей района, позвали посмотреть. Мы решили, что как-то некорректно

получается: мы – служба примирения, а оказываемся в роли наблюдателей бойни. И выходит, что мы должны это как-то предотвратить. Мы им говорим: «Давайте отойдем. А то кто-нибудь милицию вызовет, и проблемы будут». Ну, пацаны все курящие были, и мы устроили перекур. А главное, пока они курили, то уже успели остыть, и драться им расхотелось. Нужно было уже просто разрядить обстановку, сказать пару шуток. Ну, я сказал, пускай с каждой стороны будет по два представителя, которые на другой стороне поля, где ни маленькие, ни милиция не увидят, разберутся между собой. И пока они шли (поле-то длинное) успели помириться.

Детский рэкет, проведение «стрелок» и участие в них значительной части детей маркирует слом в механизмах социализации. Как замечает Ю.В. Громыко, «если у ребенка не формируется исходного общественного опыта или формируется антисоциальный или контркультурный опыт в той или иной сфере общественных отношений, этот изъян затем очень тяжело (по всей видимости, невозможно) преодолеть»⁷⁷.

«Стрелки» являются исходной формой закрепления контркультурного опыта жизни. Уже в этих описанных ситуациях заметно, что для подростков применение силы представляется основополагающим фактором в процессе взаимоотношений. В то же время взрослые не работают с этими ситуациями, не подвергают их анализу вместе с детьми, не обсуждают различные варианты выхода из конфликтных ситуаций. А если ситуации, связанные с бесконтрольным применением силы, осмысляются только очень небольшой частью общества (правозащитниками и интеллигенцией), то

⁷⁷ Громыко Ю.В. Выготскианство за рамками концепции Л.С. Выготского. М.: Пайдейя, 1996. С. 108.

в дальнейшем такие формы социализации начинают воспроизводиться как феномен репрессивных практик⁷⁸.

Явление довольно распространенного детского рэкета – также показатель изменения форм организации подростковой жизни, прежде всего, распространения подростковых группировок с криминально ориентированными образцами поведения. Группировка – это форма соорганизации молодежи, которая, во-первых, основана на ценностях силового взаимодействия, во-вторых, состоит в основном из молодых людей, фактически вытолкнутых в силу различных причин из образовательных учреждений и семейных связей.

В отличие от прежних дворовых компаний, где нередко осваивались ценности, выработанные в семье, подростковые группировки имеют функцию освоения криминальных и полукриминальных форм жизни, характерных для сегодняшних бизнеса и власти. Нельзя сказать, что усвоение насильственных регуляторов поведения происходит только в группировках. В группировки, скорее всего, объединяются дети, которые уже фактически вытолкнуты из привычных форм функционирования и опеки, но в то же время не сложившиеся из-за жизненных ситуаций и претендующие на лидерство.

Механизмы и функционирование подростковых группировок, на мой взгляд, не стали в России предметом глубокого социокультурного анализа. Немногие работы в этой

⁷⁸ Правда, необходимо заметить, что в России исторически общество слабо осуществляло контроль за насилием и порой само отвечало насилием на насилие (в виде террористических акций). Фильм «Царь» дает возможность интерпретации генезиса репрессивных практик в России и роли в этом процессе православной церкви. Репрессивные практики, в качестве неконтролируемого и неосмысленного применения силы во взаимоотношениях власти и подданных, а также основного средства достижения индивидами своих целей, воспроизводились и воспроизводятся непрерывно. Не являются ли «стрелки» и дедовщина в армии генетически исходной формой освоения российскими людьми репрессивных практик? И не является ли отсутствие контроля со стороны общества за насилием, невнимание к нему и даже поощрение насилия, реализуемого органами власти, условием отсутствия правосудия как института контроля за насилием? (См. также: Яковенко И.Г. Россия и репрессия. Репрессивная компонента отечественной культуры. М.: Новый хронограф, 2011.)

области чаще всего приводят традиционные для советской социологии классификационные таблицы различных объединений подростков для определения, какие из них являются «неправильными», а какие «правильными». С другой стороны, существует определенное количество работ, в которых говорится о необходимости изучения подростковых группировок, приводятся социально-психологические и психологические данные об осужденных подростках, чаще всего полученные в колониях. Но в рекомендациях, как прежде, звучат привычные для советского уха призывы усиливать индивидуальный подход, расширять сеть кружков по месту жительства и т. д. и т. п.⁷⁹

Анализ подростковых группировок невозможен без построения системного идеального объекта, где задано место подростковым группировкам как организованным внутриобъемлющего целого, которым, на наш взгляд, являются процессы социализации молодежи⁸⁰. В социологии социализация понимается как усвоение индивидами норм общества⁸¹. Социализация в плане механизма представляется через деятельность ее «агентов»: семьи, школы, компании сверстников, массовой культуры. Попробуем в первом приближении задать типологические различия важных агентов социализации, которые можно, в том числе эмпирически, зафиксировать: традиционных уличных компаний и группировок⁸².

⁷⁹ См.: *Баикатов И.П.* Психология неформальных подростково-молодежных групп. М.: Информпечать, 2000.

⁸⁰ Подробнее см.: *Щедровицкий Г.П.* Игра и «детское общество» // Щедровицкий Г. П. Избранные труды. М.: Шк. Культ. Полит., 1995.

⁸¹ См.: Социологический словарь. Казань. Казанский государственный университет, 1997. С. 293.

⁸² В типологическом различении дворовых компаний и группировок использованы материалы статьи: *Гатауллин А.Ф., Максудов Р.Р.* Трансформация форм организации подростков. Материалы исследования, проведенного в 1992–1993 годах социологической лабораторией Казанского государственного университета (в соавт.) // Вестник восстановительной юстиции. Восстановительное правосудие в школах. Вып. 4. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2002. С. 19–27.

«Традиционные» уличные компании можно (бывают, конечно, исключения) причислить к агентам позитивной социализации молодежи. Хотя нам многое может не нравиться в этих уличных компаниях, они выполняют очень важную социальную функцию: через них, в первую очередь, идет социализация большинства подростков. «Традиционная» компания «старого» типа складывается, как правило, вокруг лидеров – наиболее уважаемых и авторитетных сверстников или людей старшего возраста. При исчезновении лидеров такие компании, как правило, распадаются, пока не выделятся новые авторитеты. Но лидер здесь – это не главарь, не руководитель, а скорее, первый среди равных, пользующийся уважением за силу, смелость, справедливость. Он чаще всего является образцом для подражания – во многом от лидеров зависит направленность компании, ее воспитательный эффект. При этом существует определенная, более или менее общая для всех компаний субкультура (конечно, специфическая для данного времени и, в какой-то степени, местности): естественным образом сложившиеся нормы поведения, принципы решения конфликтов и т. д. Если та или иная компания попадает под влияние преступного мира – это явление локальное и происходит обычно через лидера. Путем его смещения или изоляции эту проблему несложно решить.

Такие подростковые компании играют важную роль в социализации подростков в плане освоения «взрослых» форм отношений между людьми. При этом лидерами в таких компаниях обычно становятся подростки, которые фактически являются каналом трансляции ценностей, принятых в обществе. Они несут в себе нормы человеческих отношений и инициируют обсуждение индивидуальных проектов будущей «взрослой» деятельности подростков. Любовь, дружба, ненависть, то есть выработка отношения к чему и к кому-либо, а также постановка и реализация целей составляют основу человеческого существования. Подростковая компа-

ния дает возможность как бы примерить эти отношения на себя, нередко – через проживание в особых экстремальных ситуациях. Групповые драки с другими «командами» играли важную роль в уличной компании. Эти драки были, по существу, одним из ведущих элементов жизни дворовой компании – в первую очередь, через участие в них строились отношения между ребятами в компании. В драках выяснялось, кто есть кто. Драки являлись своеобразным экзаменом для подростка (выполняя при этом, конечно, и другие функции: средство решения конфликтов, выяснение отношений и т. п.) – экзаменом на степень соответствия идеалу «настоящего парня». От того как он вел себя в драках, зависел его статус в подростковом мире. Отсюда и своего рода кодекс чести, задающий некоторые принципы, которые не позволяли выйти дракам за определенные рамки (например, один на один, лежащего не бить, до первой крови, без оружия и т. п.).

Примерно с конца 70-х годов XX века в СССР во многих городах, особенно на окраинах и в спальных районах, возникают подростковые группировки. Совсем другую картину мы видим, анализируя жизнь группировок.

Группировки – не объединение подростков, где велика роль личностных качеств, признаваемых и во взрослом обществе, а организация с жесткими нормами поведения, иерархической структурой руководства. Отношение к члену группировки определяется, в первую очередь, не его личными качествами, а согласно тому месту, которое он занимает в иерархии, и готовностью строго следовать сформировавшимся в ней понятиям, правилам и канонам. Во многих отношениях жизнь подростка в группировке точно расписана (как, например, на заводском производстве), он должен хорошо знать свою роль и выполнять функции, которые соответствуют занимаемому им месту и приказам сверху. Жесткая организация, функциональная структура группировки обеспечивает включение подростка в многочисленные процессы, опреде-

ляющие жизнь группировки, такие, например, как участие в групповых драках, охрана (патрулирование) территории, обеспечение оперативной связи между разными группировками, организация сборов членов группировки, сбор «налогов» и т. д. и т. п. Казалось бы, жесткую структуру легче сломать, чем неопределенную, аморфную форму организации «традиционных» компаний. На самом деле все наоборот. Целостность неформальной компании поддерживается за счет личностных отношений, тонких и уникальных, часто только личность лидера не дает компании распасться на более мелкие единицы. Целостность же группировки поддерживают ВСЕ ее члены, они должны исполнять свою не такую уж сложную роль, не требуется проявления их инициативы, самобытности. Все люди этой структуры могут быть легко заменены, в том числе и лидеры (руководители). Здесь, по существу, та же ситуация, как и в бюрократической структуре, например, какого-либо учреждения. С ней невозможно бороться, снимая конкретных бюрократов, – на их место придут новые. То же самое с группировкой: бесполезно изолировать лидеров (в том смысле, что заниматься только этим; изолировать, конечно, тоже надо, но только в контексте других мер). Группировки, в социологическом смысле, с одной стороны, имитируют и готовят подростков к жизни во взрослом обществе с культом силы, судебной и внесудебной расправы, с другой – группировки являются каналом социализации активных молодых людей, не попавших в силу происхождения на «хлебные» места в этой жизни. Это школа создания команд, которые потом или уходят в бизнес, какие-либо иные формы социальной само- и групповой реализации своих способностей, знаний, умений и навыков или в криминальный мир.

Изменилась и такая форма подросткового взаимодействия, как драка. Теперь групповые драки, защита территории становятся поводом, который делает необходимым сохранение и развитие сложившихся форм организации.

Вполне возможно (многое подтверждает эту гипотезу), главари группировок, те, кто стоит за ними, живут достаточно «дружно» и делают общее дело, но для того чтобы у них были под руками дисциплинированные, хорошо организованные и подготовленные исполнители, идет постоянное разжигание вражды между группировками, формирование идеологии войны и мести.

Итак, групповые драки прошли следующий путь трансформации: ритуал – война – средство для воспроизводства организационных форм. Эта цепочка демонстрирует механизм формирования и развития группировок как особой формы подросткового сообщества. Нельзя, конечно, говорить, что такой-то смысленный преступник придумал и создал группировки, их появление вполне можно объяснить, не прибегая к такого рода «гипотезам». Группировки сложились в результате длительного, сложного, прошедшего несколько этапов естественного процесса развития. Этот процесс продолжается и сегодня, но понятно, что большую роль в их возникновении сыграл преступный мир.

Нам надо еще ответить на вопрос: почему подростки идут в группировки, почему их там так много?

Во-первых, группировка представляет для подростков определенные возможности самоутверждения, самовыражения, которых не существует для них ни в семье, ни в школе. Особенно этот момент был характерен для периода «расцвета» группировок, когда у нас делали вид, что ничего такого не может быть, и еще не поднялся шум в центральной прессе и не начали принимать серьезных мер.

К только что попавшим в группировку совсем молодым подросткам проявляют внимание ребята, которые гораздо старше их. Все новички находятся, по существу, в равном положении и имеют одинаковые возможности для продвижения вверх по ступеням иерархии, все зависит от личных качеств: силы, воли, дисциплинированности.

Во-вторых, попадание в группировку дает подростку защищенность. Если он не входит в ту или иную группировку, он всегда находится под угрозой избиения, вымогательства, издевательств. Часто группировки оказывают давление на «неприсоединившихся», заставляют их войти в группировку. Но самая важная причина, на наш взгляд, в том, что многие подростки не стоят перед выбором «быть или не быть» в группировке. В группировки не идут, а попадают, втягиваются постепенно, естественным образом. На сегодняшний день возникла целая система воспроизводства группировок: уже в самом малом возрасте, в 6–7 лет, дети играют в игры, совершают ритуалы, характерные для «группировочного» образа жизни (например, разжигают во дворах костры, причем дрова собирают только на своей территории), приобщаются к нормам, принципам жизни группировок.

Определенная связь между преступным миром и уличными компаниями была и раньше, но тогда в преступный мир втягивались отдельные ребята через конкретных людей из-за конкретных жизненных обстоятельств. Существовали определенные параллели между преступной и молодежной субкультурой: уголовная романтика, «блатной» фольклор и т. п., но все же преступный и подростковый мир жили по разным законам. В настоящее время предоставленное само себе подростковое сообщество, оказавшееся вне сферы интересов нашей педагогики и всего общества в целом, оказалось освоенным преступным миром. Традиционные формы жизни молодежных «уличных» компаний (территориальная организация, групповые драки, кодекс чести и т. д.) трансформировались в формы организации, характерные для бандитских формирований, и стали «готовыми для употребления» организованной преступностью.

Исходя из вышеизложенного, можно выдвинуть гипотезу о пространстве подростковой жизни в школе, которое наполнено двумя активностями: с одной стороны, мы име-

ем учебную активность школьников (классно-урочная работа, сдача ЕГЭ, занятие в тех или иных секциях, кружках), с другой – силовую активность, направленную на завоевание статуса и авторитета различными, но прежде всего силовыми методами. Такие лидеры формируют вокруг себя группировки и сами входят в те или иные группировки. К сожалению, образовательные стратегии не ориентированы на создание социализирующего пространства, где на базе учебных заведений существовала бы подлинная, а не манипулятивная и формализованная самоорганизация подростков, поддерживались именно те компании, где влияние получали бы лидеры, несущие позитивные ценности.

Представляется, что попадание в группировки и криминальные банды в России происходит не только благодаря клеймению, как утверждает Дж. Брэйтуэйт⁸³, но и потому, что в группировке подросток проходит школу выживания, необходимую ему для жизни во взрослом мире. Но для того чтобы определить дальнейшие направления исследований и практических разработок для поддержки позитивных агентов социализации молодежи, необходимо задать теоретические рамки этой работы.

Теоретические ориентиры становления новой практики воспитания в школах

Проектированию новой практики воспитания в школах будет способствовать разработка теоретических оснований нашей работы. Это должен быть такой идеальный объект⁸⁴, в рамках которого можно было бы формировать проекты и

исследования пространств самоорганизации школьников. Одновременно такая самоорганизация должна способствовать трансляции цивилизованных норм взаимодействия и отношений. Здесь можно использовать модель детского общества, имитирующего «взрослое общество», разработанного в рамках Московского методологического кружка⁸⁵.

«Детское сообщество, – как отмечает Ю.В. Громько, – функционирующее на основе искусственно-естественных механизмов, сформированных отношениями взрослых и детей, а не какими-то исходно врожденными структурами детского сознания, отображает структуру общества взрослых и должно внутри себя воспроизводить и имитировать всю генетическую матрицу. Именно в структуре детского общества осуществляется проращивание целостного общественного воспроизводства. К сожалению, образовательная социология до настоящего момента очень мало уделяла внимания исследованию и описанию устройства детского сообщества с точки зрения анализа и имитации в системе его форм и воспроизводства на его основе полной структуры общественного воспроизводства. А в этих отношениях, как нам представляется, все дело»⁸⁶.

Теоретико-методологические основания изучения детского общества заданы в разработках Г.П. Щедровицкого⁸⁷, позволяющих системно строить проекты воспитательной деятельности и задавать модели для исследований. В данной единице человеческое общество представлено как системное образование через элементы и связи между ними.

⁸³ См.: Брэйтуэйт Дж. Преступление, стыд и воссоединение. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2002.

⁸⁴ Идеальный объект – конструкция нашего мышления, позволяющая схватывать существенные характеристики практики, по отношению к которой мы осуществляем проектные действия и исследования.

⁸⁵ См.: Щедровицкий Г. П. Игра и «детское общество» // Щедровицкий Г. П. Избранные труды. М.: Шк. Культ. Полит., 1995.

⁸⁶ Громько Ю.В. Выготскианство за рамками концепции Л.С. Выготского. М.: Пай-дей, 1996. С. 108.

⁸⁷ См. Щедровицкий Г.П. Указ соч.

Каждый элемент представляет одновременно форму человеческого существования. Связи между ними характеризуют целостность общества и человеческого существования. Люди в данной схеме общества имеют множественное существование (схема 9):

- как носители производственных ролей;
- как реализующие определенные культурные нормы, которые были приобретены в процессе обучения и развития;
- как потребители общественного продукта;
- как личности в пространстве взаимоотношений (клубном пространстве), вне иерархии, свободно контактирующие с другими людьми.

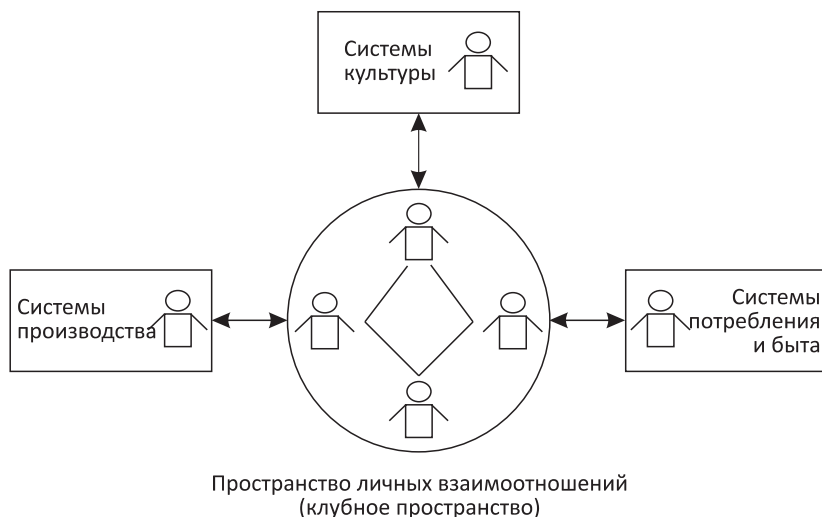

Схема 9. Единицы общества

«В каждой из этих структур, — отмечает Г.П. Щедровицкий, — образно говоря, есть “места” для людей; люди на какой-то промежуток времени подключаются к каж-

дой из них, “занимают” эти места, но только на время, а затем покидают их и “переходят” в другие структуры. Значит, жизнь людей охватывает все эти структуры, но не сводится к ним, она проходит еще и вне их, во всяком случае, в моменты переходов. Поэтому, отвлекаясь от пространственно-временных условий жизни людей, но точно передавая логику отношения (по крайней мере, в первом приближении), мы должны поместить людей в особой сфере, лежащей как бы между этими тремя блоками. Это — особое “пространство” человеческой жизни, в котором происходит “свободное” движение людей; в нем они сталкиваются и взаимодействуют как независимые личности, в нем они относятся друг к другу по поводу производства, потребления и культуры. Это сфера особых, личных и “личностных” отношений. Именно она объединяет три других блока системы в одно целое и образует область, без которой не может быть “общества”. Именно отсюда три других блока “черпают” человеческий материал, и сюда же они возвращают его “использованным” или обогащенным в зависимости от социально-экономической структуры сфер производства, потребления и обучения»⁸⁸.

Такая мыслительная единица позволяет выделить конституирующие детское сообщество элементы:

- производство как система жестко определенных социальных мест. Например, структуры мест «учителя-ученики», «родители-дети»;
- культура как канал трансляции норм, позволяющих деятельности воспроизводиться и определяющих содержание воспитания и обучения человека;
- быт и потребление;

⁸⁸ Там же. С. 675.

- клубные (личностные) отношения. И здесь важно отметить, что воспитание детей и усвоение цивилизованных норм, с точки зрения данной модели, происходит в клубе – пространстве личностных взаимоотношений.

«Этот вывод, – отмечает Г.П. Щедровицкий, – полученный из анализа понятия “общество“, может быть перенесен уже непосредственно на жизнь детей. Конечно, наивным и неправильным было бы искать у детей “общество“ с точно такой же структурой, как изображенная на схеме. У детей не может быть “общества“ в точном смысле этого слова, “общества“, живущего независимо от влияния взрослых. Взрослые, и в частности воспитатели, постоянно вмешиваются в жизнь детей, организуют и перестраивают ее по своему усмотрению, в соответствии со своими задачами. И так всегда должно быть. Но вопрос в том, во что они вмешиваются и как вмешиваются.»

Часто вмешиваются так, что при этом разрушается и даже совсем исключается сфера личностных отношений между детьми, их самостоятельность в установлении и построении этих отношений. Вместо самостоятельности детей и их отношений друг к другу мы получаем сферу “парных отношений“ воспитатель-ребенок, в которой очень мало остается от собственно общественных отношений (ибо нет равенства возможностей), в которой у ребенка не может быть свободы в построении своих отношений и, следовательно, не могут развиваться общественные и истинно нравственные качества.

Значит, для формирования у детей общественных качеств и нравственного самосознания нужно создавать соответствующие условия, организовывать и постоянно сохранять сферу их “личностных“ отношений, стимулировать самостоятельность детей, “свободу“ в установлении отношений друг с другом (выделено мною. – Р.М.).

Но это и будет созданием “общества“ детей, “детского общества“ в точном соответствии со структурой разобранного понятия.

И такой вывод определяет как работу воспитателя, так и направление дальнейших исследований. Необходимо ответить на вопрос, как можно и нужно вмешиваться в жизнь детей и активно организовывать ее, чтобы при этом не разрушалась детская самостоятельность в сфере “личностных“ отношений, чтобы не разрушалось “детское общество“. Где и как это возможно?»⁸⁹

Какие практические следствия вытекают из указанных положений? Прежде всего, усвоение цивилизованных средств, формирующих нравственные качества личности, происходит в сфере «клуба», а не производства, поскольку человек как личность живет именно в сфере «клуба».

«Сама человеческая деятельность имеет как бы несколько «слоев». Это всегда коллективная и социализированная деятельность, и поэтому в ней кроме отношений к объектам и процедур, направленных на объекты, имеются еще взаимоотношения между людьми. Последние играют не менее важную роль в деятельности, чем сами отношения к объектам, наверное, даже большую. Поэтому овладение человеческой деятельностью предполагает обязательно усвоение также всех тех средств, которые необходимы для установления нормальных общественных взаимоотношений между людьми. Усвоение этих средств ведет к развитию специфических нравственно-этических качеств личности.»

Но чтобы началось и происходило усвоение этих специфических средств, обеспечивающих общественную деятельность, установление нормальных общественных

⁸⁹ Там же. С. 676.

взаимоотношений между людьми, нужны, во-первых, совершенно особые ситуации разрывов деятельности, а во-вторых, особые формы подачи или задания самих этих средств. Но ни то ни другое фактически до сих пор не выделено и не описано педагогической наукой.

Для того чтобы возникла ситуация, в которой может осуществляться нравственное воспитание, нужно создать разрыв в той части деятельности, которая складывается из взаимоотношений между людьми, нужно создать невозможность осуществления деятельности из-за ненормальных взаимоотношений между участниками ее»⁹⁰.

Важно уметь работать с реальными конфликтами как разрывами во взаимоотношениях школьников и, управляя ими, содействовать воспитанию в школе. Насколько школьная жизнь помогает воспроизводить полноту социальных структур? Что мешает взрослым управлять школьными конфликтами и, соответственно, создает благоприятные условия для воспроизводства криминальной субкультуры?

Сегодня происходит медленное освоение идеологии необходимости работы с конфликтами, публикуются учебники по конфликтологии, но управление конфликтами как осознанное действие (а не в форме знания о конфликтах) в большинстве школ не происходит. Не способствует участию взрослых в разрешении детских конфликтов и педагогическая доктрина. Как отмечает Г.П. Щедровицкий:

«...во многих педагогических работах высказывается отрицательное отношение к воспитанию методом “конфликтов”. Считается, что педагог-воспитатель не должен их создавать и не должен ими пользоваться в воспитательных

⁹⁰ Щедровицкий Г.П., Надежнина Р.Г. Развитие детей и проблемы организации нравственного воспитания // Щедровицкий Г. П. Избранные труды. М.: Шк. Культ. Полит., 1995. С. 684.

целях. Эта позиция неоправданна. “Конфликты” (или разрывы) во взаимоотношениях между детьми постоянно возникают. И задача воспитателя состоит совсем не в том, чтобы стараться избежать их, а в том, чтобы использовать их в целях воспитания. Больше того, наверное, можно сказать, что без этих конфликтов воспитание вообще невозможно. Единственный результат указанной педагогической доктрины избегания конфликтов состоит в том, что педагог-воспитатель теряет возможность управлять детскими конфликтами и действительно воспитывать детей. Думается, что вербализм в воспитании и есть следствие этой доктрины. А если мы хотим воспитывать реально, то нам, очевидно, придется руководить конфликтами, а это значит также и создавать условия для них. Второй важнейший момент в ситуациях воспитания – это создание таких условий и такая постановка дополнительной задачи, чтобы предмет деятельности и сознания детей становились их взаимоотношения с другими детьми и воспитателями»⁹¹.

В подростковом возрасте предметом воспитания могут быть конфликты и способы освоения взрослого мира подростками. Как мы указывали ранее, подростковое сообщество играет важную роль в социализации подростков, в освоении «взрослых» форм отношений между ними. Любовь, дружба, выработка отношения к людям и событиям, а также постановка и реализация целей – все эти аспекты жизни составляют основу человеческого существования. Подростковое общество в процессе непрерывной коммуникации детей друг с другом позволяет примерить эти отношения на себя зачастую путем преодоления искусственно создаваемых самими подростками экстремальных ситуаций.

⁹¹ Там же. С. 685.

Подростковое общество есть форма коллективности, в которой посредством такого «примирения» вырабатывается коллективное и индивидуальное отношение к миру и людям. Этому благоприятствует межличностная коммуникация, когда разнообразные отношения и поступки детей, их родителей и учителей становятся предметом обсуждения со стороны самих подростков.

Для того чтобы подростки осваивали действительно цивилизованные формы общения и деятельности, необходимо управление процессами, происходящими в детских и подростковых сообществах со стороны взрослых, прежде всего, через трансляцию коммуникативно-ориентированных (понимающих и одновременно развивающих) способов разрешения конфликтов и, соответственно, способностей понимать другого, рефлексии собственных действий и осмысления в различных ситуациях собственной позиции. Для нас это составляет один из важнейших ориентиров воспитательных практик⁹².

Школьная жизнь – два мира клубных структур

Используя схему, приведенную выше, можно в первом приближении задать представления о школьной жизни. Отметим, что это не научное знание, как устроена школьная жизнь, а модель, с помощью которой можно проводить исследования и, соответственно, получать знания⁹³. Вторая

⁹² Такой тезис может встретить скрытое или явное противодействие руководителей, ориентированных, в первую очередь, на политическую социализацию и рассматривающих работу с молодежью сквозь призму необходимости проведения массовых мероприятий.

⁹³ Одним из важных вкладов Московского методологического кружка в мировую интеллектуальную культуру является разработка деятельностных схем, позволяющих осуществлять исследование и проектирование в связи друг с другом. (Подробнее см.: Данилова В.Л. Анализ некоторых особенностей работ ММК в связи с перспективами развития инженерии//Проблемы организации и развития инженерной деятельности. Вып. 1. Обнинск, 1990. С. 114–127.

функция этой схемы – проектная. Данная схема позволит проектировать новые единицы школьной жизни.

Прежде всего, выделим два «производственных» основания школьной жизни: обучение и воспитание (воспитательные мероприятия). Далее по поводу деятельности людей в этих двух блоках складываются те или иные конфликтные ситуации. Блок ситуаций является третьим блоком. Затем можно вывести необходимость клубных структур, в которых обсуждаются и находят выходы из конфликтов.

На наш взгляд, можно выделить два основных и господствующих в современной российской школе типа клубных структур: подростковую и педагогическую. И в той и другой конфликты нередко решаются силовым путем. Но если в подростковых сообществах часто встречается прямое физическое насилие, то в педагогических – властно-административное давление. Совместные клубные структуры (педагогическо-подростковые клубы) собираются вокруг яркой личности тех или иных педагогов (в том числе директоров)⁹⁴. Данный тип клуба может представлять собой основной элемент воспитания в современной школе, если в нем будут ставиться, обсуждаться и решаться совместно те или иные проблемы школы, учителей и учеников. Чрезвычайно важно участие в таких клубах родителей. Сами клубы, как подростковые, так и педагогические, могут организовываться различным образом: они могут существовать в виде группировки, мафии, компании. Соответственно при взаимодействии людей в каждом клубе выбираются те или иные нормы разрешения конфликтов. Изобразим данную модель на схеме 10.

⁹⁴ В этом плане колонии А.С. Макаренко представляли собой классический педагогическо-подростковый клуб.

Схема 10. Нормы разрешения конфликтов

Исходя из этой схемы, можно поставить проектные и исследовательские задачи для современной российской школы:

- изучение типов клубов, существующих в школах;
- анализ условий существования педагогическо-подростковых клубов;
- связь типов клубов и способов разрешения конфликтов;
- особенности конкуренции нескольких типов норм разрешения конфликтов в школе;
- особенности конфликтных ситуаций, формы их осмысления в педагогическом и подростковых клубах;
- влияние воспитательных мероприятий на воспитание;
- проектирование новых единиц практики, позволяющих цивилизованно разрешать конфликты в школе.

Восстановительный подход в образовательных учреждениях

С 2001 года восстановительный подход реализуется в образовательных учреждениях в форме школьных служб примирения, создаваемых с помощью специалистов центра «Судебно-правовая реформа» и партнеров в различных регионах России⁹⁵. Школьная служба примирения представляет собой организацию в школе, в которой дети на волонтерских началах цивилизованным способом разрешают конфликты, возникающие в образовательных учреждениях (чаще всего в среде школьников) с помощью медиации. В связи с этим они должны пройти тренинг для медиаторов. Служба примирения функционирует под наблюдением взрослых. Обычно в роли кураторов выступают заместитель директора по воспитательной работе, социальные педагоги или школьные психологи. В современных условиях России возможно возложение функции куратора на школьного уполномоченного по правам участников образовательного процесса. Такое взаимодействие, несомненно, будет способствовать большей устойчивости службы, поскольку:

- выстраивает практическое и, в то же время, социализирующее партнёрство между взрослыми и детьми, входящими в службу;
- создаёт сочетание постоянно действующего сотрудника и сменяющихся детских групп, оканчивающих школу и выходящих во взрослый мир с жизненно и социально важными практическими знаниями и навыками;
- способствует формированию иной школьной среды, не столь остро конфликтной и более благоприятной для обучения и школьного воспитания.

⁹⁵ Большую работу в этом направлении проводит Антон Коновалов.

Школьные службы примирения могут стать каналом трансляции цивилизованных норм взаимоотношений между детьми, при этом часть детей (медиаторы) становятся проводниками таких норм, используя их в ходе разрешения конфликтных ситуаций.

Таким образом, можно задать общественно значимую функцию школьной службы примирения, служба же через организацию примирительных встреч создает оппозицию таким вариантам разрешения конфликтов, как силовые способы, наказание и клеймение (схема 11). Программы примирения можно также использовать как элемент управления конфликтами в работе по изменению ситуации с подростковыми группировками.

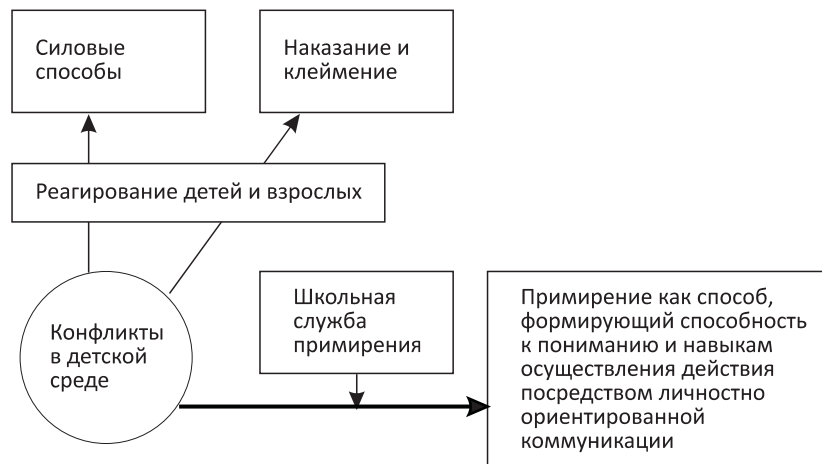

Схема 11. Функция школьной службы примирения

Какие же качества личности формируются с помощью школьной службы примирения, которые в настоящее время востребованы обществом и находятся в дефиците? На наш взгляд, это качества, позволяющие строить и сохранять конструктивные взаимоотношения в постоянно меняющихся

условиях. А это возможно при наличии способности к пониманию и навыкам осуществления действия посредством коммуникации. Авторитарные установки (в форме установления права сильного, наказания и клеймения) избавляют детей от самоорганизации и делают ненужным развитие нравственных качеств личности⁹⁶.

Здесь немаловажен еще один аспект. Он заключается в том, что школьная служба примирения поддерживает педагогическо-подростковые клубные структуры, поскольку работа медиатора создает клубное пространство, где сами дети, а также в ряде случаев дети и взрослые на равных могут обсуждать и разрешать свои конфликты. Таким образом, школьная служба примирения может занять место как инициатора, так и поддерживающей структуры педагогическо-подросткового клуба в школьной жизни (схема 12).

⁹⁶ См.: Надежина Р.Г., Щедровицкий Г.П. Системно-структурный анализ взаимоотношений в группах и социально-психологический анализ личности //Материалы IV Всесоюзного съезда общества психологов. Тбилиси, 1971. С. 685–686.

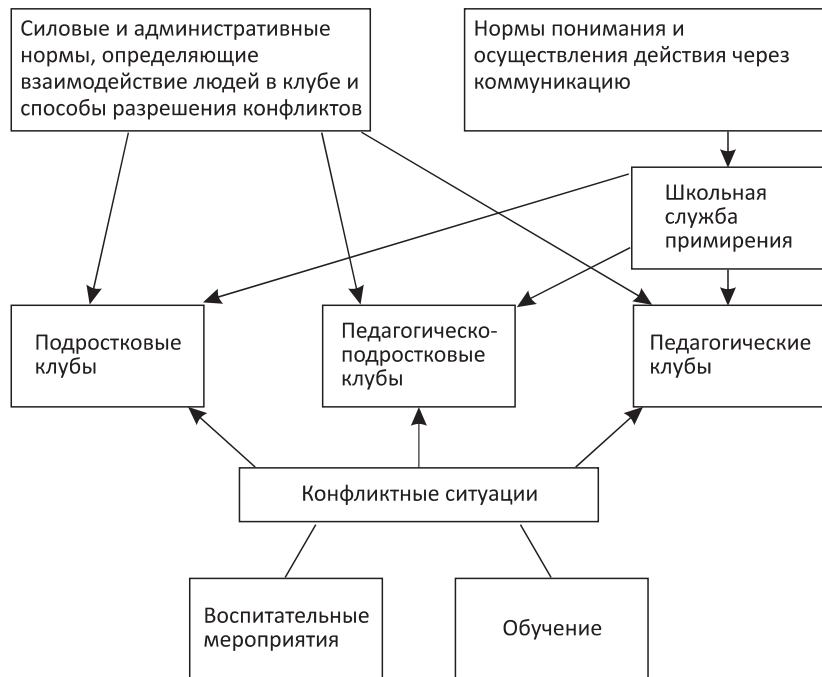

Схема 12. Структура клубов в школьной жизни

Главной проблемой становления школьных служб примирения в связи с вышесказанным является конкуренция двух типов норм школьной жизни, что осложняет работу руководителя школьной службы (взрослого куратора) еще больше. В чем ее сложность, кроме финансовых и временных затрат? Представляется, что школьная служба примирения не сможет функционировать и развиваться, если сама не будет представлять собой производственно-клубную структуру, влияющую на различные аспекты школьной жизни. Трудность многих кураторов в том, что им сложно организовать в службе примирения клубный элемент. Сам куратор является членом педагогического клуба и испытывает влияние данного клуба и норм, определяющих способы разрешения конфликтов. Для обращения участников образовательного

процесса в школьную службу и практикования медиации куратору необходимо иметь статус одновременно и в подростковом и учительском клубе. Ему также важно из себя и детей создать педагогическо-подростковый клуб, а это довольно сложное дело. Проблема передачи случаев в службу зависит и от авторитета детей-медиаторов в клубных структурах.

Если нет клубной структуры, куратору приходится все взваливать на себя и, естественно, со временем он не выдерживает и уходит. Но уходят и ученики, если они не чувствуют себя в клубной структуре взаимодействующими на равных друг с другом и, в определенных ситуациях, с педагогом. Здесь фактически куратор выступает как организатор и управленец. И в этом главная сложность его работы. Связи куратора службы примирения с различными элементами школьной жизни изображены на схеме 13.

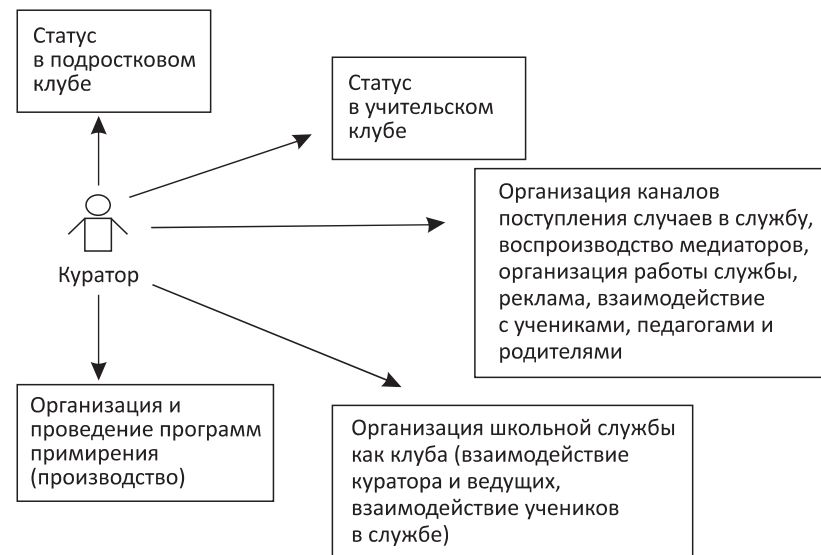

Схема 13. Связи куратора службы примирения с различными элементами школьной жизни

Школьная служба примирения и формирование позиции воспитателя

Если ставить вопрос о школьных службах примирения как о единице не только разрешения конфликтов, но и формирования навыков понимания и способности осуществлять действие, опосредованное коммуникацией, то необходимо рассматривать данные службы в рамках более широкой системы. Теоретическая разработка такой системы – дело будущего, поэтому сделаем в этом направлении первые проектные шаги.

Введем воспитателя как позицию, формирующую определенные навыки взаимоотношений между людьми. Материалом для работы воспитателя являются актуальные конфликты и ситуации, разрушающие нормальные взаимоотношения между детьми и взрослыми. Сталкиваясь с ними, воспитатель должен помогать детям осваивать цивилизованные способы их разрешения. Но, как отмечает Г.П. Щедровицкий:

«важнейший момент в ситуациях воспитания – это задание норм правильных общественных взаимоотношений и средств, обеспечивающих их установление. В ситуациях обучения эта часть процесса обеспечивалась учителем: он включался в деятельность ребенка, помогал ему, вводил собственные средства и таким путем создавал необходимый процесс решения. В ситуациях воспитания это либо совсем невозможно, либо очень затруднено из-за того, что всякое включение воспитателя в совместную деятельность с детьми тотчас же меняет все взаимоотношения в группе или в коллективе, совершенно перестраивает их, создает по сути дела новые ситуации с новыми взаимоотношениями. Педагог здесь оказывается не внешним наблюдателем деятельности и не просто источником средств, а членом группы и участником коллективной деятельности»⁹⁷.

⁹⁷ Щедровицкий Г.П., Надежнина Р.Г. Развитие детей и проблемы организации нравственного воспитания // Указ соч.

Служба примирения, создаваемая в рамках образовательных учреждений и различного рода организаций и учреждений на территории⁹⁸, дает возможность избегать прямых включений взрослых в жизнь детей. Проводниками цивилизованных способов взаимоотношений служат школьные медиаторы – специально подготовленные ученики. Но медиаторы способствуют разрешению реальных конфликтов и криминальных ситуаций. Каким образом у детей в дальнейшем появятся навыки и способности конструктивного разрешения конфликтов? И здесь именно фигура воспитателя как принимаемая на время действия службы позиция⁹⁹ призвана сформировать вышеуказанные навыки и способности.

Воспитатель, во-первых, сам должен подавать пример цивилизованных способов разрешения конфликтов и криминальных ситуаций, во-вторых, кроме разрешения этих конфликтов и криминальных ситуаций воспитатель должен организовать особую рефлексивную деятельность, направленную на изменение взгляда участников конфликта или криминальной ситуации. Участники должны обсуждать и сам процесс поиска выхода из конфликта, и его результат, тем самым осваивая новые навыки в социальном взаимодействии и способы закрепления этих навыков. Осуществляя такую деятельность, воспитатель организует собственно воспитание. Таким образом, воспитательная деятельность формируется на материале конфликтов и криминальных ситуаций и включает четыре этапа деятельности:

- деятельность школьной службы примирения;
- разрешение конфликта или криминальной ситуации с помощью школьной службы примирения;

⁹⁸ Центр «Судебно-правовая реформа», как уже говорилось выше, выступил инициатором создания разного рода служб примирения в России и разработал их модель. Подростки провели уже сотни программ примирения. В настоящее время проводится работа по формированию системы мониторинга и оценки эффективности деятельности таких служб.

⁹⁹ Подчеркиваем, что это именно позиция, а не социально закрепленная роль.

Создается парадоксальная ситуация: многие адвокаты, судьи, прокуроры, следователи чувствуют, что в том или ином случае людям хочется неформально поговорить, снять злобу, возместить ущерб, но... в лучшем случае следователь или адвокат могут посоветовать обвиняемому (а судья, связанный принципом независимости только желать этого) обратиться к потерпевшему и выплатить ущерб. А если обвиняемый опасается агрессии со стороны потерпевшего, чувствует, что сам может эмоционально не сдержаться при разговоре «с глазу на глаз»? Часто ли мы первыми подходим извиниться к человеку, которому нанесли душевную боль? При непосредственном обращении правонарушителя к жертве, последняя также может из-за страха отвергнуть все предложения обидчика. Вот здесь и нужен нейтральный ведущий, который поможет потерпевшему снять страх и агрессию, а обвиняемому сформулировать предложение по исправлению вреда. То, что ведущий не занимает сторону обвиняемого или потерпевшего и настроен на то, чтобы люди сами договорились, помогает установить доверие и создает для примирения благожелательную обстановку.

Возможна ли работа ведущего примирительных встреч в обстановке современной России? При чтении газет, журналов, просмотре некоторых телепередач, после бесед с различными специалистами может сложиться впечатление, что правосудие в России – груды дымящихся развалин. Справедливость невозможна, решения судей непредсказуемы, везде одни только взятки и репрессии.

Случай прекращения уголовного дела на основании ст.8 УПК РСФСР («За применением принудительных мер воспитательного воздействия») в Нагатинском районном суде¹⁰¹ Москвы дает надежду, что судьи могут внести свой вклад в преодоление существующей в России эскалации

¹⁰¹ Председательствующим по делу выступала судья Е.В. Хасанова, государственным обвинителем – прокурор Л.В. Русина.

враждебности между людьми. Мне кажется, что справедливое судебное решение есть в первую очередь такое решение, которое укрепляет сообщество, а не способствует его разложению, не влечет за собой всеобщее озлобление и желание отомстить.

Случай, о котором пойдет речь, состоит в следующем. В центр «Судебно-правовая реформа» обратилась Тамара Константиновна¹⁰² с просьбой помочь внуку, привлеченному к уголовной ответственности за хулиганство, примирится с потерпевшим. В качестве ведущего я провел примирительную встречу, в результате которой состоялось примирение и возмещение ущерба. О программе примирения жертвы и правонарушителя, проводимой центром «Судебно-правовая реформа», не были проинформированы ни прокурор, ни судья по данному делу. Но тем не менее примирительный договор по ходатайству адвоката был приобщен к материалам уголовного дела, мнения подсудимого и потерпевшего учтены, дело в отношении подсудимого, участвовавшего в примирении, прекращено. На мой взгляд, это произошло из-за того, что в данном случае *стремление людей к примирению было воспринято судьей и прокурором.*

Какие условия и факторы способствовали этому? Попробуем их выделить, основываясь также на интервью, которые были проведены с участниками процесса через две недели после последнего судебного заседания. Криминальная ситуация состояла в том, что трое подростков на футбольном поле избили одного. Причем, по свидетельству самих подростков (подсудимого и потерпевшего), это было совершенно немотивированное избиение, в основе которого лежала застарелая вражда техникума и школы. Уголовное дело было возбуждено на основании п «а» ч. 3 ст. 213 УК РФ. Родители двоих подростков, участвовавших в избие-

¹⁰² В статье имена непосредственных участников криминальной ситуации изменены.

нии (третьему удалось избежать ответственности), сразу же пригласили адвокатов.

Бабушка Кости через знакомых узнала координаты центра «Судебно-правовая реформа» и обратилась с просьбой провести примирительную встречу. Обращение к маме второго подсудимого подростка не дало результатов: первоначально она согласилась, а затем, сославшись на то, что адвокат ее сына против примирения, отказалась.

Была организована предварительная встреча с обвиняемым, его отцом и бабушкой для выяснения их позиции и необходимости примирения. В ходе предварительной встречи чувствовалась обида отца и бабушки на потерпевшего и его маму. Я предложил прояснить этот момент на примирительной встрече.

Важным был разговор с Костей. Ему были заданы вопросы о причинах случившегося, вариантах исправления. Удалось найти корень этой ситуации: застарелая вражда школьников и учащихся техникума. Произшедшая драка была мстостью за то, что якобы недавно ребята из школы избили ребят из техникума. Были поставлены вопросы: «Как можно избежать подобных драк в будущем? Можно ли помирить школу и техникум?» Я попросил Костю подумать над этими вопросами. Когда у Кости спросили, хотел ли он извиниться, он ответил, что хотел, но стеснялся. Затем я встретился с адвокатом¹⁰⁴, объяснил ему суть примирительной встречи и обсудил возможные юридические последствия примирения.

Предварительная встреча с потерпевшим и его матерью. После встречи с подсудимым и его родственниками состоялась встреча с матерью потерпевшего, Людмилой Александровной. Она внимательно меня выслушала, но от примирения отказалась. Основная причина отказа состояла в том, что ей не хотелось травмировать сына. Как вы-

разилась Людмила Александровна, «опять все по новой, не хочу». Но она была не против, если я отдельно от нее повидаюсь с сыном и узнаю его мнение по этому поводу. Потерпевший также отказался от примирительной встречи. Его желанием было «все забыть». Интересно, что на мнение сына и матери не повлиял фактор возможности возмещения ущерба (Антон потерял зуб, и необходимо было ставить мост, что для них было недешево).

***Бабушка Кости:** Родители внука растерялись, хотели действовать через адвоката. Я первоначально в эту ситуацию не была подключена. Я вообще ничего не знала. Шло следствие, его мама сломала ногу и попросила уладить дела с техникумом. Первая мысль, которая пришла мне в голову, когда я узнала об этом, – надо примириться внуку и этому мальчику.*

***Евгений, отец Кости:** Наша беда, видимо, в том, что чуть что мы бежим к адвокату. Потерялись ориентиры. Я помню свое детство и юность: обычно мы такие дела улаживали сами.*

***Елена, мама Кости:** Мне позвонила из милиции инспектор и сказала, что надо прийти. У соседки был такой же случай, был хороший адвокат, и тот парень в результате проходил в уголовном процессе как свидетель. Я сразу же позвонила соседке, и она порекомендовала мне адвоката. Я испугалась милиции, столько пишут плохого про милицию. Не только пишут: у нас был реальный опыт взаимодействия с милицией. Мой муж привез деньги на дачу, забыл их забрать и хорошо, что забыл. Когда он ехал домой, его остановил милиционер и потребовал предъявить документы. Муж предъявил документы, но его забрали в отделение, раздели до трусов, стали смотреть, но у него кроме ягод и небольших денег ничего не было. Поэтому когда с Костей случилась беда, первая мысль была об адвокате, поскольку я испугалась за сына, не знала, что с ним могут*

¹⁰³ В качестве защитника по делу выступал адвокат В.А. Сивяков.

сделать в милиции. Я не верю нашим правоохранительным органам.

Адвокат мне был очень нужен морально. Он очень меня поддерживал. И он сразу же поддержал идею примирения. Но на стадии следствия он сказал, что примирение не нужно, поскольку следователь может подумать, что мы давим на потерпевших.

Восприятие бабушкой предварительной встречи.

Тамара Константиновна: Мне было интересно то, как ведущий задает вопросы Косте о его поведении. Важно было, что он просил внука проанализировать, что произошло, почему это произошло. Он вынужден был отвечать на серьезные вопросы: что послужило причиной, поводом к этому поступку, была ли злость по отношению к ребятам? После этой встречи я поняла, что так и надо общаться с детьми. Костя задумался над тем, что произошло еще раз более объективно, не в защитной позиции. Вначале он был исключен из ситуации, этим за него занялись взрослые. После разговора с ведущим он почувствовал, что от него что-то зависит, к нему прислушиваются, доверяют и уважают его мнение.

Восприятие отцом подсудимого предварительной встречи. Евгений: Для нас важно было, что ведущий не берет ничью точку зрения, удерживает нейтральность.

После отказа потерпевшего участвовать в примирительной встрече я обсудил сложившуюся ситуацию вместе с Тамарой Константиновной. В ходе этих встреч для меня было важно поддержать намерения правонарушителя, направленные на примирение. Были обсуждены возможные варианты. Бабушка решила, что в данной ситуации наиболее целесообразным для Кости будет написать письмо Антону.

Точка перелома: звонок Тамары Константиновны маме потерпевшего. На мой взгляд, бабушка приняла наиболее верное решение – она позвонила маме потерпевшего, и разговор, со слов бабушки и матери, протекал примерно так:

Тамара Константиновна (бабушка): Здравствуйте, я бабушка Кости. Я хотела бы поговорить с Вами. Мой внук и я настроены на примирение. Костя тогда хотел подойти и извиниться, но постеснялся. Мы хотели бы встретиться с вами, извиниться, возместить ущерб.

Людмила Александровна (мама): Хорошо, я согласна.

Когда Людмила Александровна комментировала эти слова, она подчеркнула, что именно звонок Тамары Константиновны повлиял на ее решение. Она ждала, что мама или бабушка подсудимого сами проявят инициативу. После этого она еще раз вместе с сыном обсудила эту ситуацию, и в результате, они пришли к выводу, что примирение возможно.

Перелом в отношении мамы потерпевшего, по моей версии, произошел тогда, когда она услышала слова сожаления и извинения из уст другой стороны. Здесь важно, что это были не третьи лица (ведущий, адвокат, судья, прокурор и т.д.), а близкие родственники правонарушителя. Возможно, для мамы пострадавшего мальчика это явилось свидетельством признания несправедливости, которую она остро ощущала.

В то же время работа ведущего позволила потерпевшему почувствовать смысл примирения и его безопасность. Наличие ведущего, прозрачность процедуры примирения, понимание ее фаз и задач позволили потерпевшему и его маме действительно осознанно оценить необходимость примирительной встречи.

Я склоняюсь к мысли, что сразу после избития действительно нельзя было подходить к потерпевшему и его маме, которые были шокированы происшедшим. Но такая ситуация создала **инертность сознания подсудимого и его родственников**. Эту инертность, возможно, в силу воспитания и сохранения христианской традиции миролюбия, и переломила бабушка.

Адвокат о маме потерпевшего: Если сравнить, какой мать Антона была до суда и до этой встречи, то можно сказать, что она была слишком агрессивной. У нее было непримиримое, нетерпимое поведение. Какой матери понравится, если ребенка, хоть и не сильно, но побили? Естественно, понятна была ее реакция.

Первое судебное заседание не состоялось, и я, не зная о звонке бабушки, позвонил потерпевшим. Во мне боролись два чувства: стремление не навязываться и интуитивное ощущение, что примирение все же возможно. Действительно, как правило, если ведущий получил отказ от стороны на предварительной встрече, нет смысла опять звонить и спрашивать, поскольку это может напоминать упрашивание. Но золотое правило ведущего – предложить стороне подумать, превратить, если это возможно, категорический отказ, вызванный нередко враждебными эмоциями, непониманием или недоверием, в паузу для обдумывания. Это особенно важно в тех случаях, когда потерпевший или обвиняемый, не подумав, отказался, а затем жалеет, но не может дать обратный ход. Здесь уже люди, стремясь «сохранить лицо», подтверждают отказ, даже если в душе они за примирение.

Примирительная встреча. На встрече подросткам удалось неформально поговорить друг с другом, хотя они и чувствовали себя несколько стесненно в присутствии родителей. Родителей посадили сзади, чтобы они меньше могли влиять на ребят.

Хотя их разговор не отличался особой выразительностью, самое важное для примирения произошло. Костя высказал сожаление о случившемся, принес извинения, которые Антон принял. Конечно, нельзя по словам судить, имело ли в действительности место раскаяние. Но ведущий ориентируется не только на слова, но и на жесты, взгляды, телесные реакции, которые часто выражают то, что скрывается в

душе. На прощание Антон пожал Косте руку. Для меня этот знак свидетельствовал о том, что Антон почувствовал искренность Кости, что и позволило ему принять извинения.

Важным моментом встречи был вопрос об ответственности Кости. Возмещение ущерба (оплату лечения зуба и установки моста) оплатила бабушка. Я поставил вопрос о вкладе самого Кости. Внук и бабушка договорились, что Костя будет работать летом и отдаст бабушке деньги. Помочь Косте устроиться на работу обещал его отец, который заверил участников, что обещание Кости будет выполнено и что он проконтролирует возврат денег.

Одним из типичных моментов, затрудняющих примирения подростков, является враждебность родителей, возникающая на почве конфликта или криминальной ситуации с участием их детей. Часто встреча не происходит именно из-за того, что вступившие на арену борьбы родители пытаются помериться разного рода силой (адвокатами, связями). Родители подсудимых часто встают в глухую защиту своих детей, не давая им сделать самостоятельные шаги к примирению. Поскольку подростки материально зависимы от родителей, они смиряются с их точкой зрения. С другой стороны, такое выгораживание позволяет подросткам сохранить, если она есть, потребительскую позицию и к людям и к жизни. В такой ситуации, как правило, реальная ответственность, даже в случае судебного заседания, не наступает. Отсюда всего лишь один шаг до повторного преступления. Поэтому очень важно на встрече создать условия для примирения не только подростков, но и их родственников.

На встрече у Тамары Константиновны возник вопрос о том, почему их ситуацию нельзя было разрешить, договорившись без возбуждения уголовного дела. Людмила Александровна ответила, что ее действия были нормальной реакцией матери: охранник вызвал милицию, она написала заявление, так как была шокирована тем, что у ее сына разбит лоб и вы-

бит зуб. Однако, несмотря на возмущение, она ждала шагов к примирению со стороны родителей обидчиков.

Второе судебное заседание началось в отсутствие потерпевшего и его законного представителя. Судья заслушала адвоката, прочла примирительный договор и приобщила его к материалам уголовного дела. Затем она обратилась к участникам процесса с вопросом, можно ли рассмотреть уголовное дело без участия неявившихся лиц. Подсудимый и его адвокат предложили проводить судебное заседание без потерпевшего и его законного представителя. Но поскольку второй подсудимый не признавал себя виновным, государственный обвинитель был против проведения судебного заседания без потерпевшего и высказался за отложение слушания уголовного дела.

На **третьем судебном заседании** был заслушан потерпевший. Второй подсудимый, которой не признавал свою вину, был приговорен к условному осуждению. В отношении Кости дело было прекращено по ст.8 УПК РСФСР («Применение принудительных мер воспитательного воздействия»). Судом вынесено определение, в соответствии с которым к подростку были применены три меры воздействия: предупреждение, надзор родителей, ограничение досуга в виде запрета нахождения вне дома после 23 часов в течение года.

Некоторые выводы. Можно сказать, что ситуации, подобные описанной, редкость.

Во-первых, потому, что широкая практика прекращения уголовных дел по нереабилитирующим основаниям не поддерживается вышестоящими инстанциями органов уголовной юстиции. Во-вторых, если такие дела и прекращаются, возникает большое сомнение в действительном примирении сторон, которое чаще оказывается сделкой между участниками процесса. Ситуация, когда судья и прокурор учитывают мнение непосредственных участников криминальной

ситуации при принятии итоговых решений, является чаще исключением, чем правилом.

Один их главных аргументов противников примирения жертвы и правонарушителя является мнение о том, что деятельность по примирению – инструмент давления на потерпевших.

***Адвокат о подзащитном:** В суде Костя, мой подзащитный, говорил достойно. Не колотил себя отчаянно в грудь, не плакал. Достойно уточнял по просьбе адвоката свою точку зрения, свою позицию, свою оценку. Он поступал, как мгновенно повзрослевший молодой человек, который осознает неправоту своих поступков. Можно было понять, что он почувствовал, и его слову можно было верить. Прокурор был столь великодушен, что встал и поддержал ходатайство о прекращении уголовного дела в отношении Кости.*

***Стороны о судье. Тамара Константиновна:** Судья на меня произвела очень благоприятное впечатление. Когда судья предложила назначить дело на 29 июня, я сказала, что у сына день рождения, и тогда она поменяла дату. Чувствуется, что она умный и рассудительный человек. Была надежда, что судья действительно попытается вдумчиво отнестись к разбирательству. Так оно и оказалось.*

***Людмила Александровна:** Судья спросила, кто из адвокатов собирается в отпуск. Все ответили, что не собираются. Тогда я сказала, что собираюсь. Судья заявила: «Можете потерпеть». Мне было очень обидно. Как же так: мы потерпевшие, а нас игнорируют. Если говорить о суде, то там все было нормально. Все по существу, ничего лишнего. Если не было вопросов, предлагали высказаться, никого не перебивали и не затыкали рот.*

***Адвокат о судье:** Мне понравилась манера судьи. Я не делю судей на плохих и хороших, я делю на плохие и хорошие только приговоры, но это не важно. Она без лишнего надрыва вела суд, по головке не гладила, отнеслась ко всему спокойно.*

Адвокат: Вероятность того, что судья вынесет тот приговор, который вытекает из обвинительного заключения, всегда существует. Это нормальный житейский судебный подход. Но судья и прокурор были разумные люди, которые захотели выслушать тех и других, оценить доказательства. Самое главное, судья нашла в себе силы принять два отдельных документа (определение о прекращении уголовного дела и приговор), что тоже немало. Судье проще написать один приговор – одному и другому. Одному дать два года условно, второму один год, и все будет правильно, законно и обосновано.. Но здесь что-то помогло затронуть судьейскую и прокурорскую душу. Вы понимаете, что любой профессиональный долг можно исполнять по-разному. Можно исполнять все по закону «я прокурор – я только обвиняю» или остаться нормальным человеком и слушать доводы защиты, нормально смотреть на подсудимого. Это никаким законом не предписано, все зависит от человека, как он психологически настроен. И тем не менее, если бы Костя не примирился, посадить его никто бы не посадил, но полагающиеся два года условно он бы получил.

В конечном итоге, примирительная процедура оказалась бы выгодна не только подсудимым, но и потерпевшим, которые могут решить немедленно все свои материальные вопросы с обвиняемым, не дожидаясь суда. Даже если решение будет вынесено, вы представляете, сколько нужно времени, чтобы получить с подсудимого 1000 рублей, особенно если его отправляют в места лишения свободы.

Действительно, это возможно поскольку, официальное правосудие организовано так, что жертвы преступлений практически не защищены. Но, на мой взгляд, за такими рассуждениями стоят корпоративные интересы. Многие представители правоохранительных органов выступают против процессуально не предусмотренных встреч жертвы и правонарушителя, так как потерпевший может изменить

показания, что при наличии слабой доказательной базы повлечет необходимость вынесения оправдательного приговора, а это пошатнет статистику количества раскрытых преступлений. Во многих случаях примирение неприемлемо для тех адвокатов, которые предлагают обвиняемому отрицать свою вину, считая, что дело может быть прекращено за отсутствием состава преступления, то есть по реабилитирующему основанию.

Восстановительное правосудие существует именно для того, чтобы интересы жертвы принимались как первоочередные. В соответствии с этим положением, ведущий проводит примирительные встречи, нацеленные на исправление самим правонарушителем вреда, причиненного жертве. Важным принципом примирительных процедур является добровольность участия и самоопределение сторон относительно способа исправления последствий криминальной ситуации. Встреча строится так, чтобы она была безопасна для участников, содействовала исцелению жертвы и возникновению реальной ответственности правонарушителя в виде его собственного вклада в возмещение ущерба.

Центр «Судебно-правовая реформа» – первая организация в России, которая с 1997 г. практикует медиацию по уголовным делам и иницирует создание школьных служб примирения в России. В настоящее время центр «Судебно-правовая реформа» проводит медиацию по уголовным делам, конфликтам и программы восстановительного правосудия в образовательных учреждениях.

Сайт Центра: www.sprc.ru

Максудов Рустем Рамзиевич – президент Центра, телефон: 8 (916) 151 07 06, e-mail: makcrane@mail.ru

Приложение 2

Примерное положение о службе примирения в образовательном учреждении¹⁰⁴

1. Общие положения

- 1.1. Служба примирения является объединением учащихся и педагогов, действующим в образовательном учреждении на основе добровольческих усилий учащихся (воспитанников).
- 1.2. Служба примирения действует на основании действующего законодательства, Устава школы, настоящего Положения и Стандартов восстановительной медиации.

2. Цели и задачи службы примирения

- 2.1.1. Распространение среди учащихся, родителей и педагогов цивилизованных форм разрешения конфликтов.
- 2.1.2. Помощь в разрешении конфликтных и криминальных ситуаций на основе принципов восстановительной медиации.
- 2.2. Задачами службы примирения являются:
 - 2.2.1. Проведение примирительных программ (восстановительных медиаций, кругов сообщества, семей-

ных конференций и т. д.) для участников конфликтов и криминальных ситуаций.

- 2.2.2. Обучение школьников цивилизованным методам урегулирования конфликтов.
- 2.2.3. Информирование учеников, педагогов и родителей о принципах и ценностях восстановительной медиации.

3. Принципы деятельности службы примирения

- 3.1. Деятельность службы примирения основана на следующих принципах.
 - 3.1.1. Принцип добровольности, предполагающий как добровольное участие школьников в организации работы службы, так и обязательное согласие сторон, вовлеченных в конфликт, на участие в примирительной программе.
 - 3.1.2. Принцип конфиденциальности, предполагающий обязательство службы примирения не разглашать полученные в ходе программ сведения. Исключение составляет информация о возможном нанесении ущерба для жизни, здоровья и безопасности, а также примирительный договор (по согласованию с участниками встречи и подписанный ими).
 - 3.1.3. Принцип нейтральности, запрещающий службе примирения принимать сторону одного из участников конфликта. Нейтральность предполагает, что служба примирения не выясняет вопрос о виновности или невиновности той или иной стороны, а является независимым посредником, помогающим сторонам самостоятельно найти решение.

¹⁰⁴ Настоящее Положение разработано совместно с Антоном Коноваловым.

4. Порядок формирования службы примирения

- 4.1. В состав службы примирения могут входить школьники 7–11 классов, прошедшие обучение поведению примирительных программ.
- 4.2. Руководителем службы может быть социальный педагог, психолог или иной педагогический работник школы, на которого возлагаются обязанности по руководству службой примирения приказом директора школы.
- 4.3. Руководителем службы примирения может быть человек, прошедший обучение поведению примирительных программ.
- 4.4. Родители дают согласие на участие своих детей в деятельности службы примирения в качестве ведущих примирительных встреч.
- 4.5. Вопросы членства в службе примирения, требований к школьникам, входящим в состав службы, и иные вопросы, не регламентированные настоящим Положением, могут определяться Уставом, принимаемым службой примирения самостоятельно.

5. Порядок работы службы примирения

- 5.1. Служба примирения может получать информацию о случаях конфликтного или криминального характера от педагогов, учащихся, администрации школы, членов службы примирения, родителей.
- 5.2. Служба примирения принимает решение о возможности или невозможности проведения примирительной программы в каждом конкретном случае самостоятельно. При необходимости о принятом решении информируются должностные лица школы.
- 5.3. Примирительная программа начинается в случае согласия конфликтующих сторон на участие в данной программе. Если действия одной или обеих

сторон могут быть квалифицированы как правонарушение или преступление, для проведения программы также необходимо согласие родителей или их участие во встрече.

- 5.4. В случае если примирительная программа планируется, когда дело находится на этапе дознания, следствия или судебного разбирательства, о ее проведении ставится в известность администрация школы и при необходимости производится согласование с соответствующими органами внутренних дел или судом.
- 5.5. Переговоры с родителями и должностными лицами проводит руководитель службы примирения.
- 5.6. В сложных ситуациях куратор службы примирения принимает участие в программе (как правило, если в ситуации есть материальный ущерб, среди участников есть взрослые или родители, а также в случае криминальной ситуации).
- 5.7. В случае если конфликтующие стороны не достигли возраста 10 лет, примирительная программа проводится с согласия классного руководителя.
- 5.8. Служба примирения самостоятельно определяет сроки и этапы проведения программы в каждом отдельном случае.
- 5.9. В случае если в ходе примирительной программы конфликтующие стороны пришли к соглашению, достигнутые результаты могут фиксироваться в письменном примирительном договоре или устном соглашении.
- 5.10. При необходимости служба примирения передает копию примирительного договора администрации школы.
- 5.11. Служба примирения помогает определить способ выполнения обязательств, взятых на себя сторона-

ми в примирительном договоре, но не несет ответственности за их выполнение. При возникновении проблем при выполнении обязательств сторонами служба примирения может проводить дополнительные встречи со сторонами, помочь им осознать причины трудностей и пути их преодоления, что должно быть оговорено в письменном или устном соглашении.

- 5.12. При необходимости служба примирения информирует участников примирительной программы о возможностях других специалистов (социального педагога, психолога, имеющих на территории учреждений социальной сферы).
- 5.13. Деятельность службы примирения фиксируется в журналах и отчетах, которые являются внутренними документами службы.
- 5.14. Куратор службы обеспечивает мониторинг проведенных программ, проведение супервизий с медиаторами на соответствие их деятельности принципам восстановительной медиации.

6. Организация деятельности службы примирения

- 6.1. Службе примирения по согласованию с администрацией школы предоставляется помещение для сборов и проведения примирительных программ, а также возможность использовать иные ресурсы школы, такие как оборудование, оргтехника, канцелярские принадлежности, средства информации и другие.
- 6.2. Должностные лица школы оказывают службе примирения содействие в распространении информации о деятельности службы среди педагогов и школьников.

- 6.3. Служба примирения имеет право пользоваться услугами психолога, социального педагога и других специалистов школы.
- 6.4. Администрация школы содействует службе примирения в организации взаимодействия с педагогами школы, а также социальными службами и другими организациями. Администрация стимулирует педагогов обращаться в службу примирения или самим использовать восстановительные практики.
- 6.5. В случае если стороны согласились на примирительную встречу (участие в круге сообщества или семейной конференции), то административные действия в отношении данных участников конфликта приостанавливаются. Решение о необходимости возобновления административных действий принимается после получения информации о результатах работы службы примирения и достигнутых договоренностях сторон.
- 6.6. Администрация школы поддерживает участие куратора (кураторов) службы примирения в собраниях ассоциации (сообщества) медиаторов.
- 6.7. Раз в четверть проводятся совещания между администрацией и службой примирения по улучшению работы службы и ее взаимодействия с педагогами с целью предоставления возможности участия в примирительных встречах большему числу желающих.
- 6.8. В случае если примирительная программа проводилась по факту, по которому возбуждено уголовное дело, администрация школы может ходатайствовать о приобщении к материалам дела примирительного договора, а также иных документов в качестве материалов, характеризующих личность обвиняемого, подтверждающих добровольное возмещение иму-

щественного ущерба и иные действия, направленные на заглаживание вреда, причиненного потерпевшему.

7. Заключительные положения

- 7.1. Настоящее Положение вступает в силу с момента утверждения.
- 7.2. Изменения в настоящее Положение вносятся директором школы по предложению службы примирения или органов школьного самоуправления.

Приложение 3 Форма примирительного договора (договора о заглаживании вреда)

Имя, фамилия, отчество участников конфликта (обвиняемого)

Имя, фамилия, отчество стороны конфликта (потерпевшего)

Обвинение предъявлено по ст. *(в случае криминальной ситуации)*

Дата правонарушения *(в случае криминальной ситуации)*

Мы договорились, что

Проверять выполнение условий договора и уведомлять ведущих Программы примирения об их успешном завершении будет

- Возмещение ущерба (требуется, не требуется; возможно, не возможно)

Объяснение

Дальнейшие намерения

Мы поставили вопрос: «Как сделать так, чтобы в будущем это не повторилось?»

Участники встречи высказали по этому поводу следующее.

Участники пришли к выводу, что для изменения поведения _____ требуется программа реабилитации.

Программа реабилитации включает в себя следующее:

Проверять выполнение программы реабилитации будет

Организация дальнейших встреч:

Участники договорились о необходимости дальнейшей встречи.

Подписи участников встречи _____ Дата _____

Приложение 4 Форма регистрационной карточки

Куратор, получивший информацию:	
Источник информации о ситуации (Ф.И.О., должность, контактные данные):	
Дата передачи дела куратору:	
Информация о сторонах	
(Ф. И. О., возраст, адрес, телефон, школа (место работы), класс)	
Сторона конфликта	Сторона конфликта
Представитель	Представитель
(кем приходится, адрес, телефон)	(кем приходится, адрес, телефон)
Дата ситуации:	
Описание ситуации	
Дополнительная информация для ведущего (медиатора)	
Медиатор, принявший дело:	
Дата передачи дела ведущему:	
Примирительная встреча	
Дата проведения встречи:	Дата написания отчета:
Не проведена (причина):	

Приложение 5 Основные фазы работы медиатора

I. Основные блоки работы медиатора на встрече со стороной

1 фаза. Создание условий для диалога со стороной

Предварительная информация, определение места, договоренность о встрече

2 фаза. Начало диалога. Установление контакта

Представление медиатора (прояснение позиции медиатора)

3 фаза. Понимание ситуации

Предложение рассказать о ситуации. Помощь в формулировании последствий, наступивших в результате конфликтной или криминальной ситуации. В случае продолжительных взаимоотношений – помощь в формулировании проблем во взаимоотношениях

Предложение сформулировать стратегически важные приоритеты (целей, интересов), которых важно достичь (сохранить) в разрешении конфликтной или криминальной ситуации. Формулирование вопросов, интересующей сторону как основу для повестки дня будущей встречи

4 фаза. Поиск вариантов выхода

Предложение рассмотреть варианты выхода (рассмотрение вариантов решений и их возможных последствий). Обсуждение встречи сторон как пространства обсуждения и принятия решений

Фиксация вопросов, которые важно обсудить на встрече

5 фаза. Подготовка к встрече сторон

Объяснение правил, роли медиатора, фаз встречи, формирование повестки дня

II. Основные фазы работы медиатора на встрече со сторонами (примирительная встреча)

1 фаза. Создание условий для диалога между сторонами

Представление сторон, прояснение позиции медиатора, объявление цели, правил, фаз встречи, повестки дня

2 фаза. Организация диалога между сторонами

Предложение рассказать о ситуации и ее последствиях. Совместное определение проблем и стратегически важных приоритетов (цели, интересы) для сторон. Поддержка взаимопонимания в процессе диалога

Поддержка восстановительных действий (извинений, прощения) на встрече

3 фаза. Поиск вариантов выхода (вариантов заглаживания вреда)

Предложение высказать варианты решений (варианты заглаживания вреда) и их обсуждение

4 фаза. Обсуждение будущего

Проектирование конструктивных взаимодействий в будущих ситуациях (в случае необходимости)

5 фаза. Заключение соглашения

Фиксация пунктов будущего соглашения, обсуждение механизма реализации достигнутых договоренностей. Подписание итогового соглашения. Совместная рефлексия встречи

Приложение 6

Восстановительная медиация: организация и навыки работы медиатора (практическое руководство для тренеров)¹

Данное практическое руководство описывает компоненты работы тренера в тренинге по обучению медиаторов в программах восстановительной медиации². Методика описывает подготовку медиаторов для проведения медиации жертвы (потерпевшего) и обидчика (обвиняемого).

Требование к квалификации тренера:

- тренер должен пройти подготовку в качестве медиатора в программах восстановительной медиации;
- тренер по медиации должен быть практикующим медиатором, иметь опыт работы в качестве медиатора не менее 1 года и провести не менее 10 медиаций;
- знать основные работы по восстановительному разрешению конфликтов и криминальных ситуаций.

Методика проведения тренинга

Автор руководства придерживается представления, что передача текстов только в форме лекций или презентаций не служит освоению роли медиатора для дальнейшей практической работы. В связи с этим тренинг представлен как набор учебных ситуаций, пройдя которые участники смогут усвоить и в дальнейшем использовать полученные знания – знания как навыки и знания как понятия и представления.

¹ Данное руководство подготовлено по заказу общественного фонда «Лига защитников прав ребенка» (Кыргызская Республика) при поддержке Центра ОБСЕ в Бишкеке.

² В настоящем пособии используются материалы, разработанные совместно с Антоном Коноваловым.

На тренинге организуется ряд проблемных для слушателей ситуаций. Работая в группах, они ищут решение, потом обсуждают его на общем круге, а тренер выступает в четырех ролях, прежде всего:

- как организатор учебных ситуаций;
- консультант для разрешения ситуаций, возникших в ходе тренинга;
- демонстратор навыков медиатора в учебных ситуациях;
- лектор, представляющей идею и технологию, а также международный опыт в области медиации в форме мини-лекций.

Базовый тренинг по восстановительной медиации состоит из четырех блоков:

- критический анализ в активной форме (работа в малых группах) существующей системы реагирования на конфликты и криминальные ситуации в регионе. Данный анализ помогает осознать необходимость работы медиатора;
- освоение принципов и ценностей восстановительного разрешения конфликтов и криминальных ситуаций, роли медиатора в программах восстановительной медиации;
- упражнения на освоение коммуникативных навыков, необходимых медиатору для работы;
- проигрывание навыков медиатора в малых группах на примере реальных ситуаций;
- проектирование работы медиатора на местах (информационно-просветительская деятельность, каналы получения информации о конфликтах и криминальных ситуациях и т. д.).

Работа на тренинге в активной форме означает следующее. Участники разбиваются на группы, в каждой из которых определяются роли участников конфликтной или криминальной ситуации и медиаторов. Исполнение ролей

персонажей конфликтной или криминальной ситуации очень полезно, поскольку позволяет выйти за рамки своих профессиональных позиций и прочувствовать других людей, которые, как правило, оказываются «клиентами» и в обыденной жизни отгорожены ролевыми барьерами.

В группах участники придумывают сюжеты ситуаций, типичные для сферы, из которой они пришли. Далее садятся в общий круг, и каждая группа внутри круга показывает работу медиатора. Это называется работать в форме «аквариума». В ходе демонстрации группой своей работы тренер делает остановки и проводит анализ работы медиатора. Данный анализ предполагает выделение тренером способов работы медиаторов, идей, находок и ошибок, которые демонстрируют участники тренинга, пытающиеся освоить роль медиатора. Тренер втягивает участников в обсуждение и поддерживает наиболее важные и интересные точки зрения, ставит проблемные вопросы, консультирует и демонстрирует в тупиковых ситуациях работу медиатора.

В ходе тренинга участникам демонстрируются учебные фильмы, раздаются методические материалы.

Материалы для проведения тренинга и расходный материал

- Раздаточный материал
- Доска
- Флипчарт или ватман
- Маркеры
- Ножницы
- Скотч
- Тетради и/или бумага белая А4

Необходимое оборудование

1. Мультимедиа-проектор
2. Экран

3. Компьютер
4. Колонки

Первый день

- 09.00–10.00. Открытие семинара-тренинга, знакомство. Ожидания от тренинга.
- 10.00–13.00. Конфликты в детской среде, общественно-опасные деяния и преступления несовершеннолетних. Как реагируют семьи, школа, дети, общество и государство на конфликты. Работа в группах. Общее заседание.
- 10.00 – 13.00 Структура работы в малых группах и дискуссии:

Блоки	Содержание и особенности проведения блока
Цель	Критически проанализировать реакцию семьи, школы, детей, общества и государства на конфликты в детской среде, общественно-опасные деяния и преступления несовершеннолетних
Вводная	Задание для работы в группах: 1) рассказать и, по возможности, разыграть в сценках то, как сегодня работают специалисты с конфликтами и криминальными ситуациями с участием подростков, а также как сами дети разрешают конфликты и последствия этого для людей и общества; 2) дать задание записать на ватмане, что не нравится в том, как взрослые и дети разрешают конфликты, и последствия такого разрешения.

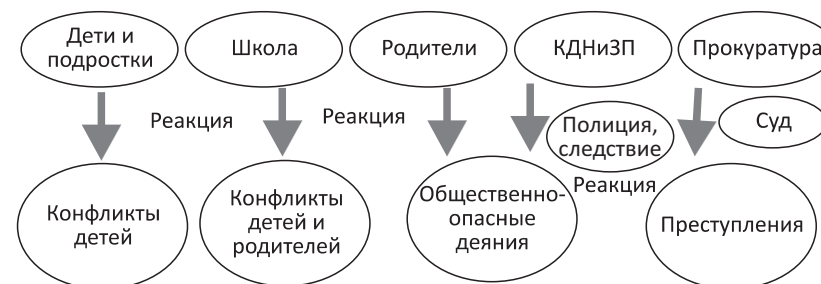
Блоки	Содержание и особенности проведения блока
Разбивка на группы	Разбивка на группы по 5–7 человек и назначение ответственного выступающего за презентацию работы в группах. Выступающему важно резюмировать содержание работы группы, а не собственный взгляд
Работа в группах	Тренер во время работы групп отслеживает процесс, помогает преодолевать ситуации, когда группа зашла в тупик

Смысл введения данного блока в общем контексте тренинга. Для восприятия идеи и технологии восстановительной медиации важно задать контекст их использования. Этим контекстом являются разрушительные для отношений людей последствия, которые возникают в тех случаях, когда представители правоохранительных органов и педагоги репрессивным и обезличенным способом реагируют на конфликты и криминальные ситуации.

Схема работы

- Важно выбрать криминальную ситуацию, где есть жертва и правонарушитель.
- Описать или разыграть конфликт/криминальную ситуацию.
- Часто специалисты говорят, что они хорошо обращаются с подростками, примиряют и т. д. В ответ на это можно попросить участников показать, как они это делают, и дать оценку этой работе с точки зрения последствий для конфликтующих сторон, потерпевших, родителей. Если участники демонстрируют работу, близкую к медиации, можно отметить это как положительный момент.

Для объяснения задания можно на ватмане нарисовать следующую схему:

Далее можно попросить группы взять для анализа реакцию того или иного сообщества, группы, учреждения или организации на конфликтную/криминальную ситуацию.

13.00–14.00. Обед.

14.00 – 15.00. Упражнение «Стереотипы»

Цель: продемонстрировать создание стереотипов другими. Усилить осознание собственных стереотипов. Помочь взглянуть на то, как мы создаем жесткость в нашем восприятии других и как мы можем смягчить эту жесткость.

Материалы: стулья для всех и место для работы в малых группах. Блокнот и карандаш для каждой группы, большой лист на стене с 4 вопросами для двух команд.

Последовательность

Тренер объявляет, что люди имеют тенденцию оказываться в одной из двух групп по своему подходу к реакции на преступление:

- обвинители, которые выступают за строгое наказание несовершеннолетних;

– защитники, которые выступают за оправдание несовершеннолетних.

Люди первой группы, обвинители, склонны во всем обвинять правонарушителя, не обращая внимания на ситуацию, в которой он оказался (семейная ситуация, особенности характера и т. д.), а люди второй группы – защитники – склонны оправдывать правонарушителя.

Затем тренер обозначает для двух команд (обвинители и защитники) пространство в зале и просит каждого определиться, какую группу он будет представлять, и объединиться с остальными участниками выбранной группы в предназначенном для них месте. После этого тренер просит группы ответить на следующие вопросы, написанные на большом листе:

- Как ваша группа характеризует другую группу?
- Как ваша группа характеризует себя?
- Как вы думаете, как другая группа характеризует вас?
- Как другая группа характеризует себя?

Общее время на размышления и написание ответов на эти вопросы составляет 12–15 минут (по три минуты на каждый вопрос).

Затем каждая группа оглашает свои ответы на вопросы поочередно с другой группой: ответ на первый вопрос первой группы, а потом второй; ответ на второй вопрос первой группы, а потом второй и т. д.

Далее каждая группа обсуждает в течение 5 минут, насколько точным или неточным было их восприятие другой группы и какую роль могли сыграть их стереотипы восприятия другого образа мышления, а также ограниченность информации об источниках и причинах другой точки зрения.

После этого все возвращаются в большой круг для обсуждения приобретенного опыта в ходе выполнения данного упражнения. Может возникнуть необходимость назвать и обсудить сильные чувства (агрессия, обида, злость), кото-

рые были вызваны этим упражнением. Изменился ли взгляд участников на подход к вопросу о преступлении после того, как другие высказали иные точки зрения и объяснили их? Какую пользу участники извлекли для себя? Можно указать, если этого не сделают сами участники, что получение большей информации о позиции человека и причинах ее появления помогает более объективно подойти к анализу поставленного вопроса и т. д.

15.00–16.00. Воспитательная практика в отношении проступков детей и подростков. Работа в малых группах и дискуссия.

Блоки	Содержание и особенности проведения блока
Смысл блока. Связка с другими блоками	Опора на личный опыт в понимании наказания
Цель	Выделить собственный семейный опыт разрешения конфликтных и криминальных ситуаций для понимания иной, чем наказание, цели разрешения конфликтов и криминальных ситуаций
Вводная	Объявить цель и раздать вопросы участникам
Разбивка на группы	Группы разбиваются в свободном порядке по 5–7 человек
Работа в группах	Дать ватман и попросить записать ответы на ватмане. Тренер во время работы групп отслеживает процесс, помогает преодолевать ситуации, когда группа зашла в тупик

Блоки	Содержание и особенности проведения блока
Пленарные выступления и дискуссия	Эмоционально поддерживать групповую и индивидуальную динамику. Во время пленарного заседания поддерживать дискуссии и в то же время не давать отвлекаться от темы. Определить важнейшую роль любви и принятия, а не наказания в воспитании детей
Подведение итогов	Выделить цель в разрешении конфликтов и криминальных ситуаций: – принятие и поддержка позитивных сторон подростков; – обсуждение последствий поступков подростков; – взятие на себя ответственности за совершенные поступки и заглаживание нанесенного вреда

Вопросы для работы в группах

1. Если вы совершали проступки в детстве и подростковом возрасте и о них узнавали, какие меры применяли к вам, и вы чаще всего применяете к вашим детям?

3. В каких случаях действовало наказание, а в каких случаях – другие меры?

4. Какие меры, иные, чем наказание, применялись к вам?

5. Как по отношению к вам вели себя родители (и вы ведете себя по отношению к своим детям) после наказания?

16.00–16.15. Перерыв на кофе

16.1–18.00. Продолжение работы

Информационный материал для введения позиции медиатора можно взять в данной книге.

17.30–18.00. Подведение итогов работы дня. Общий круг.

Второй день

09.00–10.00. Обмен впечатлениями о предыдущем дне

10.00–11.30. Восстановительное разрешение конфликтов и криминальных ситуаций. Лекция и обсуждение. Тренер рассказывает о принципах восстановительного правосудия как основания деятельности медиаторов. Затем он раскрывает роль восстановительного правосудия в работе с подростками, их семьями и потерпевшими, принцип ответственности правонарушителей и его отличие от принципа неотвратимости наказания. Как в целом восстановительное правосудие может помочь изменить ситуацию по отношению к исправлению правонарушителей, исцелению жертв преступлений, включению сообществ и ближайшего социального окружения в процесс заглаживания вреда.

11.00–11.30. Просмотр с дальнейшим обсуждением видеофильма «Восстановительное правосудие».

11.30–11.45. Перерыв на кофе

11.45–13.00. Ролевая игра «Посредник». Обсуждение в общем круге.

Блоки	Содержание и особенности проведения блока
Вводная	Участники делятся на группы по три человека. Два человека берут на себя роли конфликтующих сторон, один пытается разрешить конфликт. Могут быть конфликты между детьми, между детьми и педагогами, между родителями. Каждой группе дается 15 минут на разрешение конфликта
Разбивка на группы	Неведомственная разбивка на группы
Работа в группах	Тренер во время работы групп отслеживает процесс, помогает преодолевать ситуации, когда группа зашла в тупик
Пленарные выступления и дискуссия	Обсуждение работы посредников. Стороны в разыгрываемом конфликте рассказывают, удалось ли посреднику соблюдать нейтральность, не советовать, не быть адвокатом, прокурором и судьей
Подведение итогов	Подведение итогов по содержанию и по процессу

13.00–14.00. Обед

14.00–16.00. Роль медиатора. Работа в малых группах и дискуссия.

Блоки	Содержание и особенности проведения блока
Вводная часть	Цель: обсудить роль медиатора и этапы медиации. На ватмане зафиксировать, как участники понимают роль медиатора и этапы медиации: что нужно медиатору делать на этапе предварительных встреч и на этапе примирительной встречи
Разбивка на группы	Участники разбиваются на группы по 5–7 человек по случайному признаку
Работа в группах	Тренер во время работы групп отслеживает процесс, помогает преодолевать ситуации, когда группа зашла в тупик
Пленарные выступления и дискуссия	Обсуждение принципов и роли медиатора. Нейтральность, поддержка сторон. Медиатор не выносит решений, не является адвокатом, прокурором и судьей
Подведение итогов	Подведение итогов по содержанию и по процессу

16.00–16.15. Перерыв на кофе

16.15–18.00. Мини-тренинг по коммуникативным навыкам.

В ходе проведения тренинга участники сталкиваются с проблемой реализации роли медиатора, которая часто возникает из-за того, что участникам недостает необходимых коммуникативных навыков. Во второй половине второго дня происходит их отработка.

Упражнения на активное слушание в рамках подготовки медиаторов

Участникам в каждом упражнении предлагается разделиться на пары: один рассказывает историю из своей жизни, второй ее слушает. Участники меняются в ходе выполнения упражнения ролями. Далее, после завершения каждого упражнения, участники садятся в общий круг и делятся опытом участия в упражнении. С самого начала тренер предлагает не рассказывать о самих историях, соблюдая конфиденциальность, а лишь описать, что получилось или не получилось в ходе выполнения упражнения.

Упражнение 1. Пассивное слушание истории. Тренер рассказывает о пассивном слушании

- Техника пассивного слушания (слушать все время молча, не перебивая). Важно сохранять контакт глаз.
- При пассивном слушании сохраняется доброжелательное внимание к человеку (в том числе в позе и жестах, расположении в пространстве, интонации и пр.).

После проведения каждого упражнения проводится общий круг, где обсуждаются вопросы:

1. Хотелось ли вам продолжать рассказ?
2. Что вам помогало продолжать рассказ?
3. Что вам мешало продолжать рассказ?
4. Ваши пожелания слушающему?

Тренер выписывает на ватмане, что мешало и что помогало.

Упражнение 2. Конкретизация, перефразирование и резюмирование рассказываемой истории

В ходе упражнения необходимо использовать приемы конкретизации, перефразирования и резюмирования.

Конкретизация. Тренер рассказывает, что данный прием в ходе задавания уточняющих вопросов помогает прояснить

видение человеком ситуации, его позиции и понимание последствий ситуации. Участникам предлагается слушать и задавать конкретизирующие вопросы открытого типа (не предполагающие ответ «да» или «нет») по поводу того, что непонятно или не очень понятно, и вызывает интерес.

Перефразирование. Перефразировать – значит сказать ту же мысль собеседника, но другими словами. Этот приём помогает удостовериться, насколько точно мы «расшифровали» слова собеседника, и продолжать общение дальше с полной уверенностью, что до сих пор всё понято правильно. Перефразирование уместно, когда говорящий сделал паузу и собирается с мыслями, думает, о чём говорить дальше. Наше повторение его слов в такой ситуации не только не собьёт его с толку, но, наоборот, послужит фундаментом, от которого он сможет оттолкнуться, чтобы двигаться дальше.

Перефразирование можно начинать следующими фразами:

- Если я правильно вас понял, вы предлагаете...
- То есть вы считаете, что...
- Верно ли я вас услышал, что...
- Другими словами, вы считаете, что...
- Правильно ли я тебя понял, что... и т. д.

Резюмирование. Резюмирование происходит тогда когда слушающий разделяет то, что ему рассказывают, на содержательные блоки, и в конце каждого блока проверяет свое понимание посредством пересказа говорящему, и начинает свой пересказ с вопроса «Правильно ли я понял, что...».

Упражнение 3. Отражение состояний людей

Техника отражения состояний – это отражение и словесное обозначение вербально или невербально выраженных человеком эмоций (произошедших в прошлом, переживаемых в настоящий момент или предполагаемых в будущем), чтобы облегчить их проживание и осмысление. Отражение

чувств поощряет прямое выражение чувств, помогает человеку войти в более полный контакт с тем, что он говорит и чувствует в данный момент. При отражении чувств основное внимание уделяется не содержанию сообщения, а чувствам собеседника, эмоциональной составляющей его высказываний.

Происходит работа в парах, где один из участников рассказывает свою историю, второй применяет прием «отражение». Этот прием используется в работе с сильными эмоциональными состояниями людей в следующем порядке:

- выслушивание человека;
- реконструкция состояния;
- словесное выражение (отражение) состояния.

Не рекомендуется использовать категоричное суждение: «Я знаю, что вы чувствуете».

Предлагается использовать вопросы с отражением состояний людей:

- «Вы чувствуете себя раздраженным, обиженным, оскорбленным и т. д....».
- «Мне кажется, что вы испытываете...».
- «Вероятно, вас это очень расстроило...».

Упражнение 4. Прояснение стратегических приоритетов в ситуации (ценностей, целей, интересов) и проблем, ее вызвавших

Здесь слушающий доброжелательно и безоценочно спрашивает, к каким последствиям приведет (привели, еще могут привести) те или иные действия, устраивает ли это собеседника с точки зрения его ценностей и «стратегических ориентиров» (ценности, интересы, цели, проблемы). Происходит прояснение интересов, позиций, проблем, целей говорящего.

Вопросы на прояснение интересов

Почему это для Вас так важно?

Что побуждает Вас выдвинуть такие предложения?

Чего Вы хотите достичь в будущем за счет этого?

Что для Вас важно в отношениях с вашими коллегами, начальством, близкими?

Упражнение 5. Поиск решения

В том упражнении можно продолжить рассказываемую историю. Данное упражнение учит слушающих не навязывать собственное решение, а поощрять к поиску вариантов решений говорящего. Важно задавать вопросы слушающему на последствия решений, варианты решений, реализуемость решений.

Принципы активного слушания

А. Задавание вопросов – принцип ненавязывания готового решения и оценки действий (или ситуации) собеседника, а также принцип выявления истинных интересов.

Б. Самоконтроля – принцип сдерживания себя от спонтанных реакций.

В. Перевод конфронтации в признание чувств – принцип выявления чувств, мотивов, потребностей, стоящих за позицией.

Г. Нейтральность – принцип отказа от вербального выражения своих установок и стереотипов.

Третий день

09.00–10.00.	Обмен впечатлениями о предыдущем дне
10.00–11.00.	Проведение встречи медиатора с каждой стороной поотдельности
11.00–11.15.	Перерыв на кофе
11.15 – 13.00.	Проведение встречи медиатора с каждой стороной поотдельности. Продолжение
13.00–14.00.	Обед

- 14.00–16.00. Проведение встречи медиатора с каждой стороной поотдельности. Продолжение
 16.00–16.15. Перерыв на кофе
 16.15–18.00. Проведение встречи медиатора с каждой стороной поотдельности. Окончание

Блоки	Содержание и особенности проведения блока
Вводная часть	Цель: ввести участников в особенности процесса проведения медиатором встреч с каждой стороной поотдельности – этапы, фазы и типовые трудности, возникающие в различных ситуациях на предварительных встречах; закрепить начальные базовые навыки
Объяснение порядка дальнейшей работы	Тренер предлагает всем участникам выбрать сюжеты для ролевых игр. Это могут быть и конфликты, и криминальные ситуации. Например, кража мобильного телефона, вымогательство, драка (нанесение телесных повреждений), конфликт с учителем, конфликты детей, изгой в классе и т. д. Далее тренер на доске записывает сюжеты и объясняет работу в «аквариуме». Тренер раздает участникам описание фазы встречи со стороной и объясняет особенности проведения предварительных встреч
Разбивка на группы и работа в группах	Участники разбиваются на группы по 5–7 человек по случайному признаку. В группах выбирают сюжеты ситуаций, типичные для сферы, из которой они пришли

Блоки	Содержание и особенности проведения блока
	Затем выбирают роли участников конфликтной или криминальной ситуации и медиаторов. В группах участники не начинают проигрывать работу медиатора, а только выбирают сюжеты и роли
Работа в «аквариуме»	Далее по очереди каждая группа садится в центр общего круга и показывает работу медиатора на предварительной встрече сначала с одной стороной, потом с другой. Это называется работать в форме «аквариума». В этот день участники не проводят примирительные встречи
Работа тренера	В ходе демонстрации работы медиатора тренер делает остановки и проводит анализ работы медиатора. Данный анализ предполагает выделение тренером способов работы медиаторов, идей, находок и ошибок, которые демонстрируют участники тренинга в процессе освоения роли медиатора. Тренер втягивает участников в обсуждение и поддерживает наиболее важные и интересные точки зрения, ставит проблемные вопросы, консультирует и демонстрирует в тупиковых ситуациях работу медиатора. Затем тренер обсуждает типичные проблемы начинающих медиаторов (см. подробнее материал для занятия)
Подведение итогов	Подведение итогов по содержанию и по процессу

Для обсуждения работы медиаторов можно использовать материал данной книги.

Типичные проблемы участников тренинга по медиации

I. Удержание нейтральности (многие участники тренинга, работавшие в ролевых играх, отмечали, что с трудом сдерживаются от того, чтобы не начать как-то особенно защищать правонарушителя, играя роль его адвоката, или, напротив, оказываются в роли морализатора или обвинителя, пытающегося пробудить у правонарушителя совесть).

II. Сдерживание оценочных и поучающих суждений (это прямо относится и к первой проблеме, но часто продиктовано не столько отсутствием нейтральности, сколько опытом прошлой работы с конфликтными и криминальными ситуациями, неумением пользоваться иными приемами, кроме тех, которые используются в профессиональной работе, а также тем, что знают с детства от родителей и учителей).

III. Удержаться от навязывания решения проблемы, попытки «помочь советом» (один из самых сложных навыков, который должен освоить человек, работающий с конфликтной ситуацией, – это отказать от навязывания своего решения проблемы собеседнику).

Четвертый день

- 09.00–10.00. Обмен впечатлениями о предыдущем дне
 10.00–11.00. Работа медиатора на встрече с обеими сторонами (примирительная встреча)
 11.00–11.15. Перерыв на кофе

- 11.15–13.00. Работа медиатора на встрече с обеими сторонами (примирительная встреча). Продолжение
 13.00–14.00. Обед
 14.00–16.00. Работа медиатора на встрече с обеими сторонами (примирительная встреча). Продолжение
 16.00–16.15. Перерыв на кофе
 16.15–18.30. Работа медиатора на встрече с обеими сторонами (примирительная встреча). Окончание

Блоки	Содержание и особенности проведения блока
Вводная часть	Цель: ввести участников в особенности процесса проведения встречи с обеими сторонами (примирительная встреча), фазы встречи и типовые трудности, возникающие в различных ситуациях на данных встречах; закрепить начальные базовые навыки
Объяснение порядка дальнейшей работы	Тренер раздает описание фазы встречи медиатора с обеими сторонами (примирительная встреча), правила встречи и объясняет особенности проведения примирительной встречи
Работа в «аквариуме»	Каждая группа продолжает работу в «аквариуме» и проводит примирительную встречу
Работа тренера	В ходе демонстрации работы медиатора тренер делает остановки и проводит анализ работы медиатора. Тренер обсуж-

Блоки	Содержание и особенности проведения блока
	<p>дает типичные проблемы, возникающие на встрече сторон: возможна эскалация конфликта и оскорбительные замечания. Тренер объясняет, как можно преодолеть эту ситуацию:</p> <ul style="list-style-type: none"> • напоминать о правилах; • работать по трансформации «ты-сообщений» в «я-сообщения»; • поговорить с участниками наедине
Подведение итогов	Подведение итогов по содержанию и по процессу

В качестве раздаточного материала для проведения медиатором встречи с обеими сторонами можно использовать Порядок работы медиатора, описанный в данной книге (также см. приложение 5).

Пятый день

- 09.00–10.00. Обмен впечатлениями о предыдущем дне
 10.00–11.00. Знакомство с зарубежным опытом восстановительного правосудия. Новая Зеландия. Просмотр видеофильма «Случай из практики ювенальной юстиции маори». Обсуждение фильма
 11.00–11.15. Перерыв на кофе
 11.15–13.00. Знакомство с зарубежным опытом восстановительного правосудия. Бельгия. Просмотр видеофильма «Медиация в фокусе». Обсуждение фильма
 13.00–14.00. Обед

- 14.00–16.00. Организация работы медиаторов. Работа в группах и общее обсуждение
 16.00–16.15. Перерыв на кофе
 16.15–17.30. Создание и поддержка служб примирения в различных учреждениях и организациях
 17.30–18.00. Заключительный круг. Обмен мнениями о тренинге

Блоки	Содержание и особенности проведения блока
Знакомство с зарубежным опытом восстановительного правосудия	Цель: познакомить участников с опытом проведения медиации в Европе и разными моделями восстановительного правосудия: круги сообществ (круги примирения), семейные конференции
Работа тренера	Тренер рассказывает об особенностях кругов сообществ (кругов примирения) и семейных конференциях. Далее демонстрируются фильмы «Случай из практики ювенальной юстиции маори» и «Медиация в фокусе». После просмотра организуется обсуждение видеофильмов
Организация работы медиаторов	Цель: обсудить различные варианты организации работы медиаторов
Работа тренера	Тренер организует работу в группах по 5–7 человек. Группы обсуждают различные варианты организации работы медиаторов и записывают на ватмане результаты работы групп. Далее на общем заседании группы докладывают о проделанной работе

Блоки	Содержание и особенности проведения блока
Создание и поддержка служб примирения	Цель: обсудить идею служб примирения и организовать работу в группах по поддержке создания и работы служб примирения
Работа тренера	Тренер рассказывает о службах примирения. Затем тренер организует работу в группах, в процессе которой группы должны ответить на следующий вопрос: «Как участники могут поддержать создание и работу служб примирения?». Для ответа на вопрос можно использовать схему основных элементов службы примирения, работающей с подростками (см. схему 14 на стр. 168 данной книги)

Информационный материал о моделях восстановительного правосудия можно использовать из данной книги.

Ролевые игры для снятия напряжения

«Горячая картофелина»

Играющие стоят в широком кругу. «Горячей картофелиной» будет легкий шарф. Он «горячий», и поэтому его никто не может удержать. Как только один из играющих получит шарф, он должен передать его или бросить кому-нибудь в кругу. Одного игрока выбирают «водящим», он пытается поймать шарф в воздухе или дотронуться до человека с шарфом. Если ему удастся сделать это, тогда последний игрок, коснувшийся «горячей картофелины», становится водящим.

«Салки в патоке»

Играется как в обычные салки (один водит и салит другого, который становится водящим). Отличие лишь в том, что все движения должны быть утрированно замедленными, как будто участники плавают в патоке.

«Вы мне нравитесь, но я просто не могу улыбнуться»

Человек, который водит, сидит на стуле с мрачным выражением лица. Один за другим игроки пытаются его рассмешить. Водящему запрещается смеяться. Вместо этого он на все попытки его рассмешить отвечает словами: «**Вы мне нравитесь, но я просто не могу улыбнуться**». Произнося это, он в свою очередь смешит другого игрока. Если водящий засмеялся, он выбывает из игры, а тот, кто его рассмешил, занимает место водящего. И так продолжается, пока не рассмеются все.

Приложение 7 Рустем Максудов. Лекция о семейных конференциях¹

Рустем Максудов (далее – Р.М.): Несколько слов о концепции семейной конференции. И начну я с контекстов, которые важно учитывать при проведении семейных конференций. В отношении восстановительного подхода в разрешении конфликтов существует некоторая двойственность. С одной стороны, мы говорим, что это родилось на Западе, а с другой стороны, мы спрашиваем: а почему это зародилось на Западе? Потому что на Западе была критика институтов, которые вмешиваются в жизнь семьи и детей, способствуют воспроизводству тюремного населения и, как следствие, распространению того, что Мишель Фуко² назвал дисциплинарным обществом, а Жиль Делез³ – обществом контроля, все большим и большим расширением контроля за человеческим поведением в условиях кризиса традиционных институтов социального контроля, например, семьи и общины, которые традиционно контролировали поведение человека.

Но такая ситуация возникла не случайно, она исторически складывалась. Молодая семья, испытывающая трудности, в современном городе, особенно в мегаполисе, зачастую проживает не со своими близкими родственниками, порой

редко с ними встречается, не обсуждает свои проблемы и часто не надеется на помощь. В этой ситуации справиться с жизненными обстоятельствами своими силами без помощи извне бывает трудно.

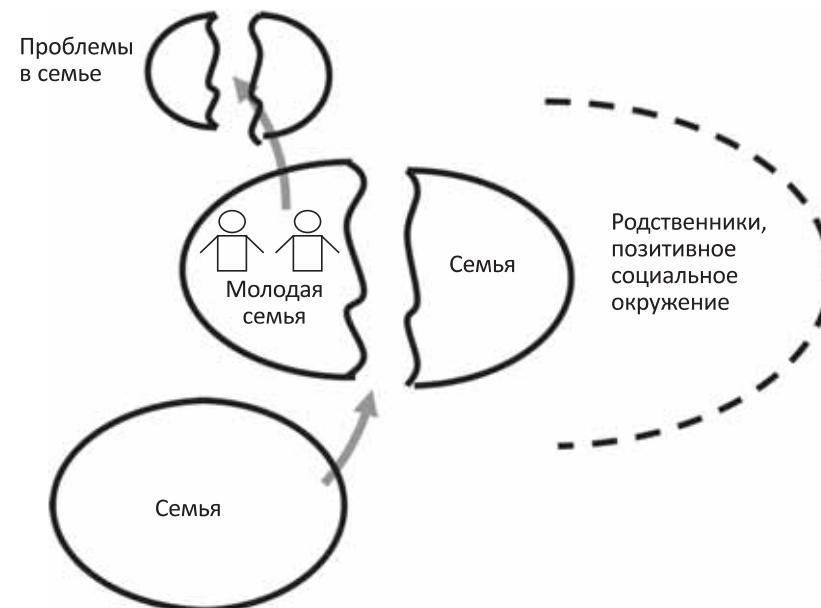

Схема 1. Ситуация семьи в современном городе

Помощь приходит от государства. С одной стороны, в виде бесплатной психологической поддержки, и это действительно многим помогает. С другой – со всеми присущими государству атрибутами в виде обезличенного характера действия, палочно-галочной системы и т. д. И здесь важно возвратиться к идеям, о которых говорили Иван Иллич⁴ и

¹ Лекция прочитана на семинаре по повышению квалификации специалистов АНО «Восхождение» в Череповце 29 ноября 2012 г.

² См.: Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., 1999.

³ См.: Жиль Делез. Общество контроля. PostScriptum // М.: Элементы. 2000. № 9.

⁴ См.: Иван Иллич. Освобождение от школ. Пропорциональность и современный мир. М.: Просвещение, 2006.

Нильс Кристи⁵, что наше общество представляет собой общество монополистов на решение задач. Постоянно возникают все новые и новые группы экспертов, заявляющие право на монопольное решение тех или иных задач. Такой группой экспертов являются юристы. С претензией на такую же группу сейчас постепенно выступают представители социальных служб, как обладающие теперь уже определенным социальным знанием. То есть появляется сословие людей, которых в университетах обучают социальной работе, учат определять проблемы в семьях и решать их. В этом смысле реабилитационный подход заключается в проведении диагностики, выяснении проблемы и разработке реабилитационной программы. Отсюда идея кейс-менеджмента: есть кейс-менеджер, который работает со случаем, он управляет этим процессом, деятельностью разных служб и ведет ребенка. Предполагается, что в результате такого кейс-менеджмента выявляются проблемы и делаются попытки их решения с помощью специалистов. В этом суть реабилитационного подхода. Вопрос, который разделяет восстановительный и реабилитационный подходы, заключается в следующем: кто принимает ключевое решение, когда ребенок/подросток оказался в трудной жизненной ситуации?

В реабилитационном подходе решение принимают специалисты. Они знают, что надо делать: изъять – не изъять, помочь – не помочь, догнать – не догнать, причинить добро – не причинить добро. Отсюда неприятие данного подхода со стороны околоправославных кругов. Почему именно околоправославных? Если вы почитаете последние тексты, в том числе и Московской патриархии, то она вроде бы за особое правосудие для несовершеннолетних. Но околоправославные круги не приемлют в принципе идею вмешательства

⁵ См.: Кристи Н. Конфликты как собственность // Правосудие по делам несовершеннолетних. Перспективы развития. Вып. 1. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 1999.

в семью со стороны социальных служб в определенных рамках: в рамках заботы о безопасности ребенка, о правах ребенка, потому что это некая конкуренция со структурой, которая претендует на духовное воспитание в православной идеологии (приоритет семьи и главенство родителей над детьми). Эта тема, связанная с компанией против ювенальной юстиции, чаще всего подается в различных ток-шоу без всякого понимания – журналисты любят нагнетать страсти и возбуждать людей. В лучших традициях советской интеллигенции, которая «Пастернака не читала, но осуждает», представители «передовой части» уже теперь постсоветской интеллигенции, не разбираясь, не анализируя глубоко этот опыт, изобрели «врага народа». И вот начинается манипуляция терминами из лексикона сталинской эпохи: «ювенальный фашизм», «пятая колонна», «разрушение страны». Конечно, это удобнее, чем реформировать деятельность органов опеки, систему правосудия для несовершеннолетних, систему колоний для несовершеннолетних, интернатов, разрабатывать проекты изменения того, что нас не устраивает, реально работать с заброшенными детьми и пьющими родителями. Проще изобрести «врага народа», начать его травить, а потом получать политические дивиденды, выступать на радио, делать заявления в СМИ.

В то же время нам надо понимать, в каком направлении двигаться, если существующее положение вещей в области работы с детьми и семьями нас не устраивает. Было бы странно, если бы мы при этом не изучали опыт других стран, плюсы и минусы, не оценивали, что можно взять, а чего брать не надо, какие положительные и негативные моменты существуют в странах, где есть ювенальная юстиция.

Мои встречи и знакомство с представителями социальных служб, показывает, что эта структура во многих странах Запада не такая страшная, как ее рисуют. Как правило, забирают детей на время, чтобы проанализировать ситуацию, помочь

семье в трудной жизненной ситуации и, по возможности, вернуть детей в семью. То есть, нет цели отнять детей навсегда.

Но социальные службы, которые претендуют на решение задач, упускают самое главное: они отнимают у людей право, способность самим решать и искать выход из ситуации.

Как ответ на это и родилась идея семейных конференций сначала в Новой Зеландии, затем она была транслирована во многие европейские страны, в Канаду и в Австралию. И как я уже говорил, в этой ситуации зарождаются инновации, которые, с одной стороны, возвращают нас к определенным практикам и ценностям (в данном случае семейным), с другой – учитывают особенности жизни в большом городе и опираются на возможности государства. Соответственно, эта двойственность ведет к тому, что мы, с одной стороны, говорим об инновации, а с другой – о возврате к определенным ценностям, которые исходно существовали, и на сейчас мы к ним возвращаемся. Поэтому анализируя практику Новой Зеландии, мы говорим о семейной конференции как о новом институте, потому что ведет семейную конференцию не старейшина, а координатор службы, причем в Новой Зеландии это представитель государственного ведомства – Комитета по делам молодежи (тот, что у нас занимается песнями и плясками). У них он занимается именно правонарушениями несовершеннолетних. А в Голландии, насколько я понял, семейную конференцию ведет человек, вообще не принадлежащий к социальным службам, видимо, волонтер. И вот эта двойственность, с одной стороны, помогает нам прояснить существо этих практик, а с другой – постоянно нас держит в напряжении: а в чем же суть этих практик, в чем ядро и смысл того, что мы делаем?

Возникновение семейных конференций в их современном виде датируется 1989 годом. В этом году в Новой Зеландии был принят новый закон, согласно которому все дела несовершеннолетних, кроме умышленных и неумышленных

убийств, направляются на семейные конференции. Причем очень интересно, что сегодня на семейную конференцию не так много дел направляется, а есть очень разветвленная система альтернатив, например, когда полицейский в ответ на проступок подростка ограничивается предупреждением. Семейная конференция используется в сложных ситуациях, когда не помогают другие некарательные меры. И тогда собирается расширенная семья, чтобы обсудить проблемы и найти решения. Это традиционные встречи для маори. Но такие встречи не учитывались официальным правосудием при принятии решений в отношении детей. Это привело к тому, что появилось большое количество несовершеннолетнего тюремного населения в Новой Зеландии и, в основном, это были дети маори. Стали консультироваться со старейшинами общин, и они сказали, что у них другой тип реагирования на преступление, а именно: семейные конференции, семейные встречи. И после этого власти Новой Зеландии приняли решение о синтезе официального правосудия и традиционного института. В ходе этого синтеза было принято решение о том, что в Комитете по делам молодежи назначаются координаторы, которые будут вести семейные конференции, их инициировать, но все решения будут принимать члены семьи.

Семейная конференция делится на три этапа. Первый этап – это информация и обмен мнениями, точнее, информирование. Информирование, как правило, полицейский, могут еще информировать социальные работники, социальные службы. Далее происходит обмен мнениями. Потерпевший может что-то рассказать, члены семьи и т. д. То есть такая разносторонняя коммуникация. Второй этап – это составление плана, когда семья остается одна и составляет план без социальных работников и координаторов. Третий – это утверждение плана, когда семья возвращается и уже вместе со всеми, с полицейскими и социальными службами, обсужда-

ет план. Он должен быть принят единогласно, если кто-то не согласен, то дальше обсуждается, чтобы все-таки было согласие всех. Вы смотрели фильм о семейной конференции по преступлениям⁶, но семейные конференции проводятся и по ситуациям, когда ребенок в опасности, когда есть угроза лишения родительских прав. В Голландии довольно сильно развито это направление.

Давайте для сравнения возьмем российскую ситуацию. Если мы говорим о том, что семья – это мама, папа и ребенок, назовем ее семья 1. Дальше мы предполагаем, что у них какие-то отношения рвутся и ребенок выпадает из этой системы. В итоге вокруг ребенка начинают выстраиваться связи: КДН, инспектор, представители социальных служб и инспектор по опеке, который, в конце концов, принимает решение и инициирует лишение родительских прав, может направить дело в суд – и судебная инстанция уже решает судьбу ребенка. Теперь у меня вопрос: а в каких случаях эти персонажи могут действительно изменить ситуацию? Вот ребенок выпал, родители пьют и т. д.

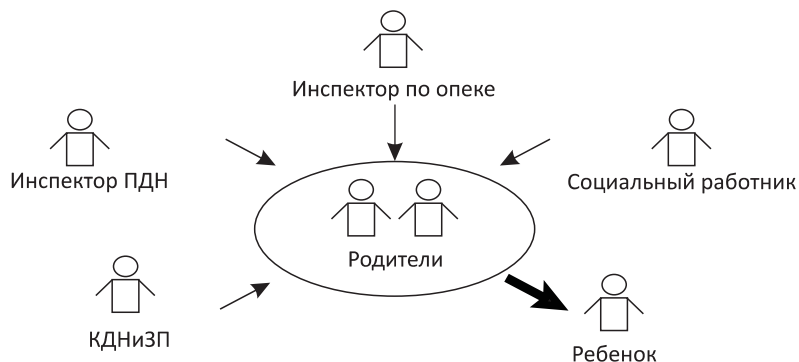

Схема 2. Ситуация семьи 1

⁶ Перед лекцией был просмотр новозеландского фильма «Случай из практики правосудия по делам несовершеннолетних с участием представителей маори». В обсуждении лекции участники ссылаются на данный фильм.

Ответ: Социальный работник начинает работать с семьей и восстанавливать эти связи, когда семья сотрудничает и осознает свою ситуацию. Когда социальный работник не контролирует, а работает наравне с членами семьи.

Р.М.: А в социальной службе кто? Не один человек, как я понимаю? Несколько человек работает с семьей?

Ответ: С семьей работает один, но если произошел конфликт с обществом, полиция привлекает специалистов, психологов и говорит о последствиях.

Р.М.: То есть, если вы не перестанете пить, то мы отберем у вас детей.

Ответ: Да, иногда это срабатывает. Для кого-то это значимая ценность.

Р.М.: То есть, если не все потеряно, что-то может происходить?

Ответ: Да. Ребенок изымается, и родителям говорят: если вы сделаете то-то и то-то, то ребенка вам вернут. Устроитесь на работу, приберетесь дома, закодируетесь... Как правило, это срабатывает – и ребенка возвращают.

Р.М.: И это происходит? Он бежит кодироваться, ребенка возвращают?

Ответ: Да, но не во всех случаях.

Р.М.: А почему не получается?

Ответ: Внешний фактор. Семья не решает ничего. За них все решают.

Р.М.: То есть, если бы они решали, то было бы по-другому?

Ответ: Да.

Р.М.: А если, предположим, у них паралич воли, или, как вы говорили, беспомощность, то как они могут решать?

Ответ: В социальной службе есть технология.

Р.М.: Социальная беспомощность. И на это есть технология (смех). Давайте предположим, что представления о том, что семья – это папа, мама и ребенок, ложны. Назовем

это семья № 1 (см. схему 2). А подлинная семья – это семья № 2, куда входят наряду с родителями и ребенком бабушки, дедушки, тети, дяди, братья и сестры... Вот это и есть настоящая семья.

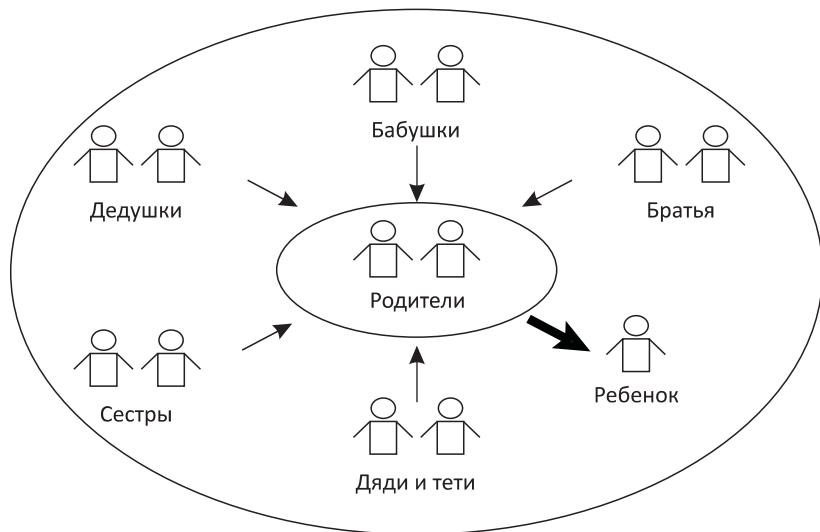

Схема 3. Семья 2

Предполагается, что такая семья и принимает решения в семейной конференции. Но поскольку разлажены связи, которые могли бы стать ресурсом, их надо чинить. Координатор семейной конференции работает не столько с родителями и ребенком, сколько создает условия для восстановления связей в этой семье, чтобы эти связи помогли, в конце концов, решить ситуацию, поскольку содержание решения – это ответственность семьи. То есть, что именно надо сделать, это не вопрос координатора семейной конференции. Если вы считаете, что у вас есть технологии работы с немотивированным клиентом, и вы знаете и понимаете, какие у него проблемы и как их решать, как конкретно помочь

ребенку, то у координатора семейной конференции другая картина мира. Мария, у Вас есть вопрос?

Вопрос: Мне показалось, что второй рисунок – это то же самое, что и первый, только усложненный.

Р.М.: Да, здесь присутствуют родственники, кроме родителей и ребенка.

Вопрос: Но мы смотрели фильм, там был констебль и кто-то еще...

Р.М.: Вы правы, социальные службы, полиция и суды помогают запустить этот процесс. Они здесь есть, но выполняют совсем другую функцию. Они как запускающий механизм. Судьи также проверяют решения семейных конференций в Новой Зеландии, если суд направил случай. Но направить на семейную конференцию могут и полиция, и суды, и социальные службы.

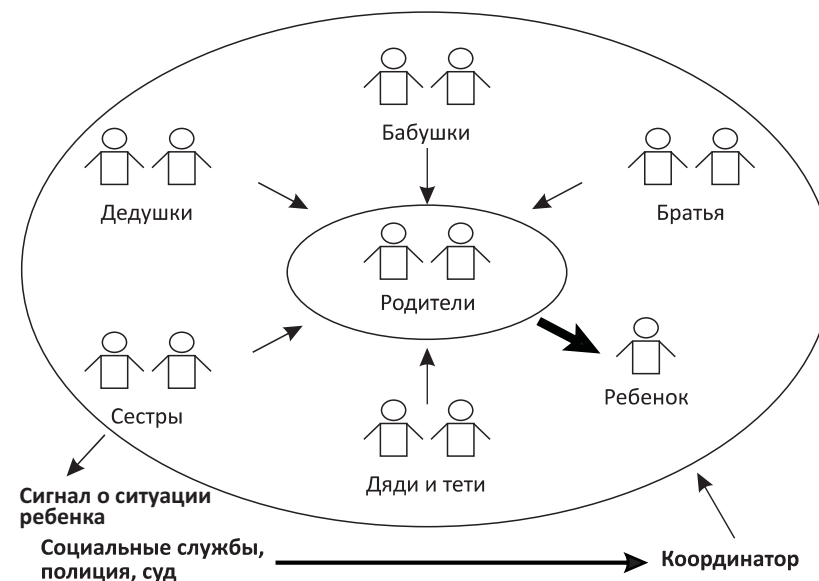

Схема 4. Процесс инициирования семейной конференции

Реплика: Раньше было три связи, которые нужно было восстановить, а сейчас в четыре раза больше.

Р.М.: А поэтому я и говорил, что когда вы узнаете, что такое семейная конференция, у вас может наступить разочарование.

Реплика: А я не очень согласна, что видение разное, потому что социальные работники тоже работают на восстановление связей. Я бы сказала, что используются разные инструменты. При работе с семьей идет поиск ресурсов, может быть, это внутренние или внешние ресурсы семьи. Специалисты могут составить генограмму.

Р.М.: Вы говорите: у меня есть знания, я их могу привлечь, генограмму, например. А я говорю: у координатора нет никакого знания, у него есть одно знание, что семья может выработать план и его придерживаться. Это единственное знание, которое у него есть. Специалисты могут помочь, я не сомневаюсь, но я сейчас говорю про фигуру координатора.

Реплика: Я понимаю, вы противоречие хотите показать...

Р.М.: Это не противоречие, это другая картина мира.

Реплика: А реально с семьей заключается контракт. Причем пишут пункты этого контракта семья или член семьи, а специалист поддерживает их в этом.

Р.М.: Вы хотите все свести к инструментам специалиста по социальной работе или психотерапевта, что именно они могут помочь семье. А я говорю, что дело не в инструменте, а в видении, в том, что у координатора семейной конференции другое видение, у него нет знания о том, что нужно или не нужно семье, этим знанием обладает сама семья.

Реплика: Точно такая же по сути позиция у специалиста.

Р.М.: Но тогда ему не нужны никакие генограммы.

Реплика: Не нужны.

Р.М.: Ему нужны представления на уровне принципа, что расширенная семья может решить проблемы.

Реплика: А у меня сейчас такое ощущение по этим картинкам, что специалисты здесь пытаются стать членами семьи и заменить кого-то из них.

Р.М.: У меня тоже такое ощущение, что есть как-бы претензия на это. А поскольку часто не удается что-то сделать, можно сказать, что в семье 1 все разрушено, ее члены ничего не понимают и не осознают. А у нас сегодня мало инструментов, поэтому за ними надо съездить, желательно куда-нибудь подальше и в интересную страну с большими наработками, например, в Японию.

Реплика: Но вы сейчас просто извращаете.

Р.М.: Я провоцирую вас на оппозицию.

Реплика: Получается, что специалист, который на первом рисунке входит в семью, это как костыль. То есть семья хромает, ее можно вылечить...

Р.М.: Вы сейчас хотите лечить. А я говорю, что нельзя лечить.

Реплика: Я понимаю. Я говорю, что специалист, который входит на этом этапе в семью, заменяя собой родственника, является инородным телом, костылем. Семья на него опирается, и он ее тащит за собой. А если восстановить связи, костыль не нужен будет. Да?

Р.М.: Скорее не костыль, а запускающий механизм, как в рогатке, знаете?

Вопрос: А каким образом восстанавливаются связи на семейной конференции?

Р.М.: На семейной конференции или при подготовке?

Вопрос: При подготовке.

Реплика: Но ведь можно сказать, что работа специалиста по социальной работе на этой схеме – это тоже некая подготовка, чтобы семья начала принимать решения самостоятельно. То есть все действия эти подготовительные.

Р.М.: Я сейчас говорю про координатора. Я хочу эту фигуру координатора увеличить, как через увеличительное стекло, чтоб мы ее поняли. Если не поймем картину мира координатора, мы все время будем замещать семейную конференцию нашими привычными способами работы. Говорить, например, что это просто еще один инструмент работы социального работника.

Реплика: Мы уже спорили об этом, и я не хочу продолжать спор, поскольку у нас разное базовое образование. У вас, насколько я понимаю, историческое, а у меня психологическое, у нас разное видение.

Р.М.: А причем тут образование?

Реплика: Потому что вы тогда говорили, что психологическое образование может мешать медиатору...

Р.М.: Я этого не говорил. Я говорил с точностью наоборот, что психологическое образование в определенных случаях помогает работе медиатора, так как многие инструменты в медиации взяты из психологических практик. Здесь я не очень понимаю, что вы мне хотите доказать?

Реплика: Вы пытаетесь доказать значимость семейных конференций. Но ее не надо доказывать. Она понятна. А я хотела бы сказать о противопоставлении семейной конференции социальной и психологической работе.

Р.М.: Я не хочу противопоставлять семейные конференции, если я вас правильно понял. Социальная работа важна как спусковой крючок. Я просто хотел одну вещь сказать: у координатора семейной конференции другая картина мира. Другая позиция. И поэтому мне надо было сравнить эти две картины мира. И это представление, прежде всего, не технологическое и не инструментальное, хотя определенные инструменты у координатора тоже есть.

Реплика: Мы сейчас говорим, на самом деле, о ценностях, о позиции медиатора.

Р.М.: О ценностях, о позиции, о картине мира координатора, в которой зашита определенная ценность.

Реплика: Я сейчас вспомнила об одной семье. Она жила, по-моему, в трехкомнатной или двухкомнатной квартире, и там было три или четыре семьи. Так как это была очень расширенная семья, было ощущение, что им никогда не выбраться из проблем. Присутствовала умственная особенность – олигофрения. Я к тому, что конференцию не ко всякой семье можно применить.

Р.М.: А вы сейчас где? Вокруг семьи 1 как социальный работник или психолог или вокруг семьи 2 как координатор? По-моему, вокруг семьи 1. Вы уже поставили диагнозы. Вы знаете, я работал с одним мальчиком, которому поставили диагноз клептоман и шизофреник. Провел медиацию между ним и его семьей, и они заключили соглашение.

И еще второй момент. К нам обратилась судья и сказала: «В СИЗО сейчас две девочки сидят, они на свалке жили и постоянно воровали. Если я их сейчас отпущу, они опять уйдут на свалку и будут красть. Можете ли вы что-нибудь сделать?» Они жили где-то рядом с Москвой, одна, кажется, в Тверской области. Мы поехали сначала в Тверскую область к ее родственникам и посмотрели, кто может ее взять...

Вопрос: А они не сироты?

Р.М.: Там сложный момент. У одной были родственники, у другой не было. Потом мы поехали в другую область. И везде нашли поддержку. Затем их освободили и сразу передали нашему социальному работнику, Дине Йошпе. Она отвезла одну девочку в одну область, другую – в другую. И, кстати, интересно, что в поселке, где вторая девочка жила, бывший начальник ПДН согласился ее опекать. Вот видите, это какая-то общинная структура. Видимо, этот начальник ПДН был не просто в погонах человек, а человек, интегриро-

ванный в жизнь поселка, то есть разные же бывают полицейские. И мы восстановили социальные связи.

Реплика: Я еще хотела добавить. Мне кажется, координатор в данном случае создает определенные условия, при которых семья сама начинает справляться и запускается естественный механизм работы семьи. Создается микрообщество, которое в итоге разрастается до расширенной семьи. А в случае если не получается собрать ближайшее окружение, то выходим в мир, к людям – и уже КДН, суд, тюрьма и другие мероприятия.

Р.М.: Реабилитационные мероприятия.

Реплика: До этого есть еще один слой. Бывший начальник ПДН, который интегрирован в сообщество, он же за пределами семейной связи, поэтому он еще до КДН может опекал и осуществлять такие близкие связи и контакты.

Р.М.: Да, мы же не знаем всей ситуации до конца. Там может быть много разных моментов: может, он себя дедушкой какое-то время чувствовал по отношению к ней, опекал ее, конфетами угощал, когда она маленькая бегала в пятилетнем возрасте. Но мы этого ничего не знали. У нас знаний как таковых не было, мы не изучали, не диагностировали, анализ ситуации не проводили.

Вопрос: Рустем, тогда вопрос. А там была семейная конференция или просто нашли поддержку?

Р.М.: Нет, конечно. Я говорю о принципе, который мы реализовали. Принцип опоры на социальные связи.

Вопрос: А кто находил ресурсных людей?

Р.М.: Мы знали только адреса. По ним поехали в поселки и опрашивали всех людей в близлежащих домах: кто знает девочек, чем могли бы помочь и т. д. Обсуждали, в какую ситуацию они попали. Кто-то нас «посылал», кто-то слушал...

Вопрос: Девочки согласились туда поехать?

Р.М.: Да, конечно. Иначе бы этого ничего не было. После клетка они, конечно, на все были согласны.

Вопрос: Но поселок – это все же какое-то землячество, а в городе?

Р.М.: В городе надо специальную работу проводить. Я сейчас не про конкретный механизм, а про сам принцип. Как нам снять привычную зашоренность и видеть довольно простые вещи – вот в чем вопрос.

Реплика: Рустем, здесь совершенно другое качество связей и контактов, потому что специалисты – это функция, это ограниченный контакт, а есть близкие связи, пусть начальник ПДН, я уже не говорю про родственников. Это круглосуточная работа. В социальной работе нам всегда приходится сталкиваться с тем, что вроде все хорошо, но если нет круглосуточной работы, душевной, ничего не работает. Допустим, я, работая с детьми, с их родителями, даже пытался оценить, какие объемы круглосуточной работы должны быть. Если использовать метафору, у друзей может быть такая круглосуточная работа...

Вопрос: Круглосуточный контакт?

Реплика: Да, совершенно верно, на высоком качестве контакт. Это человеческий контакт, не ролевой. Одна божественная сущность выходит на другую. Мне вспомнился Михаил Светлов. Он как-то одному своему другу в Москве позвонил, ему не спалось, часа в два. А тот говорит: «А ты знаешь, который час?» А он отвечает: «Извини, я думал, что дружба – понятие круглосуточное».

Р.М.: То есть вам дети, с которыми вы работаете, могут в три часа ночи позвонить и поделиться?

Реплика: Мы же и работаем на то, чтобы дети не звонили нам в три часа ночи.

Р.М.: Но у них есть потребность.

Реплика: Правильно. А мы и находим таких людей, чтобы ребенок мог им позвонить в три часа ночи, и специалист здесь работает на то, чтобы уйти от этой семьи, а в другой картине мира специалист пытается заменить семью.

Р.М.: А вот в картину мира координатора семейных конференций еще надо попасть. Поэтому я бы по-другому сказал. Вы спрашиваете, в какой ситуации можно проводить семейные конференции, а в какой не проводить. Я бы по-другому поставил вопрос: готовы ли вы поверить в ресурс семьи 2 в том случае, когда есть опасность для ребенка, и вы чувствуете, что там ситуация сложная? И соответственно, готовы ли вы на такую большую подготовительную работу?

Реплика: Но здесь-то трата сил еще больше, чем в семейной конференции, где семья уже берет ответственность.

Р.М.: Если лишать родительских прав, то там быстро все происходит.

Реплика: Но дальше-то все равно идет работа. Кто-то все равно работает – детский дом.

Р.М.: Да. Но вы же мыслите целостно за государство, а у нас – представители ведомств, им, в общем на это все, как я понимаю... Получается, что когда мы мыслим целостно, за общество, за государство, мы не находим такого же видения у представителей ведомств, у которых палочно-галочная система, «идите вы со своим ребенком, у меня много работы». А какая работа, мы знаем: протоколы, заполнение разного рода документов и т. д.

Удалось ли мне донести до вас идею, которая у меня сегодня родилась по поводу семейной конференции? Она у меня долго зрела, я ее долго вынашивал.

Вопрос: Озвучьте, как вы ее назвали.

Р.М.: Картина мира координатора, в которой он работает, способствует тому, чтобы семейная конференция состоялась. Мне кажется, что не случайно в законе Новой Зеландии одна из важнейших целей семейной конференции – укрепление семьи. И я думаю, что если мы делаем вклад в создание особого правосудия по делам несовершеннолетних, важно все-таки откликнуться на те потребности, о которых говорят антиювеналисты. Я не предполагаю, что они наши враги,

хотя они обвиняют нас в тяжких грехах. Вот эта цель – укрепление семьи – мне кажется важной в правосудии по делам несовершеннолетних. Одна из целей, во всяком случае. И если ее объявить, если показывать, как правосудие по делам несовершеннолетних содействует укреплению семьи, мне кажется, это достойный и конструктивный ответ антиювеналистам. И здесь семейные конференции получают магистральное направление.

Вопрос: А у них есть цель услышать-то?

Р.М.: Я думаю, что здесь важно сказать, а там уже, как говорится, время покажет. Мы же не можем включаться в игру «дурак – сам дурак». Есть ли вопросы, суждения, размышления?

Вопрос: Рустем, а кто может быть координатором не в Новой Зеландии, а у нас?

Р.М.: Хороший вопрос. В мировом опыте существует, как минимум, два варианта. В Голландии считают, что координаторами должны быть независимые от государства люди, а в Новой Зеландии координаторы – представители государства. Я думаю, у нас не много людей, которые согласны быть координаторами семейной конференции. Поэтому нам самим и нужно быть координаторами. Главное, мне кажется, понять картину мира, в которой живет и работает координатор. А где он работает, с одной стороны, не важно, но с другой стороны – важно с точки зрения получения информации.

Реплика: Для проведения семейной конференции у семьи должна быть какая-то мотивация, правильно? Ведь не просто так они объединяются, а по поводу чего-то. То есть какой-то запускающий момент должен быть. Либо это правонарушение...

Р.М.: Преступление, правонарушение либо родители пьют и есть опасность лишения родительских прав.

Реплика: То есть проблема, маячок тюрьмы всегда должен быть.

Р.М.: Конечно. А для этого и нужны эти структуры, которые запускают механизм. Ведь что такое информация или обмен мнениями? Здесь как раз полицейский или социальные службы представляют, в чем заключается проблема на их взгляд. Но это только на их взгляд, потому что семья может сказать, что она видит проблему в другом и ее будет решать. Предполагается, что здесь будут идти разные процессы, звучать разные мнения, которые внесут вклад в решение этой проблемы. Может там такой поддон, о котором мы не знаем, а семья и не хочет нам говорить. Но оставшись одна, она это обсудит.

Реплика: А это как-то развивает членов семьи, которые находятся в зоне риска, являются самыми слабыми, балластом семьи? Например, семья собралась, в семье зависимая мама, у нее забирают ребенка, семья принимает решение, что будет круглосуточно ее контролировать, чтобы она не употребляла, поделит немножко ответственность. У мамы зависимость не пропадет, а головная боль у всех родственников будет со временем все больше и больше возрастать, потому что контролировать достаточно сложно.

Р.М.: А вы сейчас за кого – за родственников? Вы сейчас в какую игру играете? Вы сейчас родственникам соперничаете?

Ответ: Я за ребенка. Ребенку нужна мама.

Р.М.: Я не понимаю, в чем мысль ваша? Ну да, такое может быть, и что? У родственников напряжение возрастет, их вклады возрастут, они будут пытаться что-то сделать, и что?

Вопрос: А результат тогда конференции?

Р.М.: А кто вам сказал, что у всех конференций будет результат?

Ответ: Хотелось бы. Мы в фильме сегодня видели, что первая конференция не удалась, может, было принято неправильное решение... У специалистов есть некие знания,

которыми они могли бы поделиться с семьей. Каким образом можно было бы спланировать эту работу?

Р.М.: Для этого и нужно принятие плана на третьем этапе, где план вместе со специалистами принимается, и специалисты могут все свои сомнения, опасения высказать.

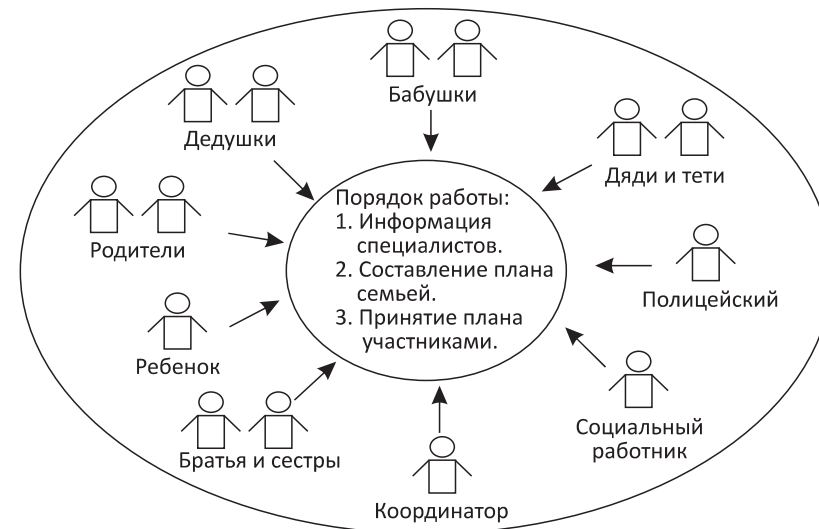

Схема 5. Порядок работы семейной конференции

Вопрос: На предварительных встречах специалист может давать такие знания?

Р.М.: Нет. Ни в коем случае. На предварительных встречах решается вопрос, соберется ли семья. Дальше информация о ситуации доносится на первом этапе и на последнем этапе. А в середине вырабатывается план.

Вопрос: То есть план должен устраивать всех, в том числе и работников?

Р.М.: Обязательно. Например, он может устроить или не устроить. Как следствие, возникают диалог, коммуникация.

Вопрос: Если он не устраивает, встреча продолжается здесь и сейчас?

Р.М.: Ее можно перенести. Там уже сами люди решают.

Реплика: У нас сейчас клиент такой есть. Девочка вернулась из детдома, у нее олигофрения, родители лишены родительских прав. А в семье все пьют, очень много родственников и все зависимые. Насколько целесообразно в такой ситуации их собирать и с ними разговаривать. Там мама хроник и отчим...

Р.М.: Но вы же сами принимаете решение о целесообразности. Это же не универсальная отмычка. Просто собираетесь, решаете.

Вопрос: А в вашей практике какие есть ограничения?

Р.М.: Практика пока у нас небольшая. По моей информации, есть опыт проведения семейных конференций в Мурманске, Новосибирске, в центрах «Перекресток» и «Рост» в Москве. Я думаю, существует только одно ограничение: если вы не принимаете эту картину мира и не пытаетесь что-то сделать. Хотя есть совсем уже пограничные ситуации, где довольно сложно что-то сделать.

Реплика: Семья на патронаже остается.

Вопрос: Работа, в принципе, с созависимыми людьми. Можно ли в этом случае проводить семейную конференцию, на чем тогда основываться, чтобы решить проблему, от которой страдает созависимый член семьи?

Р.М.: Если вы начинаете работу и считаете, что в семье проблемы, то дальше ищите тех людей, кто может помочь.

Реплика: В семейных конференциях семья выступает как ресурс. В этой ситуации семья выступает еще как сила, которая ставит условия.

Р.М.: С определенными ограничениями. Когда семья принимает план, он дальше обсуждается совместно со специалистами. Если не все план принимают, то его надо до-

рабатывать. Вы, как специалисты, смотрите план и видите, что вас не устраивает, и тоже обсуждаете.

Вопрос: А если получается, что семья говорит о принятом решении, а ребенок говорит: «Я против»?

Р.М.: Это обсуждается до тех пор, пока все не будет «за». Потому что ребенок излагает свои мотивы, остальные слушают, они ведь тоже могут не согласиться с ребенком. И аргументация может быть принята во внимание ребенком. Одно дело, если в семье конфликт и ему что-то сказали, а он не слышит из-за конфликта. А другое дело, если то же самое ему сказали другие люди. Это разные вещи. Бывают ситуации, когда семья сама не может справиться с ребенком, у меня часто были такие ситуации. И не из-за того, что пьют, а из-за того, что действительно не знают как и что делать.

Реплика: Да, это как раз тот случай, когда ребенок на границе совершеннолетия или приближается к этому. Семья говорит, что не может ничего с подростком сделать, а им отвечают, что никуда его не заберут. Родительских прав лишать не будут. И что тогда делать?

Р.М.: Как сказали бы психологи, пубертатный возраст.

Вопрос: Тогда какие последствия могут быть? В фильме было четко показано: либо суд, либо семейная конференция. Семья понимает эти последствия?

Р.М.: Да. И как вы правильно сказали, ресурс и есть в том, чтобы не только не замыкаться на решении данной ситуации двоим людям, но и всех привлечь к решению. И все остальные члены семьи будут это обсуждать. Это будет их общая ответственность. Координатор не советует, что надо делать.

Вопрос: А есть какая-то статистика по семейным конференциям?

Р.М.: Исследователи Максвелл и Моррис, которые проанализировали 150 тысяч новозеландских семейных конфе-

ренций, получили следующие результаты: профессионалы юридической системы одобрили 85 % планов, с которыми выступили семьи; число детей и подростков, находящихся в государственных учреждениях, сократилось на 60 %; 35 % детей было передано на воспитание родственникам вместо того, чтобы изъять их из семьи⁷.

⁷ Цит. по: Лекции Роба ван Паже по семейным конференциям в Мурманске. 2004. Архив центра «Судебно-правовая реформа».

Публикации автора

Книги

1. Школьные службы примирения. Идея и технология (в соавт. с А.Ю. Коноваловым). М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2009.
2. Проведение программ восстановительного правосудия для несовершеннолетних (методическое пособие). М.: ООО «Информполиграф», 2009.
3. Восстановительная медиация: идея и технология. М.: Институт права и публичной политики, 2009.
4. От локальных экспериментов к инновационным регионам. Этапы создания пилотных площадок в области отработки элементов восстановительной ювенальной юстиции в России. Методические рекомендации. М.: Институт права и публичной политики, 2010.
5. Восстановительная медиация. Практическое руководство для специалистов, реализующих восстановительный подход в работе с конфликтами и уголовно наказуемыми деяниями с участием несовершеннолетних. М., 2011.

Статьи

1. Подросток в городе: проблемы социализации (методические рекомендации) (в соавт.). Казань: Министерство культуры Татарстана. Казанский государственный университет, 1988.
2. Процесс социализации молодежи и деятельность СПК в условиях промышленного района (методические разработки). Казань: Министерство культуры Татар-

- стана. Казанский государственный университет, 1988.
3. Перспективы и пути развития объединения «Подросток» (методическая разработка) (в соавт.). Казань: Министерство культуры Татарстана. Казанский государственный университет, 1989.
 4. Проблемы социологического образования // Проблемы социального развития в условиях формирования рыночных отношений. Казань: Казанский государственный педагогический институт, 1993. С. 100–101.
 5. К вопросу о социально-исторических основаниях этнических конфликтов // Актуальные проблемы политического и социально-экономического развития страны (в соавт.). Казань: Казанский государственный технический университет им.Туполева, 1993. С. 65–66.
 6. Аналитические материалы, посвященные международной конференции ЮНЕСКО «Культура молодых городов». Вестник Центра образования и развития. Набережные Челны, 1993. С. 3–16.
 7. От интерпретационных к программным формам анализа культурных текстов // Культурология и культуротехника в контексте образования. Труды Международной академии бизнеса и банковского дела. Тольятти, 1995. С. 149–157.
 8. Суд присяжных как процесс правосознания: к программе исследований и разработок // Судебная реформа: проблемы анализа и освещения. М.: Российская правовая академия, 1996. С. 317–320.
 9. Западный опыт: тюремный бизнес или социокультурные программы ограничения области деятельности органов уголовного преследования. Преступность и закон. Тезисы конференции. М.: Криминологическая ассоциация, 1996. С. 122–124.
 10. Общественный защитник и особенности его выступления в судебном заседании // Права человека в России. Информационный бюллетень. Московский исследовательский центр по правам человека. Вып. 21. М., 1996. С. 27–33.
 11. Факторы, влияющие на тюремную реформу // Права человека в России. Информационный бюллетень. М.: Московский исследовательский центр по правам человека. Вып. 22. 1996. С. 13–20.
 12. Знай свои права. Пособие для подростков и их родителей (в соавт.). М.: Московская школа по правам человека, 1997.
 13. Является ли недофинансирование главной проблемой судебной реформы // Представительная власть. Фонд развития парламентаризма. 1997. № 5–6. С. 22–35.
 14. Кампания по продвижению общественных интересов. Развернутая программа семинара для общественных организаций. USAID. Проект по развитию институциональных партнерств. М.-Рязань, 1997.
 15. Методологические проблемы информационно-аналитического обеспечения уголовной политики // Уголовная политика России – прошлое, настоящее, будущее. М.: Общественный центр содействия реформе уголовного правосудия, 1997. С. 65–66.
 16. Формирование правовой общественности – условие продолжения судебной реформы // Гражданские инициативы и будущее России. М.: Школа культурной политики, 1997. С. 126–138.
 17. Необходима новая концепция судебной реформы // Правозащитник. 1997. № 4. С. 32–40.
 18. Что стоит за проектом УПК, принятым Думой // Права человека в России. Информационный бюллетень. М.: Московский исследовательский центр по правам человека. Вып. 30. 1998. С. 27–31.
 19. Институт примирения для несовершеннолетних правонарушителей в уголовном процессе: необходимость

- и условия развития (в соавт.). Уголовное право. 1998. № 1. С. 67–76; Правозащитник. 1998. № 2. С. 38–54.
20. Ролевые игры в обучении праву в школе (в соавт.). Лицейское и гимназическое образование. 1998. № 2.
21. Обучение праву школьников с использованием ролевых игр (в соавт.). Основы государства и права. 1998. № 4. С. 26–36; Кентавр. 1998. № 20.
22. Примирение жертвы и правонарушителя: проект реализации идей восстановительного правосудия в России. Адвокат. 1998. № 5. С. 59–77.
23. Теневые сообщества как феномен государственного управления в России (в соавт.) // Куда идет Россия? Трансформация социальной сферы и социальная политика. Пятый международный симпозиум. М.: «Дело», 1998. С. 159–164.
24. Программы примирения в России: технология и действующие лица (в соавт.) // Зер Х. Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа». 1998. С. 326–350.
25. Защита от насилия в семье: проблема разработки комплексной социальной технологии (в соавт.) // Куда идет Россия?.. Трансформация социальной сферы и социальная политика. Пятый международный симпозиум. М.: «Дело», 1998. С. 340–345; Социальные работники за безопасность в семье. М.: РИК Русанова, 1999. С. 84–89.
26. Комплексный подход к защите от насилия в семье (в соавт.) // Социальные работники за безопасность в семье. М.: РИК Русанова, 1999. С. 17–21.
27. Преподавание права в школе: принципы и особенности использования ролевых игр (в соавт.) // Ты и государство. Музей и общественный центр «Мир, прогресс и права человека» им. Андрея Сахарова. М.: «Полиформ-Талбури», 1999. С. 77–109.
28. Преподавание права в школе: смысл и задачи построения дисциплины // Ты и государство. Музей и общественный центр «Мир, прогресс и права человека» им. Андрея Сахарова. М.: «Полиформ-Талбури», 1999. С. 110–114.
29. Общественная инициатива: от дружеского круга к институциональному проекту (в соавт.) // Возможности и перспективы ресурсных центров России. Материалы конференции. М., 1999.
30. Программы примирения по делам несовершеннолетних – по пути практической реализации идей восстановительного правосудия в России (в соавт.) // Правосудие по делам несовершеннолетних. Перспективы развития. Вып. 1. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 1999.
31. Юридический алгоритм осуществления процедур примирения по делам несовершеннолетних (в соавт.) // Правосудие по делам несовершеннолетних. Перспективы развития. Вып. 1. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 1999.
32. Программы примирения в России (в соавт.). М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 1999.
33. Программы восстановительного правосудия в России // Правозащитник. 2000. № 3.
34. Программы восстановительного правосудия в России: вызовы и ответы // Правосудие по делам несовершеннолетних. Мировая мозаика и перспективы в России. Вып. 2. Кн. 1. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2000. С. 196–210.
35. Ювенальная юстиция в мире: проблема переноса опыта в Россию (в соавт.) // Ювенальная юстиция: правовые и технологические аспекты. Сб. статей. М.: Российский благотворительный фонд «Нет алкоголизму и наркомании», 2000. С. 25–59; Правосудие по делам

- несовершеннолетних. Мировая мозаика и перспективы в России. Вып. 2. Кн. 1. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2000. С. 103–120.
36. Законопроект «О ювенальной юстиции» в России: создание и лоббирование текста или запуск движения? (в соавт.) // Правосудие по делам несовершеннолетних. Мировая мозаика и перспективы в России. Вып. 2. Кн. 1. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2000. С. 155–168.
37. Замечания об основных этапах деятельности социального работника в рамках ювенальной юстиции // Ювенальная юстиция: правовые и технологические аспекты. Сб. статей. М.: Российский благотворительный фонд «Нет алкоголизму и наркомании», 2000. С. 76–79.
38. Программы восстановительного правосудия и социальная работа: возможности взаимодействия в ювенальной юстиции (в соавт.) // Ювенальная юстиция: правовые и технологические аспекты. Сб. статей. М.: Российский благотворительный фонд «Нет алкоголизму и наркомании», 2000. С. 60–75; Вестник восстановительной юстиции // Перспективы для уголовной и ювенальной юстиции. Вып. 1. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2000. С. 23–31.
39. Комиссия по делам несовершеннолетних: реалии и перспективы (в соавт.) // М.: Российский благотворительный фонд «Нет алкоголизму и наркомании», 2000.
40. Восстановительное правосудие: идеи и перспективы для России» (в соавт.) // Российская юстиция». 2000. № 11. С. 42–44.
41. Движение за восстановительное правосудие в России: предмет институционализации // Вестник восстановительной юстиции. Россия. В начале движения... Вып. 2. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2000. С. 4–12.
42. Комментарий к статье Т. Лайши «Опыт организации и проведения программы примирения на этапе предварительного следствия» (в соавт.) // Вестник восстановительной юстиции. Россия. В начале движения... Вып. 2. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2000. С. 13–15.
43. Московская группа: обзор работы и эволюция // Вестник восстановительной юстиции. Россия. В начале движения... Вып. 2. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2000. С. 45–46.
44. Ювенальная юстиция: направления развития в мире и замысел создания в России // Кентавр. 2000. Вып. 23. С. 36–43.
45. Укрепляя доверие: что может правосудие // Вестник восстановительной юстиции. Обзор практики. Вып. 3. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2001. С. 49–55.
46. Ювенальная юстиция: взаимодействие государства и общества в реагировании на правонарушения и отклоняющееся поведение несовершеннолетних (исторический экскурс и методологический анализ) (в соавт.) // Вопросы ювенальной юстиции. Альманах. № 1. РБФ НАН. М., 2001. С. 13–24.
47. Ответ государства и общества на правонарушения и отклоняющееся поведение несовершеннолетних (исторический экскурс и методологический анализ ювенальной юстиции (в соавт.) // Восстановительное правосудие и социальная работа. Учеб. пособие / Под ред. Л.М. Карнозовой. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2001.
48. Социокультурные предпосылки движения за восстановительное правосудие // Восстановительное правосудие и социальная работа. Учеб. пособие / Под ред.

- Л.М. Карнозовой. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2001.
49. Основные понятия, принципы и типы программ восстановительного правосудия // Восстановительное правосудие и социальная работа. Учеб. пособие / Под ред. Л.М. Карнозовой. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2001.
50. Партнерство (в соавт.) // Восстановительное правосудие и социальная работа. Учеб. пособие / Под ред. Л.М. Карнозовой. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2001.
51. Задачи ведущего в программе примирения жертвы и правонарушителя // Восстановительное правосудие и социальная работа. Учеб. пособие / Под ред. Л.М. Карнозовой. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2001.
52. Несовершеннолетние правонарушители в программе примирения: вопрос ответственности (в соавт.) // Восстановительное правосудие и социальная работа. Учеб. пособие / Под ред. Л.М. Карнозовой. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2001.
53. Особенности проведения программ примирения по случаям нанесения ущерба юридическим лицам (в соавт.) // Восстановительное правосудие и социальная работа. Учеб. пособие / Под ред. Л.М. Карнозовой. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2001.
54. Комиссия по делам несовершеннолетних: реалии и перспективы (в соавт.) // Ювенальные технологии. Практическое руководство. М.: Российский благотворительный фонд «Нет алкоголизму и наркомании», 2001. С. 232–260.
55. Расширение области применения восстановительного способа: опыт разрешения конфликтов в учебных заведениях и семьях (в соавт.) // Восстановительное правосудие и социальная работа. Учеб. пособие / Под ред. Л.М. Карнозовой. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2001.
56. Анализ случая, связанного со сложной семейной ситуацией подростка (к разработке принципов и процедур проведения «кругов заботы») // Восстановительное правосудие и социальная работа. Учеб. пособие / Под ред. Л.М. Карнозовой. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2001.
57. Вопросы институционализации программ восстановительного правосудия // Восстановительное правосудие и социальная работа. Учеб. пособие / Под ред. Л.М. Карнозовой. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2001.
58. Цели и смысл движения за восстановительное правосудие (в соавт.) // Восстановительное правосудие в России. Обзор практики. Вып. 3. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2001.
59. Четыре года восстановительной юстиции в России (в соавт.) // Восстановительное правосудие в России. Обзор практики. Вып. 3. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2001.
60. Восстановительные технологии и процедуры в профилактике социального сиротства (в соавт.) // Восстановительное правосудие, ресоциализация и городская политика. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2002.
61. Восстановительное правосудие в России: поиск сторонников в системе городского управления (в соавт.) // Восстановительное правосудие, ресоциализация и городская политика. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2002.
62. КДН: основное звено в системе профилактики социального сиротства. Необходимость и пути реформирования КДН (в соавт.) // Восстановительные про-

- цедуры и технологии в профилактике социального сиротства. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2002.
63. Роль восстановительных процедур в профилактике социального сиротства // Восстановительные процедуры и технологии в профилактике социального сиротства. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2002.
64. Восстановительный подход к социальной сфере // Восстановительные процедуры и технологии в профилактике социального сиротства. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2002.
65. Городская политика и технологии восстановительного правосудия (в соавт.) // Кентавр, 2002. № 23. С. 49–57.
66. Восстановительное правосудие, ресоциализация и городская политика (в соавт.) // Межсекторные взаимодействия. Методология, технология, правовые нормы, механизмы, примеры. Настольная книга-2002. М.: Российский благотворительный фонд «Нет алкоголизму и наркомании», 2002. С. 124–139.
67. Работа школьной службы примирения в ситуациях конфликта с участием представителей группировок подростков: проблема интеграции программ восстановительного правосудия в школы // Вестник восстановительной юстиции. Восстановительное правосудие в школах. Вып. 4. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2002. С. 4–18; Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. СМД методология в конфликтологии. М., 2004.
68. Трансформация форм организации подростков. Материалы исследования, проведенного в 1992–1993 годах социологической лабораторией Казанского государственного университета (в соавт.) // Вестник восстановительной юстиции. Восстановительное правосудие в школах. Вып. 4. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2002. С. 19–27.
69. Юстиция для подростков // Индекс. Досье на цензуру. (17) 2002. С. 164–170.
70. Движение за ювенальную юстицию в России: характеристика современного этапа и версия следующего шага // Движение за ювенальную юстицию в современной России. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2002. С. 101–112.
71. Заметки о проблемах институционализации ювенальной юстиции в России // Опыт и перспективы введения элементов ювенальной юстиции. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2003.
72. Введение. Заключение // Восстановительный подход в работе с криминальным поведением несовершеннолетних (зарубежный опыт). М., 2005.
73. Восстановительное правосудие // Неволя. 2005. № 4.
74. Анализ существующего потенциала ПДН как участника процесса ресоциализации несовершеннолетних правонарушителей (интервью с начальником ПДН г. Лысьвы) // Восстановительная ювенальная юстиция. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2005.
75. Заметки о восстановительном подходе в ювенальной юстиции // Материалы конференции по юридической психологии, посвященные памяти М.М. Коченова. Ч. II. М.: МГППУ, 2005. С. 7–9.
76. Введение // Организация и проведение программ восстановительного правосудия. Методическое пособие / Под ред. Л.М. Карнозовой и Р.Р. Максудова. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2006. С. 6–10.
77. Восстановительное правосудие: концепция, понятия, типы программ. Организация и проведение программ восстановительного правосудия. Методическое посо-

- бие / Под ред. Л.М. Карнозовой и Р.Р. Максудова. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2006.
78. Этапы работы ведущего программ восстановительного правосудия: контексты и действия (в соавт.). Организация и проведение программ восстановительного правосудия. Методическое пособие / Под ред. Л.М. Карнозовой и Р.Р. Максудова. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2006.
79. Подростковые группировки и восстановительное правосудие // Индекс. Досье на цензуру (23). 2005. С. 192–203.
80. Деятельность по продвижению восстановительного правосудия в России: на пути к новому формату общественных инициатив // Вестник восстановительной юстиции. Общественному центру «Судебно-правовая реформа» – 10 лет. Юбилейный выпуск. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2006.
81. Развитие восстановительного правосудия и повышение эффективности применения принудительных мер воспитательного воздействия, прекращение дела за примирением сторон, осуждения к лишению свободы условно // Практика межсекторного взаимодействия. М., 2007.
82. Восстановительная парадигма в ювенальной юстиции: проблема взаимодействия специалистов и участников криминальной ситуации // Инновационные технологии решения социальных проблем: оценка эффективности. Благотворительный фонд «Династия». М., 2007.
83. На пути к восстановительной ювенальной юстиции в России: контексты и принципиальное устройство региональных моделей, работы с несовершеннолетними правонарушителями (вместо предисловия) (в соавт.) // Восстановительная ювенальная юстиция в России: модели работы в регионах. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2008.
84. Особенности эволюции и устройства московской модели (в соавт.) // Восстановительная ювенальная юстиция в России: модели работы в регионах. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2008.
85. Использование элементов ювенальной юстиции в деятельности Черемушкинского районного суда г. Москвы // Восстановительная ювенальная юстиция в России: модели работы в регионах. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2008.
86. Методологические и методические комментарии к статье Елены Женодаровой «На пути к созданию методики работы в восстановительном подходе. Анализ случая» // Восстановительная ювенальная юстиция в России: модели работы в регионах. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2008.
87. Восстановительное правосудие – ориентир новой образовательной политики // Примирение – воспитательно-образовательная практика XXI века. Материалы всероссийской научно-практической конференции 4–6 июня 2008. М., 2008.
88. Укрепляя доверие: что могут сделать для России школьные службы примирения // Школьные службы примирения. Российская модель школьной медиации. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2008.
89. Российская модель школьной медиации (в соавт.) // Евразийский юридический журнал. 2009. № 6 (13). С. 79–92.
90. Массовая практика в области распространения восстановительных технологий в России – достижения и проблемные точки // Пермская модель ювенальной юстиции. Пермь, 2009. С. 97–101.

91. Версия эволюции и направлений методологических исследований и разработок для педагогики // Чтения памяти Г.П. Щедровицкого 2008–2009 годов. М.: Некоммерческий научный фонд «Институт развития им. Г.П. Щедровицкого», 2010. С. 128–133.
92. Восстановительная медиация: на пути к разработке концепции // Вестник восстановительной юстиции. Концепция и практика восстановительной медиации. № 7. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2010. С. 7–17.
93. Поддержка региональных сообществ – важнейший стратегический ориентир движения за восстановительную юстицию // Вестник восстановительной юстиции. № 7. 2010 (Концепция восстановительной медиации). М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2010. С. 50–53.
94. Создание школьных служб примирения // Практика межсекторного взаимодействия. М., 2010. С. 361–371.
95. Создание пилотных площадок восстановительной ювенальной юстиции // Практика межсекторного взаимодействия. М., 2010. С. 372–384.
96. Понятие восстановительной медиации // Организация социально-психологического сопровождения несовершеннолетних. М., 2011. С. 12–13.
97. Службы примирения в административном и управленческом контексте // Вестник восстановительной юстиции. Развитие арсенала восстановительных практик в работе с конфликтными и криминальными ситуациями. № 8. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2011. С. 54–63.
98. Замысел развития восстановительного подхода в работе районных и городских КДНиЗП // Вестник восстановительной юстиции. Развитие арсенала восстановительных практик в работе с конфликтными и криминальными ситуациями. № 8. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2011. С. 67–69.
99. КДНиЗП как площадка для реализации восстановительного подхода // Использование восстановительного подхода в деятельности Комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав: методическое пособие / Под общей ред. Н.В. Путинцевой. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2012.
100. Базовые элементы модели восстановительной медиации // Использование восстановительного подхода в деятельности Комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав: методическое пособие / Под общей ред. Н.В. Путинцевой. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2012.
101. Восстановительный подход в образовательных учреждениях // Живая конвенция и школьные службы примирения. Теория, исследования, методики / Под общей ред. Н.Л. Хананашвили. М.: Благотворительный фонд «Просвещение», 2011. С. 55–100.
102. Where Society Must Rein In Government: Restorative Justice and Preservation of the Community // Russia's Fate through Russian Eyes: Voices of the New Generation. Westview Press, 2001.
103. Sprawiedliwość naprawcza w Rosji: przegląd działalności Ośrodka «Reforma sądowa i prawna» // Probacyjne środki polityki karnej – stan i perspektywy. Warszawa: Dział Wysawniczy Kancelarii Senatu, 2001, ss. 3333–44.

Максудов Р.Р.

Программы восстановительного разрешения конфликтов
и криминальных ситуаций:
от уникальных эпизодов к заживлению социальной ткани

Выпускающий и литературный редактор *Н.В. Путинцева*
Компьютерная верстка: *А.Ю. Фролова*
Корректор *К.М. Корепанова*

Тираж 300 экз. Заказ №

Отпечатано в типографии «Гарт»
105082, Москва, ул. Малая Почтовая, д. 12

Распространяется бесплатно.